

18+

Михаил Эм

Никогда не целуйтесь с инопланетянами

18+

Том 3

Михаил Эм

**Никогда не целуйтесь
с инопланетянами. Том 3**

«Издательские решения»

Эм М.

Никогда не целуйтесь с инопланетянами. Том 3 / М. Эм —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Трехтомник отвязной фантастики.Том 3.Понравятся
рассказы или нет, зависит от вашего восприятия жизни. Но если вы их
прочитаете, то развидеть не сможете.Книга содержит нецензурную брань.

© Эм М.

© Издательские решения

Содержание

Попутный груз, или Что нужно знать о женской интуиции	6
Почтальон звонит трижды	10
Почти по Лавкрафту	12
Прелюдия, отнюдь не музыкальная	16
Преступники от лингвистики	20
Принесенные ветром	26
Принцесса-оборотень	28
Принцип наихудшего	32
Приятель	38
Проклятие бабушкиной развалюхи	40
Прощайте, друзья!	43
Пыредсказательница	48
Р-развлечемся!	49
Разум повсюду	51
Ребенок Петрова	56
Революционно-космический паропанк	60
Рефейский галоцефалёз	76
Русская нация — самая смертоустойчивая	78
Рыжая	84
Рябчики астероидов	87
Сайт-призрак	95
Самки тоже люди	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Никогда не целуйтесь с инопланетянами

Том 3

Михаил Эм

© Михаил Эм, 2026

ISBN 978-5-0070-7803-0 (т. 3)

ISBN 978-5-0070-7801-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Попутный груз, или Что нужно знать о женской интуиции

Я устроился юнгой в гражданский космофлот семнадцати лет от роду, экстерном окончив космоходку.

— «Космобаржа №19», — сообщили в отделе кадров, выдавая направление. — Тебе повезло, парень. Капитан там легендарный, с ней не соскучишься.

С ней?

Ну да — с ней. Капитаном «Космобаржи №19» оказалась женщина: Илона Омаровна Бекбаева.

Едва я прибыл в Капустин Яр — порт приписки, где в тот момент находилась баржа, — меня первым делом отослали на капитанский мостик, для ознакомительной беседы. Естественно, я робел. Ну как же — легенда гражданского космофлота! К тому времени меня уже просветили, что Илона Омаровна — чуть ли не единственный на космофлоте капитан женского пола: можно сказать, приятное исключение.

И вот я увидел ее.

Высокая, с правильными чертами лица, чуть раскосыми зелеными глазами и русыми волосами, убранными на затылок, — настоящая красавица. И относительно молодая: под тридцать.

Поймите правильно, мне только исполнилось семнадцать — я об этом уже говорил. Тридцатилетняя женщина для такого юнца — старушка практически. Тем не менее Илона Омаровна произвела на меня неизгладимое впечатление. Будь моя воля, я бы немедленно с ней закрутил. Хотя о том, чтобы юнга завалил легендарного капитана в койку, не могло быть речи. Я осознавал свой низкий социальный статус и, если на что надеялся, так это оказаться на хорошем счету.

Илона Омаровна заговорила.

О, у нее был чудесный голос: мягкий и переливчатый.

Капитан подробно расспрашивала — я отвечал как мог, смущаясь и запинаясь. Рассказал, зачем поступил в космоходку, решив посвятить жизнь покорению космического пространства; как отнеслись к сыновьему выбору родители; как удалось сдать экстерном экзамены и каким преподавателям сдавал.

Кое-кого из преподавов Илона Омаровна знала лично и выдала пару анекдотов про них. Я расслабился и припомнил в ответ пару свежих. Мы сообща посмеялись. Потом капитан поведала об обязанностях, которые мне предстоит исполнять, — впрочем, об этом я знал, — и кратко охарактеризовала каждого из команды. Всего на «Космобарже №19» ходили десять человек: я стал одиннадцатым.

В итоге, капитан совершенно меня очаровала. Она вела себя как заботливая мать, что не могло не вызвать ответной благодарности.

От души порадовавшись, как удачно распределился, я отправился в распоряжение боцмана Левенгука — своего непосредственного начальника.

Боцман оказался мужиком обстоятельным и душевным. Но, в отличие от харизматичной Илоны Омаровны, совершенно обычным.

И начались трудовые будни.

Пару дней я — под бдительным боцманским присмотром — входил в курс дела: примерялся и присматривался. А уже на третий день мы отправились в плановый рейс. Требовалось забрать груз на Юпитере и доставить на Тритон.

Через неделю полета «Космобаржа №19» достигла Луны и пришвартовалась на лунной базе для дозаправки.

Илона Омаровна передала текущее командование боцману Левенгуку, а сама улетела в Лунный город по личным надобностям.

С того первого — памятного — разговора я капитана практически не видел и не общался. Служебных обязанностей хватало: туда сбегай, то подай... Да и у Илоны Омаровны доставало забот, надо думать. Вы же понимаете, в обязанности капитана не входит ежедневное общение с юнгой, даже если тот смотрит на нее глазами, круглыми от восхищения.

Команда — под руководством боцмана — успешно дозаправила «Космобаржу №19».

И тут — надо же такому случиться! — администрация лунной базы предложила забрать попутный груз до Юпитера.

Из учебного курса космоходки мне было известно, что попутный груз — дело рядовое, позволяющее избежать порожних рейсов. Поэтому я ничуть не удивился, когда Левенгук командовал погрузку.

Космокар подогнал к нашей космобарже грузовые контейнеры: штук пять или шесть, я точно не помню. Мы принялись неспешно грузиться. Работа эта трудоемкая и ответственная. Контейнеры — даже стандартные — требуют надежного крепления: если крепеж разболтается во время полета и контейнеры отсоединятся, возможны форс-мажорные последствия. Ну, вы понимаете...

В общем, команда занималась погрузкой. И в этот момент из Лунного города возвратилась Илона Омаровна.

Я видел, как она выпрыгнула из шаттла, окинула негодующим взглядом творящееся, быстрыми шагами прошла к Левенгуку и выхватила у него из рук кипу накладных. Это были документы на попутный груз.

До меня донеслось яростное:

— Какого хрена?

Левенгук начал шевелить губами — оправдываться, видимо. До начальства было далеко: звук не долетал. Зато Илона Омаровна не сдерживалась — я прекрасно слышал, как она орет на боцмана своим мягким и переливчатым голосом:

— Немедленно выгрузить! Освободить трюмы! Мы это не повезем! Потому что я так сказала!

После бешеной тирады капитан сунула накладные в невозмутимую рожу боцмана. Бумаги разлетелись, а поскольку искусственная гравитация на лунной базе была пониженной, разлетались они очень долго и очень красиво.

Освободившись от накладных, Илона Омаровна — разгоряченная и разозленная — направилась на выход с грузовой площадки.

А я...

От изумления я окаменел. Еще бы не окаменеть: я впервые узрел, как отзывчивая, доброжелательная и утонченная — во всяком случае, при общении со мной — женщина способна себя вести. Нагло и нахраписто.

К слову, красивой она уже не казалась: скорее, опасной. Этакой разъяренной фурией.

Когда Илона Омаровна проходила мимо меня, наши взгляды пересеклись.

— Ты чего на меня вылупился, пизденый? Иди работай!

Да, именно так она и выразилась! А потом красноречиво удалилась, не бросив другого взгляда в мою сторону.

Я покачнулся.

Боцман Левенгук — крупный мужчина с такими, знаете, перекаченными бицепсами — продолжал собирать разлетевшиеся накладные. При этом сколь-либо удивленным или даже расстроеным не выглядел.

Вскоре боцман связался с водителем космокара и объяснил ситуацию. Тот немного поупрямился, но — делать нечего — принялся буксировать грузовые контейнеры обратно. А наша команда занялась откреплением контейнера, который успела загрузить в трюм.

Но этим конфликт не завершился.

Водитель космокара связался с начальником лунной базы — через полчаса тот прибыл персонально. Сначала объяснялся с Левенгуком, который лишь отстраненно пожимал плечами в ответ.

Суть спора я улавливал, но не мог понять его истинной причины. Не разумел, отчего бы не взять попутный груз, — тем более, за него полагались премиальные. Это являлось необременительной обязанностью космических перевозчиков и одним из способов законной подработки — так нам в космоходке объясняли. С другой стороны, начальник базы не имел права загрузить контейнеры без разрешения капитана, который, согласно Космическому Кодексу, являлся на борту судна единственным и полновластным хозяином.

В итоге, начальник базы потребовал капитана, и та явилась.

До меня долетали обрывки разговора: в частности, визгливые, но крайне увесистые выкрики Илоны Омаровны:

— Я это говно не повезу!.. А мне насрать!.. Вот следующий пускай и везет!..

Под следующим она разумела «Космобаржу №08» — того же типа, что наша, — стоявшую на загрузку сразу после. Восьмерка тоже направлялась к Юпитеру.

Прооравшись как следует, Илона Омаровна удалилась. Начальник базы не остался в долгу, крикнув ей вслед обидное, и тоже улетел восвояси. Мы выгрузили оставшийся контейнер и остались порожними — без полагающихся премиальных.

Я не знал, что подумать: контраст сегодняшнего скандала с беседой, случившейся в первый день моего пребывания на космобарже, был разительным. Но не верить собственным ушам не получалось.

В итоге — со всей доступной горечью, — я осознал, что нахожусь в подчинении у мегеры. О том, чтобы быть у нее на хорошем счету, следовало забыть навеки. Ценных работников такими словами не кличут — я был в этом абсолютно уверен. Ни один из преподавателей космоходки не позволял себе материться в присутствии курсантов, тем более подобным образом к ним обращаться.

Так я считал на протяжении четырех дней, на пути к Юпитеру.

А на пятый день гражданский космофлот потрясло сообщение: потерпела аварию «Космобаржа №08» — та самая, которая стояла вслед за нами в очереди на загрузку. Взорвался один из грузовых контейнеров. Корабль получил значительные повреждения, не обошлось без человеческих жертв.

Взрыв произошел по вине грузоотправителя. Они засунули в контейнер до неприличия изношенный — к тому же левый — агрегат, который потек. Потом неисправную и неотключенную проводку замкнуло. И в довершение это запущенное хозяйство сдетонировало — так, кажется. Хотя официальное заключение не имело значения: вряд ли полномочная комиссия докопалась до действительных подробностей взрыва. В любом случае, это была не диверсия, а заурядная халатность.

И тут я испытал потрясение в третий раз.

Напоминаю, первое я получил во время ознакомительной беседы с Илоной Омаровной — но оно было приятным. Второе — когда капитан, неожиданно и незаслуженно, меня обматерила. И третье — сейчас, когда до меня дошло: отказавшись принять попутный груз, непредсказуемая женщина спасла жизнь нашему экипажу, в том числе мне лично.

Я не мог взять в толк, каким образом она додумалась. Контейнеры были опечатаны, их не просвечивали: да и просветили, кто бы определил, что произойдет на пятые сутки? Ни один эксперт такого не осилил бы — а Илона Омаровна смогла.

Это можно было объяснить лишь интуицией.

Теперь-то я понимал, почему капитан страшно ругалась, сначала с Левенгуком, затем с начальником базы. Она защищала жизни: свою собственную и наши тоже, — при этом не могла объяснить истинной причины отказа. Кто бы — даже в команде «Космобаржи №19» — поверил в ничем не подтвержденную интуицию?! Оттого ее злобные крики и выглядели неубедительными, лишенными логики.

Выходит, не напрасно Илона Омаровна имела в космофлоте репутацию живой легенды.

И я посмел усомниться в капитане: считал ее грубой, истеричной и несправедливой! Обиделся на пизденыша. А как было меня называть, когда я, вылупив зенки — вот уж действительно, лучше не сформулируешь, — молча и осуждающе смотрел, как Илона Омаровна спасает команду от гибели?

Совесть мучила. По всем мыслимым меркам, я не стоил и мизинца этой изумительной и самоотверженной красавицы — капитана «Космобаржи №19».

Сначала — во искупление — я хотел броситься перед Илоной Омаровной на колени, прямо на капитанском мостике и, заливаясь слезами, молить о прощении. Не знаю, что меня удержало. Наверное, сцена показалась слишком сентиментальной и нетактичной. Так что искупать вину предстояло производительным трудом на общее дело.

К Илоне Омаровне я не пошел, но поделился соображениями с боцманом Левенгуком.

Команда «Космобаржи №19» — как и остальной космофлот Солнечной системы — активно обсуждала произошедшее с восьмеркой. Но меня удивляло, почему в обсуждениях отсутствуют упоминания о выдающейся роли, сыгранной нашим капитаном в деле спасения экипажа.

Я изложил накипевшее. Левенгук посмотрел на меня с любопытством.

— Эй, парень! — и, выражая отношение, пошевелил толстыми пальцами. — Сдается мне, ты делаешь слишком поспешные выводы... У нашего капитана предменструальный синдром, всего-навсего. Ну, перед критическими днями, понимаешь?.. Она так ведет себя каждый месяц, в течение двух-трех дней. Сама не своя: бросается с дурацкими распоряжениями на любого, кого увидит. С ума девочка сходит: такой у нее тяжелый период. И никакие обезболы не помогают. Ребятам известно: они капитанские циклы лучше нее изучили, в эти дни стараются Илоне на глаза не попадаться. В спешке забыл предупредить, извини.

И ободряюще похлопал по плечу.

Позже слова боцмана подтвердились. Илона Омаровна являлась квалифицированным капитаном — чуть ли не матерью родной экипажу, — но пару дней в месяц превращалась в форменную сумасшедшую.

Я припомнил интонацию, с которой — в космоходке — ее аттестовали в качестве легенды. Тогда мне почудилась в услышанном некая двусмысленность. Но я пропустил ехидство мимо ушей, а теперь прозрел. Похоже, надо мной тонко поиздевались — даже не знаю, чем досадил тамошнему отделу кадров.

С того случая я отношусь к женской интуиции критически. Знаю, нам сказочно повезло с не принятым на борт грузом, — но при чем здесь интуиция?

С другой стороны, если бы Илона Омаровна не начудила на лунной базе и контейнеры загрузили, рвануло уже у нас. И кто из одиннадцати членов экипажа уцелел, а кого — в плотной белой упаковке — пришлось отправлять в открытый космос ногами вперед, одному Господу известно.

Почтальон звонит трижды

Звоню. Из-за двери слышится хриплый голос:

— Кто там?

— Почтальон.

Дверь открывается. На пороге — дряхлый старик. Лицо щетинистое, исхудавшее. Нет сомнений, этот человек испытывает сильные боли: руки трясутся, колени гуляют под почти невесомым телом.

— Вам приглашение.

— Куда? — сипит старик. — Какое еще приглашение? Я полгода из квартиры не выхожу.

— Считайте, в пансионат.

Следующая квартира в списке. К дверному глазку подходят со второго звонка... но подходят.

— Кто?

— Почтальон.

Дверь отворяется. На меня смотрит женщина лет тридцати, неужоженная. По всему видно, ее поразило глубокое горе, от которого хозяйка квартиры не оправилась. И уже не оправится, вероятно.

С таким вот контингентом приходится работать.

— Вам извещение.

— Какое? — удивляется женщина.

— Разрешено свидание с мужем и дочкой.

Третья квартира, последняя на сегодня. За дверью наяривает похабная музыка.

Звоню — нет ответа. Звоню повторно — снова без ответа: наверное, не слышат. Звоню третий раз, не снимая палец с кнопки в течение минуты. Наконец, подходят, но не открывают.

Голос наглый и пропитой:

— Чего раззвонился, урод?

— Я почтальон. Вам повестка.

В ответ меня посылают по матери. Бывает и так.

— Считайте, в пансионат.

— В какой пансионат? — не понимает старик.

Я поясняю:

— Туда, где нет физической боли. Она полностью вас оставит, а мозги прояснятся. Там вы почувствуете себя значительно лучше. Как в молодости.

Кажется, до старика доходит.

— Вы хотите сказать?..

Да, именно это я и хочу.

— Заждался уже, — бормочет старик. — Уже полгода мучаюсь, могли и поторопиться...
Нужно где-нибудь расписаться?

— Это лишнее. Просто будьте готовы. Сегодня вечером.

— Разрешено свидание с мужем и дочкой.

— Но... — у женщины перехватывает дыхание. — Они умерли. Погибли в автокатастрофе шесть лет назад.

— Мне известно.

Глаза у женщины наполняются слезами.

— И я их увижу?

— Несомненно. Это же свидание. Оно продлится столько, сколько вы пожелаете.

— Боже мой, — рыдает женщина. — Я в таком виде, нужно привести себя в порядок! А подарки там принимают?.. Шесть лет! Ниночка, наверное, совсем взрослая.

— Подарков не берите, все равно пронести не сможете, — предупреждаю я.

— Хорошо, хорошо... Спасибо вам огромное! Скажите, а когда по времени?

— До вечера. Приготовьтесь, я вышлю транспорт.

В ответ меня посылают по матери. Бывает и так.

Что же, справлюсь и сам.

Ногой вышибаю дверь. Внутри захлавленной, заставленной пустыми бутылками комнаты оторопел от неожиданности пьянчуга. Мерзостей за свою бесполезную жизнь он совершил изрядно: клейма ставить негде. По этой причине и не отворял.

Но меня не отсрочить.

Одним движением я сдираю с лица кожу, оставляя голый череп. Затем поднимаю правую руку — из рукава выезжает длинная деревянная рукоятка. Пружина щелкает, на конце рукоятки распрямляется отточенная коса.

Сейчас я вручу тебе повестку, сучонок. Ты догадался куда?!

Почти по Лавкрафту

Паразитический лиловый нарост обвивал березу наподобие спирали, на высоте двух метров завершаясь плоской черной поверхностью — экраном. При надавливании пальцем экран упруго распрямлялся: точь-в-точь резина, но живая.

Подивившись на чудеса природы — и откуда что берется?! — дядя Коля продолжил путь. Идти было тяжело: каждый шаг отдавался в больном позвоночнике — впрочем, терпимо, особенно если не обращать внимания.

Прошло два дня. Проходя по Третьей улице, дядя Коля услышал постукивание. Присмотрелся: оказалось, хозяин участка повесил на куст высушенный плод, в виде коробочки. Внутри коробочки — даже при легчайших порывах ветра — что-то перекатывалось: по всей видимости, семена. Птичья стая, привлеченная созревшими винными ягодами, нервно кружила вверху, но опуститься боялась.

Раньше дядя Коля таких отпугивающих коробочек не видел.

Еще через день возле сельпо обнаружилась группа подростков, за обе щеки уплетающих желтые фрукты неизвестного происхождения. Их — то есть фруктов — геометрическая форма напоминала тороид: такой вот бублик растительного происхождения.

Знакомый малец, видя проявленный к нему интерес, похвастался:

— Попробуйте, дядь, это вкусно. Мы в лесу еще нарвем. Их много.

Дядя Коля отказался, хотя подростки были счастливы и довольны. Да и сами растительные бублики — по крайней мере, на вид — казались съедобными. Липкий сок стекал по округлым ребячьим щекам.

В понедельник по телевизору передали официальную информацию. Явление обозначили как точечные эволюционные изменения: одна точка примерно на 50 квадратных километров. Они случились одновременно по всей земной поверхности. Причина обвальной эволюции неизвестна, но опасности никакой: на текущий момент пострадавших не зафиксировано.

Показали документальные кадры: не то Саратова, не то Воронежа. Достигая второго-третьего этажа, извивались лианы — из них высывалось смеющееся лицо жительницы. На газоне проросли пепельные бутоны, красивые до изумления. С крыши проезжающего автобуса свешивалась полураскрытые стручки. Одетые в оранжевые спецовки таджики выпалывали растительность, проросшую на железнодорожной платформе.

«Как видите, эволюционные изменения под контролем, — зачитали в телевизоре, — Власти мониторят ситуацию».

Хотя сосед с участка 84 сообщил — так, между делом, — что все это бесстыдные враки: никакие не эволюционные изменения, а обыкновенная мутация, и вызвана она малыми метеоритами, обстрелявшими земную поверхность.

Дядя Коля не поверил, а ночью занедужил: поднялась температура, и горло сделалось жестким, как наждачная бумага.

Он провалялся в постели неделю, а когда вышел из дому — нет, не увидел, а словно почувствовал в воздухе небывалое. И, хотя не оправился от болезни, решил дойти до опушки — благо недалеко.

С одного из мутировавших деревьев — там, где раньше произрастал орешник, — свисали желтые колбаски: те самые, что пробовали детишки у сельпо. Дядя Коля не удержался: отломил у тороида половину, лизнул. Ничего — понравилось.

Чавкая, проглотил сочную спелую мякоть — и знаете что? Во второй раз дяде Коле настолько понравилось, что он решил прогуляться по лесу, сильно за время его болезни изменившемуся.

Наряду с березами и осинами, лес теперь заполняли неизвестные биологические формы, настолько разнообразные, что не упомнишь. Удивительно, но они не вызывали отторжения, тем более испуга — лишь непритворное изумление.

Дядя Коля уже собирался обратно, когда — из-за внезапно вспыхнувшей в позвоночнике боли — ударился носком кроссовка о выступающий из земли корень. Подошва отлетела: то есть на пятке еще держалась, но при ходьбе свисала с мыска, словно высунутый ехидный язык. Изоленты под рукой не оказалось. Можно было вытащить шнурок из кроссовка и подвязать оторвавшуюся подошву, но это было хуже, потому что тогда кроссовок переставал держаться на ноге.

Тут на глаза попала висевшая на папоротнике паутина — не такая, как раньше, а толстая, явно мутировавшая. Недолго думая, дядя Коля сгреб паутину в руку и обмотал вокруг стопы. Подошва держалась крепко — он без проблем добрался до дому. Хотя там всего ничего оставалось: километра полтора.

На следующий день по телевизору передали, чтобы граждане были осмотрительнее: не употребляли в пищу неизвестные плоды, и в хозяйстве тоже не использовали. Обвальная эволюция еще недостаточно изучена.

Дядя Коля в это время рассматривал обмотанный паутиной кроссовок. Тот выглядел как новенький: паутина вросла в пластик и теперь составляла с ним единое целое. Что интересно, будучи в целях проверки наполовину опущен в ведро с водой, кроссовок не промок, хотя до починки непромокаемым не являлся.

Раздался телефонный звонок.

Дядя Коля вспомнил, что оставил мобильник в доме, тем не менее звонило рядом: из мутировавшего цветка, напоминавшего пятнистую лилию.

— Алло? — произнес дядя Коля в бутон.

— Николай, привет! — послышался веселый голос.

Состоялась приятная беседа с другом.

По ее окончании дядя Коля решил исследовать пятнистый феномен. Стебель, на котором держался телефонизированный цветок, не уходил глубоко в землю, а стлался по ней, то слегка заглубляясь, то выходя на поверхность, в направлении дома, в щель между досками которого в конце концов проникал.

Дядя Коля рассмотрел место входа изнутри и обнаружил, что стебель сначала доходит до второго этажа, затем разделяется на корни, охватывающие потолок полукругом. При этом охватывает весьма деликатно, больше напоминая дизайнерское решение, а не хаотическое наступление джунглей на человеческое жилище.

Весь в мыслях, дядя Коля пошел в магазин и по пути столкнулся с соседом с Пятой улицы. Тот направлялся к себе, с мешком в руках. Дядя Коля поведал соседу о кроссовке, починенной с помощью сапожной паутины, в ответ на что сосед поделился не менее ценным личным опытом починки унитаза. Познавательного пообщались.

Напоследок сосед спросил, из вежливости:

— Ты куда?

— В магазин.

— Зачем деньги тратить? — удивился сосед, раскрывая мешок, в котором лежали разнообразные, только что принесенные из леса, плоды, сочные стебли и жирные личинки насекомых.

«И в самом деле», — решил дядя Коля.

Идти в магазин он передумал, а отправился в лес, откуда приволок сумку деликатесов: желтых бубликов, к которым уже приистрастился, а также других — подсмотренных в соседском мешке — даров мутировавшей природы. По уверениям соседа, они заменяли и рыбу, и мясо, и макароны, и крупу, и картошку.

С того дня дядя Коля позабыл дорогу в магазин, который в скором времени, ввиду наступившего съестного изобилия, закрылся.

Однажды во время сбора природных даров пошел дождь, но древесные кроны его не пропускали, словно дядя Коля находился под крышей. Он слышал, как дождь колотит по листе, но до земли ни одна капля не долетала.

На обратном пути дядя Коля столкнулся с мужиком, который тащил канистру. Пообщались. Оказалось, на заправку ходить теперь тоже не обязательно: горючую жидкость можно выкачать, просверлив ствол у таких вот... ну, растительности синего цвета... а, хвоей — вот как они называются! Дядя Коля таких много в лесу видел. Мужик уверял, что хвоиновый сок заменяет девяносто второй бензин: генератор на нем прекрасно работает.

К вечеру выяснилось, что эволюционировавшие растения еще и воду откачивают из септика. На участке 91 дяде Коле показали, как корни, забравшиеся под крышку септика, пульсируют, а в канаву поступает вода, на вид чистейшая — не хуже родниковой.

А выбоины на посыпанной гравием дороге заросли жестким мхом, скрепив камни в единое целое. Лучше асфальта получилось.

Теперь дядя Коля часто блуждал по лесу, и возвращаться не хотел. Он был сыт. Одежда не изнашивалась, посредством штопки паутиной. Мягкий травяной покров располагал к продолжительному и сладкому сну. Спелые коробочки позвякивали находящимися внутри семенами, отпугивая птиц. А после того, как соседка с участка 112 показала лекарственные растения, дядя Коля и вовсе позабыл дорогу к родным дачам, проводя в лесу беззаботные дни и ночи.

С родственниками он общался по телефону, оставленному дома, на подзарядке, но подключенному к вездесущим аналогам пятнистых лилий. Те, как оказалось, представляли собой не столько растения, сколько грибы и имели обширную — подземную, естественно — грибницу. В момент звонка — где бы дядя Коля ни находился — из-под земли высовывался дребезжащий бутон, в который можно было говорить. Как грибница определяла, где абонент в настоящий момент находится, оставалось неизвестным.

Родственники рассказывали, что в городе творятся не меньшие чудеса — настолько чудесные, что лучше приехать и самому увидеть. Тем более, что вместо электричек теперь ездят какие-то электрические угри. В общем, заманивали дядю Колю в гости, но тот каждый раз отказывался: ему и на даче — вернее, в дачном лесу — было уютно.

Как-то дяде Коле понадобилось вернуться из леса домой, на минутку. Тогда-то он впервые и обнаружил столб электроснабжения, свалившийся из-за выросшего рядом широколистного дерева. Столб попросту выперло из земли корнями. Могучее дерево, достигшее двадцатиметровой высоты за пару недель, напоминало клен и дотягивало длиннющие фиолетовые ветви от предыдущего столба к последующему.

И что теперь, электричества не будет? Однако, обошлось: в доме царил образцовый порядок, в том числе с работой электроприборов. По всей видимости, ветки мутировавшего клена обладал электропроводимостью.

Тут дядя Коля спокойно вздохнул и удалился в лес, в котором чувствовал себя как рыба в воде. Не он один: большинство дачников оттуда не вылезали, поскольку имели все необходимое для жизни, в том числе телевизор и интернет. Телевизионное изображение возникало на лиловых наростах, обвивавших березовые стволы: тех самых, которые озаменовали наступление обвальной эволюции. Черные древесные экраны, стоило надавить на них пальцем, загорались. А если надавить дважды или один раз, но чуть более продолжительно, телевидение обращалось в интернет.

Интернетом пользовались активно, а телевидением — изредка. Телевизионные передачи за последнее время сильно оскудели. К тому же людям надоели бесконечные призывы не доверять природе, а пользоваться достижениями цивилизации и платить налоги — иначе мир рухнет. Какие достижения, какая цивилизация, когда электричество запитывается от фиолетовых

кленов, а интернет работает без роутеров — видимо, и без провайдеров, потому что дядя Коля уже два месяца его не оплачивает, но интернет не исчезает?! О членских взносах в садоводческое товарищество и говорить нечего — о них попросту позабыли.

Наступила зима, но холод в мутировавший лес так и не проник. Дядя Коля наблюдал, как снежинки падают на кроны деревьев и, достигая их, мгновенно тают. С верхних ярусов леса проливался благодетельный дождь, но тоже не достигал земли, испаряясь в воздухе. В январском лесу было так же комфортно, как в июльском.

Самое интересное, что дяди Колино здоровье резко пошло на поправку. Он не только перестал чувствовать боли в позвоночнике, но и ощущал — на фоне общего душевного подъема — мыслительный прилив к голове. Там начали формироваться научные гипотезы, чего давно уже — с тех пор, как со скандалом покинул университетскую кафедру и удалился на вынужденную пенсию, — он не испытывал.

Мозг, заостенелый от старости и огорчений, омолодился и начал функционировать на полную мощность.

Однажды дядя Коля ощутил потребность записать одну из пришедших на ум гипотез. Протянув руку, оторвал от кустарника белоснежный лист — не прямоугольный, но круглый, хотя в остальном мало отличающийся от обычной писчей бумаги. Выдернул из мха стебель, тут же истекший черным соком, и — надолго погрузившись в сладостное оцепенение — принялся записывать мысли.

Прелюдия, отнюдь не музыкальная

Джек — с открытыми глазами — лежал в кровати. Подошла Лора, наклонилась и чмокнула в лоб.

— Милый, мне нужно в душ. Если не хочешь, можешь спать.

— Я подожду.

Лора покопалась в гардеробе и, с полотенцем на плече и бельем в руках, удалилась. Но до ванной комнаты не дошла: послышалась мелодичная трель забытого на журнальном столике смартфона. Продолжающий наигрывать мелодию прибор взлетел и отправился на поиски. Лора не успела закрыться в ванной — смартфон догнал хозяйку, и воссоединение произошло.

— Алло?.. А, Натали, давно не виделись! А я в душ собралась... Нет, ничего — конечно, могу разговаривать.

Джек поморщился: разговор грозил затянуться на полчаса, а то и больше. Если заснешь, супружеского секса не видать: наговорившаяся и вымывшаяся Лора не станет будить мужа. Несмотря на многочисленные достоинства, она принадлежала к тому типу жен, которые исполняют супружеские обязанности больше по необходимости. Поэтому Джек предпочел просто закрыть глаза, в ожидании.

— Да, все нормально... Нет, не поправилась, с чего ты взяла?.. На прошлой неделе была на собачьей выставке...

Джек насторожился: он впервые слышал о том, что Лора посещала собачью выставку. С чего бы это?

— Нет, призового места не занял, конечно... Он у меня беспородный... Разве что свежие фотографии нашелкала... Пришлю обязательно.

Послышался смех. Хлопнула дверь ванной, и слышно стало хуже: не слова, а отдаленное неразличимое бормотание.

Заинтригованный Джек принялся размышлять на тему собачьей выставки, но не смог прийти к определенному выводу. Что-то здесь было нечисто. За Лорой много чего числилось — как муж с трехлетним стажем Джек мог перечислять бесконечно, — но только не любовь к собачьему племени. Что могло изменить жену, Джек не представлял.

Тут он сообразил, что Лора упомянула свежие фотографии. В памяти смартфона они не умещались, поэтому автоматически дублировались в семейном облаке — Джек знал об этом. Новые изображения следовало искать там.

Он призывно шелкнул пальцами.

Выдрессированный ноутбук вспорхнул на грудь. Джек откинул крышку и через несколько секунд копался в облаке.

Из ванной слышалось уже не увлеченное телефонное бормотание, а журчание водяных струй. Разговор с подругой завершился в рекордно короткие сроки, и Лора перешла к водным процедурам.

А Джек в это время рассматривал новые снимки. Жена позировала с огромным лохматым псом. Породы Джек не знал — он в породах не разбирался, — но что-то вроде ньюфаундленда. Внушительный такой пес, вислоухий и — совершенно незнакомый. Откуда он у Лоры?

Машинально Джек начал пролистывать предыдущие снимки. Пес на многих из них тоже присутствовал, в том числе в их жилище. Это было необъяснимо. Неужели Лора приводила пса в отсутствие мужа? Зачем?

И тут Джек обратил внимание на главное. Как он раньше не заметил?! Он отсутствовал не только на фотографиях с предполагаемым ньюфаундлендом, но и на других — тех, на которых обязан был присутствовать. Джек не было.

В волнении он принялся листать семейный архив все дальше и дальше, но не находил себя. Ни на одной из фотографий.

Журчание в ванной комнате прекратилось, и хлопнула дверь — для проветривания. Лора всегда распахивала дверь, когда вытиралась полотенцем. Джека это сводило с ума, но жене не нравилось, когда ее рассматривают голой: глазеть она категорически запрещала.

Джек заскулил от огорчения.

Послышались мягкие шаги: Лора возвращалась из ванной.

Джек снова заскулил и оттолкнул предательский ноутбук — потом спохватился и ударил лапой по крышке. Крышка захлопнулась. Тем не менее ноутбук не улетел на законное место на компьютерном столике, а остался на одеяле, в качестве неопровержимой улики.

— Так-так-так! — послышался голос возвратившейся Лоры. Она стояла в дверях, недовольная, в полупрозрачной ночнушке. — Кто это у нас безобразничает? Кто на постель залез? Да еще ноутбук притащил... А ну кыш отсюда, оба!

Джек завилял хвостом, пытаясь давить на жалость. Ноутбук тоже заартачился — впрочем, Лора никогда не умела отдавать ему приказания. Но настроена была решительно. Скинула ноутбук с дивана на пол, а на Джека грозно прикрикнула:

— Кыш, я сказала!

Спротивляться далее не имело смысла.

Джек неторопливо, не теряя достоинства, прыгнул с постели и поплелся на коврик в коридоре. Все происходило как обычно, но в этом чувствовался немалый подвох — он только не мог сообразить, какой именно. Ах, да: семейные фото!

Минуточку, а с чего Джек взял, что он отсутствует на семейных фотографиях? Вислоухая морда добродушно скалилась со многих файлов. Что в них не так?

Страшным напряжением воли Джек сообразил: он почему-то решил, что на фотографиях должно быть человеческое изображение. Его — не собачье. Следовательно, раньше Джек был человеком. Или ему только кажется, что был — почему бы добропорядочному ньюфаундленду не пометать?! Или первоначальное предположение верно: он все-таки человек?

Чувствуя, что мысль важна: упускать ее из головы никак нельзя, — Джек прикинул способы доказательств. Ноутбук. Возможно, фотографии в нем уже исправились на истинные?

Джек вскочил с коврика и пополз по темному коридору в спальню. Замерев, прислушался. Хозяйка спала: дыхание было ровным и спокойным. Тогда Джек с трудом протиснулся в оставленную узкую щель и пополз по-пластунски. С дивана свешивалась белая женская рука — ее следовало оползти. Произведя маневр, Джек осторожно прихватил зубами отдыхающий рядом с диваном ноутбук и тем же путем возвратился.

Джек отволок ноутбук на собачий коврик и, не без усилий, распахнул крышку. Тыкать в кнопки толстой мохнатой лапой было несподручно, но получилось с первого раза.

Фотографии оказались прежними: с собакой. То есть с Джеком-ньюфаундлендом.

Однако, ноутбуку не верилось: он предал владельца. Джек принялся, затем высунул длинный красный язык и лизнул экран. Тот пах неверностью — и на вкус был такой же. Джек заскулил и захлопнул крышку ноутбука — да так удачно, что оскорбленный прибор сам, без дополнительного побуждения, упорхнул на компьютерный столик.

Раньше Джек был человеком, но не мог этого доказать, а если бы смог, тогда — он знал это наверняка — снова превратился бы в человека.

Что оставалось? Если только распечатанные фотографии: возможно, их труднее фальсифицировать. Они лежали в картонной коробке: досвадебные, свадебные и семейные. К сожалению, коробка хранилась на верхней полке серванта, куда Джеку — в его теперешнем виде — добраться проблематично.

Тут Джек вспомнил, что однажды — когда они с Лорой рассматривали фотокарточки — те рассыпались по дивану. Не исключено, какая-нибудь завалилась за диван. Тогда Джек не стал проверять: лень было двигать мебель, — но теперь стоило.

И Джек совершил невозможное: снова прополз в спальню, мимо свесившейся руки, с трудом задохнулся под диван и там — в пыли, от которой ужасно хотелось чихнуть, но было нельзя — нашел то, что искал. Потерянную фотографию. Разглядеть ее под диваном никак не получалось, поэтому пришлось ползти обратно в коридор, на коврик.

На добытом изображении Джек был человеком!

Морок, овладевший сознанием, начал понемногу рассеиваться.

Через минуту Джек поднялся на человеческие ноги и пошевелил длинными человеческими пальцами на руках. И все остальное у него было человеческим. Он стал прежним, но хотел разобраться, что случилось. Хотя нет: с этим как раз имелась полная ясность — оставалось лишь предпринять ответные действия.

Джек улыбнулся и напряг волю и фантазию. Когда посчитал, что этого достаточно, крадучись прошел в спальню и заглянул в приотворенную дверь.

У него получилось!

На кровати расположилась центаврианская саламандра. Вовсе не белая женская рука — до пола свисал чешуйчатый хвост. Лапки мирно раскинулись во все стороны, а узкая морда вытянулась на подушке.

Внезапно веки саламандры дрогнули и раскрылись. В Джека вперились пронзительный взгляд зеленых горизонтально повернутых зрачков.

— Пух! — надул щеки Джек.

Саламандра вздрогнула и заметалась по постели, на мгновение запутавшись в полупрозрачной ночнушке.

— Пух! Пух! — крикнул Джек, хохоча.

Саламандра выпросталась из ночнушки, но пока не решила, в какой стороне искать спасения. Спальня была слишком мала, чтобы в ней спрятаться, а в единственных дверях застыл хохочущий Джек. Пришлось, соскочив с кровати, заныривать под нее. Размером центаврианская саламандра была поменьше ньюфаундленда, поэтому протиснулась без проблем.

Джек присел на кровать и немного попрыгал на ней задницей, желая посмотреть, что предпримет затаившееся внизу существо. Но центаврианская саламандра не показывалась — вообще никак себя не проявляла.

Тогда Джек с наслаждением растянулся на мягкой поверхности, потом подумал и свесил голову. Под кроватью была темнота, из нее светились тревожным зеленым светом два продолговатых зрачка.

— Я с тобой всегда по-честному поступал, — весело сообщил он саламандре. — Поселил у себя, женился, сделал уважаемой дамой. А ты что вытворяешь?

Центаврианская саламандра выстрелила из-под кровати раздвоенным языком, но Джек успел убрать голову.

— Ладно, — сказал он наконец. — Вылезай оттуда, Лора, я тебя расколдовал.

Из-под кровати послышались проклятия, и выползла жена — с превеликим трудом, поскольку была намного крупнее центаврианской саламандры. Джек кинул ей скомканную ночнушку, но Лора не стала натягивать ткань на голое запыленное тело, а сразу проследовала в ванную комнату, со словами:

— Вот черт! Придется принимать душ по новой. Но ты был сегодня в ударе, милый.

— Ты тоже.

Джек лежал на кровати, подложив под голову человеческие руки, и улыбался. Возможно, сегодня ему все-таки обломится супружеский секс. Вряд ли — после всего случившегося — Лора рискнет применить реал-гипноз повторно.

Оба они родились на Марсе и, как всякие марсиане, обладали сильнейшими реал-гипнотическими способностями. Чем нередко пользовались: как в семейных ссорах, так и в сексуальных играх.

Джек надеялся на то, что сегодняшние превращения представляют собой прелюдию к вечернему сексу, а не к семейной ссоре. Поэтому — в ожидании, когда Лора примет душ, — лежал с открытыми глазами в кровати и беспричинно улыбался.

Главное — не заснуть.

Преступники от лингвистики

Трюмы нашего корабля полнились коробками с чак-чаком.

Мы с Артуром чувствовали себя пионерами торговли, поспешающими впереди цивилизации. Не успевали разведчики открыть планету, как являлись мы с заманчивым предложением. Чак-чак — знаменитое земное лакомство! Нет ничего вкуснее чак-чака! Ни один земной завтрак не обходится без чак-чака! — и т. п.

Не всем космическим расам продукт приходился по вкусу, но некоторым приходился! Одна удача искупала десяток неудач.

Когда на пути оказалась Аз-Залия — малоизвестная и ничем не примечательная провинциальная планетка — мы не ощутили тревоги. Планета интересовала нас с единственной точки зрения: насколько местным придется по вкусу сладкий продукт.

Поначалу надежды оправдывались, даже с гаком. Не успели мы вывести корабль на орбиту и опубликовать в местной сети сообщение о распродаже, как посыпались заказы. Товар забирали самовывозом — с помощью управляемых орбитальных дронов.

Артур подсчитывал будущие прибыли...

Все рухнуло на третий день, когда с планеты стартовали два катера с гравитационными пушками и взяли корабль на абордаж. Полицейские действовали настолько слаженно, что я не успел среагировать. Если честно, спал после напряженного трудового дня, а позже реагировать стало поздно.

— Чего это они? — возмутился Артур, протирая глаза. — Какое неуважение!

— Ты сам, в целях экономии, предложил торговать с орбиты, — грустно заметил я. — Теперь пожинай горькие плоды, неплательщик.

— Ничего, — оптимистично пообещал Артур, — в следующий раз будем умнее и не попадемся.

Через минуту в абордированный корабль ворвались официальные представители Аз-Залии и сообщили, что мы задержаны за незаконную торговлю.

Мы так и думали.

Корабль опечатали и оставили на орбите, а нас с Артуром отвезли в аз-залианскую тюрьму.

Не могу сказать, что в тюрьме было чересчур плохо: бывало и похуже, что говорить, — но узилище есть узилище... Хотя долго находиться за решеткой мы не собирались: не настолько тяжкое преступление совершили. Поэтому, когда через несколько часов заточения с нами изъявил желание побеседовать адвокат, очень обрадовались. Попытка сэкономить на налогах близились к завершению.

В камеру вошел — вернее, вполз, потому что вместо приспособленных для ходьбы длинных конечностей у него имелись короткие ласты — адвокат. Когда нас захватывали, аз-залианские бойцы были упакованы в бронежилеты, прикрывавшие все тело, — поэтому у нас не было возможности рассмотреть представителей этой расы. Теперь возможность появилась.

Кроме того, что жители Аз-Залии походили на земных тюленей, они в зависимости от испытываемых эмоций меняли цвета, как хамелеоны: от красного, означающего всемерное одобрение, к фиолетовому, означающему крайнее негодование. Как радуга.

Я быстро смекнул что к чему, вспомнив бывшую тещу. Правда, эмоциональные реакции не совпадали. Теща краснела в состоянии возмущения, а аз-залиане — наоборот: у них красный цвет означал полнейшее удовольствие и релаксацию.

Когда аз-залианин вполз в камеру, он был зеленого — среднего на палитре — цвета, что следовало трактовать как нейтральный настрой.

— Приветствую землян, — пропищал вползший на галактическом эсперанто.

— Здравсьте приехали, — буркнул в ответ Артур.

— Да, — подтвердил аз-залинин, — вы действительно прибыли на Аз-Залию. Но зачем было закон нарушать? Однако, не беспокойтесь: вас буду защищать я — один из самых опытных защитников на нашей планете.

— Давно вас ожидаем, господин адвокат, — вежливо произнес я.

— Защитник, — поправил аз-залинин. — Впредь попрошу именовать меня защитником, а не вот этим, на букву «а».

При этом его цвет сменился с зеленого на голубой, что означало внезапный переход к раздражению. Впрочем, через несколько секунд аз-залинин снова позеленел, видимо, вернув утраченное душевное равновесие.

— Ситуация неоднозначная, — продолжил наш адво... то есть защитник. — Но имеются и смягчающие обстоятельства, на которые я, само собой разумеется, обращаю внимание высокого суда. Будем надеяться, все обойдется.

— Спасибо, мы тоже надеемся, — поблагодарил я. — Искренне сожалеем, что не уплатили налоги. Это по природной рассеянности. Как представители дружественной расы рассчитываем на снисхождение.

— Не уплатили налоги? — переспросил защитник. — Признаться, я не в курсе. Но если и так, вам незачем беспокоиться по столь незначительному поводу: аз-залинское правосудие не мелочно. Во всяком случае, обвинений в неуплате налогов против вас не выдвигалось.

— Э! А за что ж тогда нас арестовали? — удивился Артур.

— За орбитальную торговлю без лицензии? — предположил я.

Защитник ярко поглубел — возможно, на нервной почве. Он чересчур болезненно реагировал на совершенно, с моей точки зрения, безобидные фразы.

— Нет, разумеется. Неужели сами не догадались?.. Вы обвиняетесь в одном из тягчайших преступлений: перенастройке мозговых нейросвязей.

— В чем???

— В перенастройке мозговых нейросвязей, — повторил защитник.

— Во как! — изумился Артур.

— Но это явная ошибка, — запротестовал я. — Мы никогда не занимались никакой... как вы сказали?.. мозговой перенастройкой. Мы всего лишь торговали чак-чаком...

— Стоп, больше ни слова! — вскричал аз-залинин. — Иначе мне придется отказаться от вашей защиты.

Его телесный цвет стал более близок к синему, чем голубому. Чем-то мы защитнику досадили — и очень сильно, — хотя не могли взять в толк, чем именно.

Артур — большой любитель выяснять отношения — сразу взял быка за рога:

— Почему стоп?

— Потому что вы употребили сразу несколько запрещенных слов...

— Адвокат?

— Я просил не произносить это слово, — всплеснул цветовой гаммой аз-залинин. — Защитник. Запомните: я защитник.

— Пусть будет защитник... Тогда какое другое слово? Чак-чак?

Защитник помрачнел, вследствие чего его синий цвет вплотную приблизился к фиолетовому.

— Земляне, не употребляйте запрещенных слов, ради всего святого. Вот этих, на букву «а», и на букву «ч» тоже. Я защитник, действую в ваших интересах, но моя психика уязвима, как у любого здорового аз-залинина. Теперь — после недолгого общения с вами — мне придется пройти курс мозговой терапии. Это процедура, хотя и входит в зону профессионального риска, не самая приятная. Посему настоятельно прошу: не произносите ничего логически необоснованного и противоречивого — никогда и нигде, даже в доверительной беседе со мной! Иначе я возьму самоотвод, по состоянию здоровья.

По мере произнесения этой взволнованной речи защитнику удалось взять себя в руки: цвет возвратился к нормальному зеленому. Ну почти: изредка по уравновешенному телесному фону пробегала голубая рябь.

Артур, при его прямодушии, мог до многого договориться, поэтому я решил взять разговор в свои руки.

— Спокойно, спокойно, уважаемый защитник, — успокоил я аз-зяянина, удобно развалившегося на полу. — Мы и не думали причинять вред вашему здоровью. Но не в силах сообщить, что запрещенного в словах. Вот в этом, в частности... Которое начинается на букву «ч». Что в нем плохого?

Защитник не только изменил цвет на негодующий, но и — видимо, от излишнего душевного перевозбуждения — захлопал ластами по каменному полу темницы.

— С помощью слова на букву «ч» вы пытаетесь придать общеупотребительному понятию новое значение. Это и есть перенастройка мозговых нейросвязей: она строго карается по аз-зяянскому законодательству. На самом деле вы продаете не продукт на букву «ч», а печенье... Обыкновенное печенье, от слова «печь». Его пекут — следовательно, это печенье. Оно запеченное. Производственный процесс совершается в печи. При подобном — корректном — словоупотреблении все ясно и логично, мышление покупателей не страдает.

— У нас не простое печенье, — непрошено влез Артур.

Я на него шикнул, чтобы заткнулся.

— Верное, не простое, — подхватил защитник. — Медовое. Медовое печенье, или печенье с добавлением меда, или печенье в медовой пропитке — так следовало называть ваш продукт. Это название отображает его сущность. А называя медовое печенье на букву «ч», вы с помощью криминального лингвистического приема воздействуете на мозги покупателей, склоняя их к покупке. Это запрещено. Одно дело — привычное печенье, хотя и медовое, и совсем другое — нечто на букву «ч», привлекающее мнимой экзотичностью. А что экзотичного в обычном медовом печенье? Вы исподволь устанавливаете в мозгах разумных существ новые — мошеннические — нейросвязи, что является посягательством на свободу их мышления.

Я позволил себе не согласиться.

— Но на Земле медовое печенье называется именно так. На букву «ч».

— Вы находитесь на Аз-Залии. Находитесь здесь — следовательно, обязаны соблюдать аз-зяянские законы. Видите, как легко — при правильном словоупотреблении — мыслить логично.

Я задумался.

— Кажется, я начинаю вас понимать. А что по поводу другого слова, с началом на букву «т» и окончанием на «ать»? Того, чем мы с Артуром занимаемся? Прошу прощения, но мы привыкли обозначать себя словом с началом на букву «т» и окончанием на «ами»... Насколько понимаю, оно тоже запрещено?

— Ничего себе! — брякнул Артур. — Где это видано, чтобы не только торговать запрещали, но и слово «торговцы» произносить?

Настроение защитника скакнуло в направлении негативно синего и выше.

— Вы продаете — следовательно, продавцы... — пояснил он. — Продавать, продавцы, продажи... А никакие на букву «т», понимаете? Употребление слов с идентичным значением перегружает мозг. Подобное деяние также относится к числу тяжких уголовных преступлений. Мы никому не позволим — открыто или исподволь — менять аз-зяянскую психику, это приравнивается к вооруженному нападению... Похоже, мне придется пройти сдвоенный курс мозговой терапии, иначе не поможет. Вы меня доконали, земляне.

— У вас на Аз-Залии запрещено употребление синонимов? — не сдержался я в изумлении.

Защитник внезапно пришел в отличное настроение, изменив цвет на темно-красный, почти малиновый. Когда как следует отсмеялся и отхлопался ластами по полу, сообщил:

— Ваша лингвистическая наивность поражает. Дело в том, что употребление синонимов приводит к перенастройке мозговых нейросвязей. Это и есть состав уголовного преступления. Разумная речь идеально приспособлена для логического мышления, ее нельзя извращать. Например, глагол «учить», от него образуются производные: учение — то, чему учат; учеба — процесс обучения; ученик — тот, кого учат; учитель — тот, кто учит. Все логически стройно. Корректное словоупотребление не позволяет мышлению свернуть с дороги. Но с появлением синонимов и других словесных извращений возникают двусмысленности, в результате которых речь становится путаной. Через нее искажается мышление. Мало-помалу разумное существо теряет навыки построения логически непротиворечивых фраз, что приводит к фатальным последствиям. Посему горячо рекомендую воздерживаться от произнесения запрещенных слов: на букву «ч», букву «т» и всех остальных, в особенности синонимов. Если, конечно, вы не хотите задержаться на Аз-Залии дольше, чем предполагали.

— Нет, спасибо, — заявил Артур.

В этом я своего товарища всецело поддерживал.

— Тогда избираем тактику на судебный процесс. Вы признаете себя частично виновными и глубоко раскаиваетесь — это само собой. Запомните: вы нарушили аз-залинский закон из-за свойственной землянам мозговой ущербоности и недостаточного владения галактическим эсперанто...

— Ха... — высказал свое отношение Артур.

— Я предлагаю оптимальную стратегию защиты, — объявил суровый защитник. — Если не доверяете мне, можете отказаться от услуг, тогда вам предоставят другого защитника. Был бы вам крайне признателен...

— Нет, спасибо, мы вам доверяем, — заверил я.

Аз-залинин погрузтел, повысив телесный цвет с оранжевого до желтого.

— В таком случае до суда. Он скоро состоится...

И поспешно — торопясь, вероятно, на вдвоенный курс мозговой терапии — уполз из тюремной камеры.

Дверь захлопнулась.

— Бред какой-то! — выразился Артур, когда мы остались одни.

— Как бы там ни было, будем следовать инструкциям, — решил я. — Он наш защитник, следовательно, защищает нас, инструктирует... Вот черт! Кажется, я слишком усердно выпрямляю кривое земное мышление.

— Влипли, — констатировал товарищ.

Через несколько часов нас повели на суд. Он состоялся в том же здании, в котором мы содержались, поэтому транспортировка не заняла много времени.

Прозвенел звоночек, и в судебную залу вполз на толстом брюхе судья. Он был закутан в черную — видимо, одинаковую во всей Галактике — судейскую мантию. В то же время цвет самого судьи был умеренно-оранжевым: нужно понимать так, что в отношении подсудимых вполне благожелательным.

— Поднять ласты, суд начинается, — объявила нейтрально-зеленоватая секретарша.

Вставать и садиться местные не умели, поэтому на Аз-Залии — для выказывания суду уважения — было принято поднимать ласты. Мы с Артуром вместо ласт задрали вверх руки.

— Начинаем процесс. Вы обвиняетесь в перенастройке мозговых нейросвязей неопределенно широкого круга гуманоидов, осуществленной при помощи письменных сообщений. Признаете ли себя виновными? — спросил судья.

— Частично, — ответил я.

— Частично, — повторил Артур.

Судья обратил взор на прокурора... нет, прошу прощения, обвинителя. Он же не прокурирует, а обвиняет — следовательно, обвинитель.

Обвинитель был аз-залинин ярко-голубого цвета и заметно нервничал — вероятно, предчувствуя скорое освобождение обвиняемых. В ответ на судейское приглашение он потряс бумагами и воскликнул:

— Не понимаю, к чему отпираться: доказательство преступного умысла налицо. Вот распечатки электронных сообщений, которые обвиняемые рассылали по сети. Прочтите и ужаснитесь! Продукт на букву «ч» — знаменитое земное лакомство! Нет ничего вкуснее продукта на букву «ч»! Ни один земной завтрак не обходится без продукта на букву «ч»! Прошу прощения, что не произношу запрещенное слово, которое многократно, цинично и умышленно распространяли по сети обвиняемые. Я не имею права делать это без разрешения судьи.

— Думается, в произнесении нет необходимости, — заметил судья. — Пожалеем нашу психику, тем более что обвиняемые не отрицают факт употребления этого слова. Что следует из материалов дела... Ведь правда, обвиняемые?

Я поднял обе руки, что должно было заменить вставание с места, и произнес, тщательно подбирая слова.

— Мы не отрицаем публичное употребление запрещенного слова на букву «ч» и раскаиваемся в этом. Однако, отрицаем преступный умысел. Никакого умысла не было: мы случайно употребили запрещенные слова, по привычке: безнравственной, но ни в коем случае не преступной. Любой землянин на нашем месте поступил бы подобным образом, не задумываясь. Ведь земляне — в отличие от просвещенных аз-залин — с детства приучены мыслить нелогично.

— Нельзя судить того, кто не способен даже осмыслить совершаемое преступление, — вставил защитник.

— Незнание не освобождает от ответственности, — взорвался обвинитель, приобретая синюшный оттенок.

— Протестую! В приведенной вами формуле речь идет о незнании законодательства, а не о полной — да хотя бы и частичной! — неспособности его соблюдать. Земляне, по своему рождению, не способны выражаться логически корректно, поэтому должны быть освобождены от юридической ответственности.

Обвинитель изошел синими пятнами.

— Земляне — разумная космическая раса, следовательно, дееспособны и должны отвечать за совершенные преступления. Прошу назначить им наказание в виде лишения свободы на срок пять световых лет*.

Защитник — он действительно был хорош — в свою очередь обратился к судье:

— Прошу освободить землян на основании их искреннего раскаяния и отсутствия логического мышления.

На этом судебное заседание завершилось, судья уполз на совещание.

— Думаю, мы выиграли, — зашептал защитник. — Обратите внимание на судейский цвет: он насыщенно красный. Настроение лучше некуда. Как видите, я не ошибся в выбранной тактике.

Его собственная окраска была в данный момент розовой — или близкой к этому. Оставалось дожидаться решения высокого суда, после чего покинуть лингвистически подкованную планету, забыв ее как дурной сон.

Через полчаса судья — ярко-желтой расцветки — вполз в залу заседаний, чтобы зачитать окончательный вердикт.

— Именем Аз-Залии вы признаны виновными в перенастройке мозговых нейросвязей. Установить число пострадавших — тех, кто прочитал объявление о продаже продукта на букву «ч», в результате чего получил или мог получить мозговой заворот, — не представляется воз-

можным. Однако, совершенное вами преступное деяние следует считать непредумышленным. Кроме того, в деле имеются смягчающие обстоятельства, а именно: вы не имели возможности мыслить логично из-за несовершенного строения землянского мозга. Ввиду изложенного, приговариваю вас к высылке с Аз-Залии и запрету возвращаться на нее в течение десяти световых лет. Вам надлежит покинуть планету в течение светового часа по оглашению приговора... Все понятно?

— Да, — сказал я.

С моих плеч словно камень свалился.

— Понятно, чего тут не понять, — сказал Артур. — Спасибо, господин судья. Люди признательны вам за проявленный гуманизм.

— Кто признателен? — не понял судья.

— Люди. Мы. Ну и остальные земляне тоже.

— Разве ваша планета называется Людия? Мне казалось — Земля? И что такое гуманизм?

— Это... — затруднился Артур. — То же самое что милосердие.

— Молчи, дурак! — зашептал я.

— Прошу не вносить в протокол! — вскричал защитник, стремительно синея.

— Синонимы! — возопил воспрянувший обвинитель.

До того он имел стабильный голубой оттенок, но за последнее мгновение покраснел до неприличия.

Артур спохватился и — прежде чем я успел заткнуть ему рот, — попытался исправиться. Он произнес, обращаясь к судье, напоминавшему в этот момент радугу, настолько быстро желтый цвет переходил в зеленый, зеленый — в голубой, а голубой — в синий:

— Но в любом случае спасибо за науку!

— За учение, — простонал я.

Но опоздал, потому что цвет судьи перешел в фиолетовый, что означало неприкрытый гнев.

Вот так и получилось, что с малоизвестной и ничем не примечательной провинциальной Аз-Залии я улетел в одиночестве. А невоздержанный на язык Артур задержался на ней на двадцать световых лет, за циничное — как было написано в судебном определении — издевательство над аз-залинским правосудием.

** — Читатели устроили мне обструкцию по поводу того, что световой год — единица расстояния, а не времени. Спешу объяснить. На Аз-Залии срок заключения устанавливается в световых годах, под которыми понимается светлое время суток. Считается, что ночью заключенные спят, поэтому наказание не отбывают. Таким образом, один световой год на Аз-Залии равняется двум обычным годам.*

Принесенные ветром

Ой, девочки! Читали, что Ретт Батлер на прошлой неделе вытворил? Подрался с Эшли Уилксом! Ухватил за воротник и так сильно дернул, что Эшли чуть не опрокинулся. Бедняжка Скарлетт не знала, за кого переживать... Нет, это в сорок пятой главе.

А разве Ретта Батлера не убили? Ну, когда он возглавил региональную ячейку ку-клукс-клана и экспроприировал из банка тридцать тысяч долларов в порядке компенсации за военный урон? А северяне его выследили и повесили. В Чарльстоне.

Путаешь, дорогая. Это было в Атланте и полгода назад. Сейчас все изменилось. Той же ночью Мелани прокралась мимо охранников и сняла труп с виселицы. Ретт Батлер еще слабо дышал. Тогда Мелани выходила его и влюбилась, потому что к тому времени Эшли Уилкс ушел от нее к любовнице.

Это к той самой Белл Уотлинг, которая владеет публичным домом? В тридцать первой главе? Вот уж не думала, что Эшли Уилкс свяжется с этой совестливой, но падшей женщиной. Это не она подбивала клинья под тетушку Питтипэт, чтобы та завещала дом в пользу увечных солдат Юга?

Нет, подбивала Скарлетт, когда муж в очередной раз подался в бега. Полгода назад — в восемнадцатой главе, если не ошибаюсь. Тогда-то — думая, что Ретт Батлер погиб, — Скарлетт без раздумий выскочила за Фрэнка. Представьте ее изумление, когда Ретт — живой и невредимый — вернулся домой и обнаружил, что благоверная вновь замужем, да еще и родила Бонни Блу. Хотя непонятно, от кого из двоих.

Бесконечные разговоры, заполночные обсуждения, счастливые времена.

А раньше — еще в прошлом столетии — каждая оконченная книга становилась закосметическим реликтом. Ее прочитывали, влюблялись — и начинали тосковать от того, что повторного экстаза не испытать. Перечитывать знакомые страницы — фи, все не то! очень хочется, но не каждую же неделю!

В те времена древние и непросвещенные в случае успеха было принято начинать серию. Но разве подражание может сравниться с первоначальным образцом?! Нет, конечно. Продолжения — блеклые, вымученные, безнадежно вторичные — неизменно оставались в тени оригинала.

Признав это, писатели отказались от серий и начали хвататься за новые сюжеты... но — не в силах повторить прошлое — приобретали психические расстройства. А читатели впадали в безысходность. Постепенно у них вырабатывалось отвращение к новым текстам... которые надо изучать, знакомиться с посторонними персонажами, проникаться их чувствами и устремлениями. Зачем, когда и со старыми комфортно?!

И тут Маргарет Митчелл...

О, божественная придумщица и озорница, нарушившая освященную веками традицию! Она сообразила: если книга полюбилась читателям, не стоит мучиться над продолжениями — которые по-любому другие книги, — а нужно переписывать оригинал, уже зарекомендовавший себя, неповторимый. Вечно.

С той счастливой поры Скарлетт О'Хара и Ретт Батлер всегда с вами — знакомые, вместе с тем изменчивые, как речное течение.

Северяне не сожгли Тару... Но если все-таки сожгли, что произошло дальше?

Неутомимая Маргарет берется за перо, внося исправления в нужные эпизоды, а то и заново пересочиня отдельные главы. Ежедневно. А потом выкладывает в сеть, где обновленный текст с нетерпением поджидает миллионы поклонников.

При этом роман тот же самый, любимый — подсознательного читательского отторжения не происходит.

Читатель бережно перелистывает полужнакомые страницы, каждый раз — по заветам строгой литературной критики — находя нечто потрясающее, ранее неведомое... то, что на прошлой неделе и в самом деле отсутствовало.

В результате книгу можно читать вечно. За жизнь среднестатистический читатель потребляет два-три наименования — но признанную классику! Интеллектуалы — максимум пять-шесть... а больше не получится, ведь каждое произведение регулярно обновляется. Еже-недельно, как сказано.

А с будущего года обещают ежедневное обновление — то-то попразднуем, всем объединенным человечеством!

Какая все-таки она молодец — Маргарет Митчелл, нейросетка фирмы «Modus operandi». Принесенные ветром.

Принцесса-оборотень

На балу, который только-только начался, кружились молодые пары. А маменьки и папеньки сидели на стульях, расставленных по периметру, и следили за своими веселящимися чадами.

И вот в залу впорхнула шестнадцатилетняя принцесса Аглая, в белом платье, отороченном прованскими кружевами. Она была прелестна, как бывает прелестна юность. Не удивительно, ведь это был первый официальный выход принцессы в высший свет.

Оглушенная музыкой и ослепленная нарядами, девушка на мгновение застыла в дверях.

И сейчас же — словно легкое дуновение ветерка — по бальной зале пронесся вздох изумления. Десятки — да что там десятки, сотни молодых людей кинулись к принцессе, с намерением предложить руку и сердце. Но для начала они жаждали заполучить принцессу на танец.

Аглая улыбнулась и остановила свой выбор на принце Форначчи.

Те претенденты, которые остались не у дел, понуро вернулись к оставленным партнерам. Танец, на недолгое время прекратившийся, возобновился.

Расположившиеся по периметру маменьки и папеньки — но в особенности маменьки, конечно, — принялись живо обсуждать достоинства принцессы. Каждая вспоминала свой первый бал и уверяла, что выглядела на нем более невинно и неотразимо.

Из мужчин больше других волновался король-отец. Оно и понятно, ведь его единственная дочь впервые блистала в высшем свете. Правда, король мало интересовался не танцами, в которых Аглая принимала участие, а то и дело выглядывал в окно. Для этого король постоянно отодвигал и снова задвигал портьеру.

Бал начался поздно вечером, поэтому в полуночном парке — если, конечно, не принимать во внимание несколько зажженных фонарей — стояла темень непроглядная.

— Вы ждете опоздавшего гостя, ваше величество? — поинтересовалась графиня Дю-Бонье.

Король покосился на дородную женщину.

— Нет, слежу за погодой.

— Разве бал планируется перенести на свежий воздух? Я не заметила приготовлений. Или ваше величество намерены прогуляться?

— Придворный метеоролог обещал, что сегодняшней ночью будет пасмурно, — заметно нервничая, произнес король.

— Не расстраивайтесь, ваше величество, метеорологи все врут. Бог даст, распогодится.

Король вздрогнул: то ли от слов графини Дю-Бонье, то ли от того, что на темном — полностью затянутом тучами — небе образовалось свободное от облачности светлое пятно. Лунный диск располагался по направлению движения этого пятна и вскорости должен был выглянуть из-за туч.

Стояло как раз полнолуние.

Король вздрогнул повторно и бросился к дочери, продолжавшей безмятежно танцевать с принцем Форначчи.

— Аглая! Аглая! Погода изменилась!

Но не успел.

Из-за сильного порыва ветра тучи ускорились — ночное светило явило сквозь облачность мутный лик. Отравленный желтый свет достиг земли и легко просочился сквозь плотные завесы и даже кирпичные стены замка.

Музыка замерла на полуноте. Кружащиеся в вальсе пары сбились с ритма и распались. Принц Форначчи часто-часто заморгал и ошеломлен от изумления.

Еще бы было ему не остоленеть, когда его партнерша — прелестная принцесса Аглая — покрылась густыми волосами. Сперва волосистой покров возник на щеках, отчего девушка стала напоминать небритого мужчину. Затем волосы распространились на шею и ниже, дойдя до декольте. Затем и остальное тело принялось стремительно обрастать черными волосами. Собственно, остальное тело оставалось скрыто под белым бальным платьем, но обнаженные руки покрылись жесткой растительностью.

После этого наступила черед уже анатомических изменений. Череп принцессы вытянулся вперед, особенно в области челюсти. Зубы увеличились и заострились, а нос — маленький, еще окончательно не оформившийся милый носик принцессы Аглаи — сплюснулся и начал двигаться сам по себе, словно приносясь к окружающей обстановке. Тонкие девичьи ручки утолщились, а плечи расправились, отчего платье затрещало и разъехалось в разные стороны на внезапно окрепшем и располневшем теле.

Зверь сбросил с себя остатки шелка, представ в естественном угрожающем виде. Потом, завершив под воздействием лунного света перевоплощение, поднялся на четыре лапы и оскалится. Раздался грозный — не оставлявший надежд на человеческий разум — звериный рык.

В бальной зале наступила мертвая тишина, лишь впавшая в транс одинокая скрипка продолжала пикировать по инерции. Гости отчего-то не разбежались: наверное, из любопытства — а может, их одновременно хватил паралич. Наконец, начали оживать, на лицах стала проявляться мимика: отвращения, возмущения и испанского стыда. Рты раскрылись для первого протеста.

Первым опомнился король-отец, рванувшийся к чудовищу с запретительным воплем: — Нельзя! Нельзя!

В этот момент зверь прыгнул принцу Форначчи на грудь и, немного промахнувшись, ухватил желтыми клыками за жабо.

Принц не растерялся: мощным хуком справа отбросил зверя на первоначальное расстояние, оставив кружевное жабо в слюнявом рту. Тут подоспел король и с ходу — ударом ноги, обутой в сапог из крокодиловой кожи, — отбросил зверя еще на пару десятков метров.

К тому времени очнулись и гости. Женщины похватили зонтики и веера, мужчины — канделябры и стулья. Все кинулись к зверю с намерением пнуть, уколоть, огреть или, на худой конец, проломить ему череп.

Зверь — поняв, что численное превосходство на стороне людей, — заметался по бальной зале, опрокидывая музыкальные инструменты и вздымая подолы у дам, отчего вызвал еще большее ожесточение. Увы для него: гостей приехало слишком много, а выход перекрыли вооруженные палками слуги.

Осталось неясным, были слуги настолько вышколены, что сами знали, как в подобной ситуации поступать, или король-отец успел распорядиться. Как бы там ни было, зверь остался наедине с праздничной и донельзя агрессивной толпой.

Пытаясь спастись, он не нашел ничего лучшего, чем выпрыгнуть в окно. Но тут элементарно не повезло: тщедушный граф Дю-Бонье — супруг дородной графини — ухватил его за задние ноги. На помощь подоспели другие гости и общими усилиями вволокли зверя обратно в помещение.

— Не упустите! Не упустите! — волновался рядом король-отец.

Оскаленного оборотня затолкали в угол и принялись дружно колотить. Мужчины били в основном ногами, женщины использовали подручные средства, среди которых — помимо упомянутых зонтиков и вееров — имелись также булавы, гребни для волос и прочая бижутерия.

Подоспели слуги с палками, и экзекуция пошла веселее. Если что и мешало, так это малый размер угла, куда не могли втиснуться все желающие. Рядом, руководя процессом, суетится несчастный и деловитый король-отец.

В этот момент луна, освещавшая бальную залу мертвенным светом, вновь скрылась за тучами. Зверь застонал, но уже не звериным, а каким-то человеческим — слабым и страдающим — голосом.

Распаленная — окружившая зверя — толпа отпрянула, наблюдая за обратными превращениями, которые не замедлили состояться. Сначала, распрямляясь и приобретая нормальную анатомию, видоизменился скелет. Потом — когда тело приобрело человеческий вид, но еще оставалось скрыто под шевелящимся черным покровом — начали выпадать волосы.

Через пару минут из волосяной кучи — словно в кабинете цирюльника после стрижки, — высунулась тонкая девичья рука, и голос принцессы Аглаи сообщил:

— Ах, что со мной такое?

Принцесса — обнаженная, естественно, потому что клочья ее изорванного платья и нижнего белья были всюду разбросаны по бальной зале, — поднялась из волосяной кучи, протирая глаза и недоуменно оглядываясь.

Женщины, желая прикрыть недопустимую девичью наготу, придвинулись — и, наоборот, смущенные мужчины отступили. Молодой виконт Ламорж чуток замешкался и сейчас же получил веером по глазам от графини Дю-Бонье.

— Прекратите паясничать на бедную девочку, извращенец!

Виконт рассыпался в извинениях.

Когда женщины уводили обнаженную принцессу Аглаю из бальной залы в дамскую комнату, расторопные слуги уже расставляли целые стулья и уносили поломанные, возвращали на место погнутые канделябры. Стекольщик трудился над разбитым стеклом, вставляя вместо него новое.

Одна дама обратилась к другой:

— Ненадолго же бедняжка перекинулась. А помню, в прошлом году в Висбаденском королевстве одну молоденькую фрейлину гоняли по саду до самого утра. Настолько долго, что приходилось даже прерываться на ночные ланчи.

И вновь грянула музыка. Пришедшие в себя оркестранты выдали такую зажигательную мелодию, что усидеть на стуле стало совершенно невозможно.

Король-отец, дирижируя кистями поднятых рук, призывно взывал:

— Веселимся! Веселимся!

Кавалеры принялись разбирать дам, и вскоре бальная зала заполнилась танцующими парами. Маменьки и папеньки — еще запыхавшиеся после грандиозной битвы — расселись по периметру, полнясь мыслями о том, как на следующий день повествуют о произошедших событиях отсутствовавшим. Бал продолжился — еще более величественно и зажигающе, чем прежде.

Через некоторое время — полчаса, приблизительно — в залу возвратилась принцесса Аглая. В новом — на этот раз голубом — платье. Принцесса была по-прежнему свежа, как только что раскрывшийся бутон садовой розы, разве только под правым глазом у нее красовался здоровенный фингал, какой нельзя скрыть самой густой пудрой.

Девушка остановилась в дверях, и взоры присутствующих обратились на нее.

— Ах! — произнесла Аглая. — Кажется, я немного задержалась. Прошу прощения.

И молодые люди сейчас же устремились к ней, потому что, как ни крути, она была принцессой и оставалась — несмотря на легкое повреждение — самой обворожительной и желанной девушкой в целом свете.

— Она ничего не помнит, — предположил виконт Ламорж.

В ответ на это замечание престарелый граф Дю-Бонье, к которому виконт обращался, глубокомысленно заметил:

— То, что мы сейчас наблюдали, представляет собой т-точнейший слепок семейной жизни. Поначалу Аглая представляла собой воплощение женской п-прелести и хотела одного

— т-танцевать. И легко получила желаемое. Но, неожиданно для всех — в первую очередь для своего п-партнера принца Форначчи, — проявила женскую сущность, превратившись в м-монстра. Но вот вспышка агрессии миновала. И наша п-прелестница вновь ничего не помнит и вновь желает романтических танцев — уже с другим п-партнером, ввиду отсутствия прежнего.

— Я видел, как Форначчи уносили из залы на носилках, окровавленного, — сообщил виконт.

— Значит, Аглая все-таки зацепила бедного п-принца когтями? — воскликнул граф Дю-Бонье. — Один п-пострадавший имеется? Разве данное с-событие нельзя приравнять к разводу? Надеюсь, ранение окажется не смертельным. Но остальным м-молодым людям невдомек, что — с-стоит луне выглянуть из-за туч — агрессия п-повторится. Поклонников принцессы Аглаи ожидает та же н-незавидная участь, что пострадавшего п-принца. А что толку? Мужчин тянет к молодым женщинам, словно м-магнитом — словно м-мотыльков на гибельный свет масляной лампы. Это одна из самых н-непостижимых шуток, которые сыграл Создатель над человечеством... Ну что вы стоите, в-виконт? Ступайте, п-присоединитесь к толпе воздыхатель этого очаровательного и не менее с-смертоносного существа.

В этот момент до собеседников донесся гренадерский — перекрывающий звуки оркестра — голос графини Дю-Бонье:

— Граф! Граф, где вы? Сколько можно вас дозывать?

— П-прошу п-прощения, мне пора.

И граф Дю-Бонье поспешно удалился в направлении супруги, в нетерпении бьющей копытом.

Виконт Ламорж некоторое время наблюдал за вальсирующими парами. Принцесса, ведо-мая новым партнером взамен выбывшего Форначчи, не имела конкуренток. Девушка была настолько мила, что вызвала единственное желание: обнять ее за осиную талию и вести в нескончаемом танце до упаду.

Ламорж — несмотря на преподанный ему графом урок — испытывал горячее желание присоединиться к толпе поклонников и пригласить принцессу Аглаю на следующий танец. Как знать, а вдруг получится?

Виконт был молодым — следовательно, подверженным страстям отчаянной и безголо-вой юности — аристократом. Но на всякий случай — скорее, машинально, чем сознательно, — выглянул в окно, уже заделанное стекольщиком: надежно ли отравленная луна скрыта за набежавшими тучами.

Принцип наихудшего

Бергер А. Р., следователь Бюро внеземных цивилизаций. Под началом руководителя отдела Космыцкого И. Д.

Рабочие логи:

12:18 08-07-3046, земное время/числение.

Срочное служебное задание.

Вводные данные. С планетарной станции «Тайяншоу» поступили сведения о гибели землянина Лапина А. Н., сотрудника Института Гуманоидных исследований. Предположительно несчастный случай.

Дополнительно. На станции на момент смерти присутствовали также: Дэренвак (космическая раса: гомул-скривер), Горчик (космическая раса: соуэлец) и Бой-Хек (космическая раса: прозарянин).

12:25.

Телепортирован по служебному телепатическому каналу на место происшествия. По прибытии отправлено сообщение Космыцкому И. Д.:

«Добрался нормально. Приступаю к расследованию».

Получен ответ:

«Дело находится на министерском контроле, поэтому даю не более двух часов. Извини, но с тобой послать некого: все заняты. Расхлебывай один».

Общий план действий. Произвести осмотр тела. Опросить сотрудников планетарной станции «Тайяншоу». Составить экспертное заключение о происшествии.

12:29.

Произведен первичный опрос гомул-скривера Дэренвака.

Согласно его показаниям, часом ранее Лапин А. Н. обнаружен на поверхности планеты, в 40 метрах от шлюза, без признаков жизни. Стекло гермошлема разбито.

На вопрос, какие отношения сложились между ним и покойным Лапиным А. Н., ответил: прохладные — пока друг к другу присматривались.

Дополнительно. Раса гомул-скриверов антропоморфна, в среднем на полголовы выше людей, имеет неправильные, с точки зрения человеческой анатомии, пропорции. Общаются посредством изменения оттенков кожных покровов.

Коммуникация выполнена штатно: с помощью УЭТ-2А (универсального электронного толмача).

12:40.

Произведен осмотр трупа. Разбитое стекло подтверждено. Первоначальное предположение: Лапин А. Н. поскользнулся и ударился гермошлемом о камень. Стекло разбилось, смерть наступила в результате асфиксии.

12:41.

Первоначальное предположение не подтверждено. При повторном осмотре на стекле обнаружен след, характерный для удара тяжелым острым предметом. Нанести камнем подобное повреждение невозможно.

Вывод. Лапин А. Н. не поскользнулся, а убит. Орудие убийства не найдено.

План ближайших действий. Найти орудие убийства. Вычислить убийцу, установить его мотивы.

12:57.

Отправлено сообщение Космыцкому И. Д.:

«Несчастный случай исключается. Неизвестным тяжелым предметом у Лапина А. Н. разбит гермошлем. Предполагаю убийство».

Получен ответ:

«Действуй как можно скорее. У тебя полтора часа, Антон. Министру нужен результат, на меня давят».

12:59.

Произведен первичный опрос соульца Горчика.

Согласно его показаниям, происшествие произошло после совместного завтрака, на котором присутствовали все четверо сотрудников станции. Первым столовую покинул Лапин А. Н., за ним через некоторое время последовал сам Горчик, Исполняя обязанности метеоролога, он должен был проверить работу приборов, расположенных вне жилой зоны. Дэрэнвак и Бой-Хек остались в столовой.

Покинув жилой модуль, Горчик обнаружил тело Лапина А. Н. и поднял тревогу.

Дополнительно 1. При опросе Горчик проявил себя как болтливое и сострадательное существо. Неоднократно выражал соболезнования и сожалел по поводу смерти землянина. Установить, насколько его поведение искренне, не представляется возможным.

На вопрос, какие отношения сложились между ним и покойным Лапиным А. Н., ответил: это не имеет значения, потому что землянин мертв.

Дополнительно 2. Соуальцы не относятся к гуманоидам. Внешне они напоминают вывернутую наизнанку крупную улитку. Раковина, составляющая скелет, находится внутри тела, выпирая из него отдельными фрагментами. Большую часть слизистых покровов занимают прикрытые толстыми веками глаза, которые имеют обыкновение резко открываться, затем не менее резко закрываться, причем надолго. Поскольку глаз имеется множество, можно сказать, представители этой космической расы вовсе их не закрывают, наблюдая за происходящим разными частями тела.

13:15.

Произведен повторный опрос гомул-скривера Дэрэнвака.

Дэрэнвак подтвердил, что первым столовую покинул Лапин А. Н., за ним — Горчик. Вскоре поступило сообщение Горчика о случившемся несчастье. Тогда они вышли на поверхность планеты, где обнаружили тело Лапина А. Н. Стекло гермошлема было разбито. Ввиду того, что смерть представлялась очевидной, труп решили не трогать до прибытия официальных представителей Земли.

Вывод. На момент гибели Лапина А. Н. инопланетяне Дэрэнвак и Бой-Хек находились вместе, обеспечивая взаимное алиби. Главным подозреваемым становится Горчик, имевший возможность разбить стекло гермошлема у Лапина А. Н.

13:36.

Отправлено сообщение в службу поддержки:

«Прошу немедленно выяснить, какие максимальные тяжести способны поднимать соуэльцы. Также — имелись ли на станции роботы, которых возможно использовать для убийства человека».

13:40.

Дэренвак (по собственной инициативе) сообщил, что при возвращении в жилой модуль Бой-Хек подобрал с поверхности геологический молоток. О том, откуда молоток взялся, Дэренвак не интересовался.

Справочно. Геологический молоток имеет острые грани, которыми возможно разбить стекло гермошлема. Вес стандартного инструмента около 5 кг.

Вывод. Убийца (предположительно Горчик) разбил стекло гермошлема Лапина А. Н. ударом геологического молотка. При возвращении в жилой модуль случайно обронил его.

13:46.

Получен ответ от службы поддержки:

«1. Ввиду отсутствия конечностей, соуэльцы для поднятия тяжестей используют телекинез. Максимальный вес поднимаемых предметов: не более 800 граммов.

2. Роботы, которых возможно запрограммировать на убийство человека, на станции «Тайяниоу» отсутствуют».

Вывод: Горчик имеет алиби: он не в состоянии не только разбить геологическим молотком стекло гермошлема, но даже поднять этот инструмент. Таким образом, все трое подозреваемых имеют алиби. Расследование зашло в тупик.

План ближайших действий. Опросить прозарянина Бой-Хека, который избегает общения со следователем.

13:54.

На вопрос, где Бой-Хек пребывает в настоящий момент, Дэренвак пояснил: скорее всего, в своей каюте. Смерть землянина вызвала у него нервный стресс.

14:00.

Произведен осмотр каюты покойного Лапина А. Н.

В полости алюминиевого стула обнаружен тайник с носителем. В сообщении, составленном от имени Лапина А. Н., говорится, что в случае его насильственной смерти винить следует гомул-скривера Дэренвака, неоднократно ему угрожавшего. О причинах угроз не сообщается.

Вывод. Сообщение покойного могло бы лечь в основу обвинения, если бы Дэренвак не обладал алиби.

План ближайших действий. Алиби Дэренвака необходимо подтвердить у прозарянина Бой-Хека, который в контакт со следователем до сих пор не вступил.

14:21.

Получено сообщение от Космыцкого И. Д.:

«Кто убийца? Ты там дурака валяешь, что ли? Ты представляешь, что сейчас творится в Министерстве и как на меня давят?!».

Отправлен ответ:

«Делаю все возможное, Илья Давидович».

14:22.

Произведен первичный опрос прозарянина Бой-Хека. Опрос произведен через дверь, поскольку открывать Бой-Хек категорически отказался.

Коммуникация выполнена штатно: с помощью УЭТ-2А.

Опрашиваемый подтвердил алиби Дэрэнвака: с момента, когда Лапин А. Н. покинул столовую, и по момент получения известия о его гибели Дэрэнвак находился в столовой и никуда не отлучался.

На вопрос, что Бой-Хек поднял, возвращаясь в жилой модуль после осмотра трупа, получены показания: геологический молоток. Как тот оказался вне помещения, не имеет понятия. Геологический молоток хранился на инструментальном складе, где его мог взять любой из сотрудников. По словам Бой-Хека, он не придал находке значения, так как не предполагал в геологическом молотке орудия убийства.

На вопрос, какие отношения сложились между ним и покойным Лапиным А. Н., ответил: у землянина со всеми сотрудниками планетарной станции «Тайяншоу» сложились негативные отношения.

Дополнительно 1: в течение беседы Бой-Хек производил впечатление истеричного, взвинченного до предела — возможно, напуганного до смерти — существа. О причинах своего испуга говорить категорически отказался. На замечание, каким образом его — при таких психологических качествах — допустили до работы в космосе, сообщил: именно такие сотрудники, согласно принципу наихудшего, здесь и требуются.

Дополнительно 2. Согласно справочным данным, прозаряне не антропоморфны. Они напоминают богомолов, вооруженных спиралевидными рогами, шилообразными зубами, обоюдоострыми когтями и шершавой кожей, которая жестче наждачной бумаги. Тем более разительным представляется контраст с истеричной и асоциальной манерой общения их представителя на «Тайяншоу». Дверь каюты Бой-Хек так и не открыл.

Вывод. Алиби Дэрэнвака подтверждено. Таким образом, все трое сотрудников «Тайяншоу» имеют бесспорные алиби.

Единственной формальной возможностью совершить убийство является криминальный сговор Дэрэнвака и Бой-Хека. Они имели возможность убить Лапина А. Н. в период, когда Горчик покинул столовую, но еще не вышел наружу.

План ближайших действий. Выяснить, что имел в виду Бой-Хек под принципом наихудшего. Определить вероятность сговора между гомул-скриверами и прозарянами с целью убийства Лапина А. Н.

14:38.

Произведен дополнительный опрос гомул-скривера Дэрэнвака.

Дэрэнвак показал, что ему неизвестна трактовка принципа наихудшего прозарянами. А потом многозначительно добавил: от цивилизации гомул-скриверов в космос посылают лучших.

14:41.

Отправлено сообщение в службу поддержки:

«Прозарянин Бой-Хек упомянул в разговоре принцип наихудшего, в связи со своим допуском к работе в космосе. Прошу выяснить, как данный принцип трактуется цивилизацией прозарян.

Также прошу проверить вероятность сговора между гомул-скриверами и прозарянами, с целью убийства Лапина А. Н. Насколько велика вероятность такого события?».

Получен ответ:

«1. Скорее всего, под принципом наихудшего прозарянин имел в виду так называемое «слабое звено». У людей этот идиоматический оборот означает наиболее неустойчивую часть общей системы.

2. Сговор между гомул-скриверами и прозарянами с целью убийства человека не совпадает с политическими интересами этих космических цивилизаций и практически исключен. Дополнительно сообщаю, что соуэльцы также заинтересованы в установлении с землянами дружественных отношений».

14:43.

Получено сообщение от Космыцкого И. Д.:

«Даю на расследование еще двадцать минут, или ты уволен без выходного пособия».

Отправлен ответ:

«Илья Давидович, очень нужно поговорить с директором Института Гуманоидных исследований, в котором работал Лапин А. Н. Это последняя зацепка. После этого считайте, что не справился».

Получено сообщение от Космыцкого И. Д.:

«Подавись».

14:45.

Проведена беседа с Козловым К. М. — директором Института Гуманоидных исследований. Темы беседы: Лапин А. Н., принцип наихудшего.

Выяснено следующее. Лапин А. Н. работал в Институте Гуманоидных исследований лингвистом, однако фактически использовался для тестирования возможностей человечества в качестве слабого звена (принцип наихудшего). От рождения он страдал ксенофобией и имел соответствующие убеждения: отрицал необходимость контакта с инопланетными расами и по мере возможности тому препятствовал. При этом о своей роли в тестировании физиологической и психологической совместимости космических рас не догадывался, полагая, что обязан работе исключительно профессиональным качествам лингвиста.

В свете этого, командировка на планетарную станцию «Тайяншоу» Лапина А. Н. — в качестве слабейшего звена человечества — представляется логичной.

Дополнительно. Станция «Тайяншоу» была создана экспериментально. Легенда: комплексное изучение планеты. Действительная цель: исследование физиологической и психологической совместимости представителей различных космических рас. Сведения об этом в исходном информационном блоке отсутствовали — вероятно, по той причине, что им не придано надлежащее значение. Между тем от результатов эксперимента зависело дальнейшее сотрудничество человечества с тремя новооткрытыми инопланетными цивилизациями: гомул-скриверами, соуэльцами и прозарянами. В случае успеха новый политический союз становился крупнейшим в истории Галактики и открывал для участников небывалые перспективы.

Вывод: Лапин А. Н., являясь ксенофобом и противником межгалактического сотрудничества, был объективно заинтересован в провале эксперимента.

14:47.

Отправлено сообщение Космыцкому И. Д.:

«Расследование завершено, докладываю о результатах.

Лапин А. Н. являлся закоренелым ксенофобом, ненавидевшим инопланетян и выступавшим против сотрудничества с ними. Подозревая

о галактических последствиях, которые повлечет за собой успех проекта «Тайяниоу», он задумал сорвать его любой ценой. Для этого предварительно записал на магнитном носителе сообщение с облыжным обвинением гомул-скривера Дэрэнвака в своей насильственной смерти и похитил с инструментального склада геологический молоток. На этом подготовка к срыву проекта была завершена.

08-07-3046 примерно в 11:03 по земному времясчислению Лапин А. Н. покинул жилой модуль экспериментальной станции «Тайяниоу». Отойдя от шлюза примерно на 40 метров, разбил геологическим молотком стекло своего гермошлема, затем — уже задыхаясь — из последних сил откинул геологический молоток в направлении шлюза, после чего скончался от асфиксии.

Лапин А. Н. обычно покидал столовую первым. Ему также было известно, что вслед за ним столовую покидает Горчик, а остальные двое сотрудников, как правило, задерживаются, из-за физиологических особенностей питания. Расчет строился на том, что Горчик будет иметь алиби вследствие невозможности поднять геологический молоток (вес около 5 кг), а Дэрэнвак и Бой-Хек обеспечат взаимное алиби друг другу. Как, собственно, и произошло.

Тем самым Лапин А. Н. рассчитывал, что его предполагаемое убийство никогда не будет раскрыто, что поставит перед заключением политического союза между землянами, гомул-скриверами, соуэльцами и прозарянами непреодолимые препятствия».

Получен ответ:

«Антон, немедленно возвращайся! На Аквавейне-16 загадочная эпидемия, предположительно искусственного происхождения. Времени в обрез. Нужно завершить расследование до окончания рабочего дня».

Приятель

Когда звонишь старинному приятелю, самое главное, чтобы он оказался жив. Телефон может не ответить, тогда прикидываешь: то ли абонент сменил номер, то ли неизбежное случилось и звонить больше некому. Тем сильнее радуешься, когда с детства знакомый голос спрашивает:

— Да?

— Привет, Макс!

— А, мой дорогой, привет!

Узнал, бродяга — через столько-то лет! Или определил по сохранившемуся в справочнике номеру, какая теперь разница?!

— Вот, решил позвонить, — сообщаю радостно. — Давненько не общались.

— Давненько: лет семь, — прикидывает Макс. — Помнишь, собирались с нашими пересечься — прямо перед событиями, — но не сложилось. Да какая теперь разница?.. Рассказывай, мой дорогой, рассказывай поскорее. Как сам?

Рассказываю про себя. А что со мной сделается? Живой, как видишь.

— А дети как?

Дети хорошо. Выросли и разъехались: живут самостоятельной жизнью.

— Внуков нет?

Нет, с внуками напряженка. Молодежь опасается заводить детей в связи с неясностью жизненных перспектив. Какие дети, когда на Земле вот такое творится?! Внеземное вторжение, впервые в истории цивилизации. Прилетели инопланетяне — сокращенно «инки», — разгромили вооруженные силы, посланные объединенным человечеством, выдвинули жесткие требования...

— А у меня трое. Старшему пятнадцать.

Мой приятель — фантастический бабник! А в качестве жизненного приза — трое подросших внуков. Чем еще хвастаться в наши годы, как не внуками?!

— Ну ты бродяга! — завидую я чужому счастью.

— Все в порядке, мой дорогой, можешь за меня не волноваться, — резюмирует Макс... и тем же безмятежным тоном добавляет нечто ужасное. — Недавно всей семьей ассимилировались.

Меня словно стучает по лбу невидимой, но тяжеловесной дубинкой. В голове образуется воздушная пробка.

Чего не ожидал, того не ожидал. И от кого — от всегда трезвомыслящего и осторожного Макса!

— Что? — переспрашиваю я, не веря ушам.

— Всей семьей ассимилировались, — повторяет приятель с прежней оптимистичной интонацией.

Я не сразу нахожусь с ответом. В молодости Макс был кем угодно, только не дураком, поэтому решение подвергнуться искусственной ассимиляции выйдет по меньшей мере странным.

— Что, и галактическое гражданство получили? — спрашиваю осторожно.

— Конечно, получили. Как без гражданства?!

— Зачем?

Макс улавливает в моем голосе возникшее напряжение, но по-прежнему не подает виду. Мы знакомы вечно — надо ли удивляться проявляемой приятелем терпимости?! Мало ли, вдруг у меня возрастной кризис, или психологическая травма образовалась. С корешами помягче, помягче надо, чтобы не обидеть ненароком...

— Как зачем гражданство? — поясняет он. — Инки предложили всем желающим. Мы на семейном совете обсудили и согласились. Себе, детям и внукам: ради общей безопасности и процветания.

Держи карман шире — процветания! Я абсолютно убежден, что галактическое гражданство — хитроумная ловушка. Хотя не знаю, какая именно.

Приятелю моя интонация, естественно, не по душе — я это чувствую. Но мое интеллектуальное потрясение слишком велико, чтобы оставить скользкую тему. Нужно же выяснить, что заставило этого обычно разумного и осторожного человека принять, скажем так, сомнительное решение?

— Ладно, — говорю примирительно. — Как прошла процедура? Нормально?

Макс оживает.

— Никаких проблем. Стандартная технология: положили в стационар на один день, прямо на летающей тарелке, а к вечеру выписали.

Я молчу, потом тускло интересуюсь:

— И как ощущения?

— Необычные. Потом привыкаешь, конечно.

Отчего не привыкнуть: всего-то привинтили пару внутренних органов, не имеющих у человека аналогов, да внесли изменения в генетический код! Сушная ерунда.

Понимая, что разговор пора закруглять, иначе он неведомо куда заведет, начинаю прощаться.

— Рад, что у тебя все прекрасно, Макс. Дружеский привет семье. Увидимся как-нибудь...

— Пока, мой дорогой! Не забывай...

И мы расстаемся. При встрече на улице сделаем вид, что друг друга не заметили. Теперь так принято: не замечать знакомых из другой ассимиляционной группы.

Проклятие бабушкиной развалюхи

Мое детство прошло под знаком механической кукушки.

Часы стояли на поцарапанном — купленном в стародавние времена — комодѐ, на самом верху. В полдень дверца на часах отворялась, и изнутри с резким звуком выскакивало механическое создание:

— Ку-ку, ку-ку. Ку-ку.

Отчего-то я пугался — вероятно, тогда уже чувствовал: что-то с птичкой не так. А окончательно утвердился в этой мысли, когда умерла бабушка.

Я увязался за ней, когда бабушка пошла к колодцу за водой. Но — уже на обратном пути — неожиданно выронила полные ведра, побелела лицом и медленно опустилась на землю. Я испуганно закричал:

— Бабушка, бабушка, что случилось?

Но она лишь выпучивала глаза и задыхалась, силясь что-то произнести. Теперь-то я знаю, что именно:

«Эта кукушка накаркала... Остерегайся ее, внучок...».

Все впустую: ни одно разборчивое слово не могло вылететь из перекошенного рта.

После бабушкиной смерти меня перестали возить в деревню на летние каникулы.

И вот однажды, повзрослевший — лет через двадцать, наверное, — я вернулся в родовое гнездо для ревизии имущества. Дом стоял покосившийся, заброшенный — однако же совершенно нетронутый, словно безумные девяностые обошли его стороной. Местные опасались к нему приближаться.

Я отодрал доски и прошел внутрь. Все оставалось как было, лишь толстый слой паутины свисал с потолка и стен, опутывал мебель. И вдруг раздался металлический скрежет — я сразу и не понял, чего именно, — и с комода послышалось душераздирающее:

— Ку-ку, ку-ку. Ку-ку.

Это пробудилась зловещая птица. Я вздрогнул, не ожидая, что она оживет через столько лет забвения. Но это произошло.

А через три месяца до моей фирмы домotalась налоговая — так плотно, что отбиться с помощью аудиторов не удалось. Было несложно связать два и два: кукование механической кукушки и налоговые претензии. Кто бы на моем месте не догадался?!

Стало понятно, что с кукушкой лучше не пересекаться.

Но это были выводы, сделанные задним умом, — между тем проблемы с фирмой продолжались. Пришлось взять кредит — крупный по моим меркам. Однако, репутация фирмы пострадала, клиенты отваливались один за другим, поэтому — когда пришла пора возвращать деньги — нужной суммы не набралось.

Естественно, меня принялись прессовать, не по-детски.

Первым делом я попытался всучить в уплату бабушкину развалюху. Бандюки, у которых брал кредит, даже приехали ее осмотреть. Но, увидев избу, презрительно заявили:

— Ты чего впариваешь, пингвин? Совсем оборзел? Бабки гони.

Почуяли мистический дух, исходящий от поцарапанного комода.

В результате пришлось продать городскую квартиру и — поскольку другим жилищем я не обзавелся — поселиться в деревне.

К тому времени я твердо знал, кому обязан несчастьями: механической кукушке. И решил покончить с ней, раз и навсегда. Бабушка, когда была жива, каждую неделю залезала на стул и проворачивала в часах ключ. Я перестал это делать, в надежде, что завод закончится, на том мои зловключения прекратятся.

И что вы думаете? Невзирая на отсутствие завода, каждый полдень проклятая птица продолжала выскакивать из железной норки и каркать в мои чувствительные уши:

— Ку-ку, ку-ку. Ку-ку.

Как в детстве, я вздрагивал и пугался.

Я никак не мог понять, откуда берется энергия для ежедневного кукования. Но однажды обнаружил электрический провод, тянущийся от часов к розетке. Странно, ведь я почитал часы механическими — а они электрические, оказывается?!

Естественно, я выдернул провод, обесточив механизм.

Увы мне, кукования продолжились! Не только в полдень, но и в остальное время суток — причем самое неподходящее: ночью или во время приема пищи. Механизм доводил меня до иступления, но я ничего не мог поделать, ведь часы не требовали энергетической подпитки. Они самостоятельно выбирали жертву и сводили с ума методично, по собственному — непостижимому для жертвы — расписанию.

Теперь все стало прозрачным.

Сразу вспомнилась смерть прадеда в Первую мировую, деда в Отечественную, недавняя гибель родителей в автокатастрофе. Все было неспроста, ко всему приложила руку кукующее чудовище.

Теплилась надежда, что мои познания в технике являются недостаточными. Вдруг разгадка проста, и я паникую на ровном месте? И я отправился к соседу, местному умельцу-пьянчуге: чтобы он разъяснил, каким образом часы — будучи не заведенными и обесточенными — продолжают свое черное дело.

Выслушав жалобу, Михалыч заявил откровенно:

— Придурок ты, Серега. Неизлечимый.

Я впитывал каждое его слово, с надеждой, что недоразумение разъяснится.

— Аккумулятор! — пояснил Михалыч, подняв кверху указательный палец.

Ну конечно, аккумулятор! Как я сразу не догадался?! Однако, версию соседа следовало проверить: я слишком пострадал, оттого сделался подозрительным и мнительным, чтобы верить кому-то на слово.

— А можно его снять? — спросил я мастера.

— Кого, аккумулятор? — обрадовался Михалыч. — Как два пальца...

Мы приняли по третьей и, не мешкая, отправились ко мне для снятия аккумулятора. Сосед смело направился к часам, а я — с бьющимся сердцем — прислонился к стене и зажмурил глаза. Что-то должно было случиться: гнусное, незабываемое...

Слышались шаги Михалыча, возня...

Потом раздался хрип и стук упавшего на пол тела.

Я открыл глаза. Сосед, так и не добравшийся до часов с кукушкой, корчился на полу в предсмертных муках.

Приехавшие врачи диагностировали третий инфаркт. Наивные! Я-то знал, кто истинный виновник уже второй произошедшей на моих глазах смерти, а также преждевременной смерти моих родителей, моей несчастной бабушки и моих героических деда и прадеда, павших в боях с захватчиками. Вовсе не инфаркт, не отказавшие тормоза, не оторвавшийся тромб и не меткие германские пули... Виной всему — проклятые часы с кукушкой, преследовавшие мою семью на протяжении четырех поколений!

Я был следующим по счету — но не чувствовал себя способным противиться судьбе.

Последующие после кончины Михалыча дни помню плохо. В основном валялся на диване, предаваясь апатии, а убийственная кукушка время от времени выскакивала из часов, чтобы возгласить очередное:

— Ку-ку, ку-ку. Ку-ку.

Но однажды сорвалась с железного насеста и принялась летать по комнате, хлопая крыльями и ударяясь о стены.

Это был мой шанс!

Я вскочил с дивана, схватил оказавшийся под рукой журнал и принялся гонять птицу по избе. В конце концов кукушка вылетела в растворенное окно и скрылась в вершинах деревьев.

Или это была не кукушка, а залетная пичуга? В суматохе, последовавшей за ее обнаружением, я не успел разглядеть хорошенько — следовало проверить. Кукушка не могла остаться в часах — железная норка должна была оказаться пустой.

Желая окончательно во всем разобраться, я взгромоздился на стул. Левой рукой ухватил часы за обод, а правой попытался отогнуть распахивающуюся дверцу, сквозь которую пролезало демоническое создание.

В этот момент ножка у стула подломилась, и я грохнулся оземь — головой прямо об угол дивана.

Не знаю, сколько времени пролежал без сознания. Но очнулся от знакомых — пробирающих до позвоночника — дребезжащих звуков:

— Ку-ку, ку-ку. Ку-ку.

Кукушка возвратилась в домик — а может, и не покидала его, а по бабушкиной избе металась другая, ни в чем не повинная птица. Этот принципиальный момент так и остался не проясненным.

Сейчас я лежу на диване, загипсованный, и с ужасом ожидаю очередного кукования.

По телевизору передают обычное... Что именно? Боюсь прислушаться... Восстание индейцев в Колумбии? Коровья свинка в Германии? Облысение розовых фламинго в Конго? Кровавая распря между Австралией и Монголией?

Из-за чего телевизионная хтонь? Мне известно. Виной всем международным — и внутренним тоже — событиям являются часы с кукушкой, стоящие на пыльном комодe в деревенской избе моей покойной бабки.

Вот они. В любой момент дверца распахнется, и зловещая птица громогласно выкрикнет, вонзая в мою потревоженную печень раскаленные иголки:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Но со сломанной ногой мне не добраться до этой твари... не добраться.

Прощайте, друзья!

Первоначально на площадке молодняка нас было шестеро.

Эмма. Хлопотливая и вечно занятая. По твердой поверхности передвигалась немного переваливаясь, но едва оказывалась в водной стихии — оживала. Великолепная пловчиха и ныряльщица.

Гуго. Обычно грелся на мелководье, высунув из воды ноздри и бесстрастные — выступающие над сплюснутым черепом — глаза. Но иногда, виляя вытянутым чешуйчатым телом, выползал на берег и лежал там с распахнутой пастью.

Милена. Красавица, с пятнистой шерсткой и черными кисточками на ушах. Большую часть времени проводила в помещении. Но часто выскакивала наружу и, вертя коротким — словно обрубленным — хвостом, начинала носиться по вольеру как бешеная.

Курц. Этот держался особняком из-за длинных колючек, полностью покрывавших тело и начинавших топорщиться при опасности. Но — по возможности, конечно, — был не прочь поучаствовать в совместных проказах или помочь товарищам дельным советом.

Гленда. Часто замыкалась в себе, но, едва весеннее солнышко начинало пригревать, высывала лысую голову и ноги из-под панциря и невыносимо медленно переносила костяное жилище из тени на более теплое место.

И я, Барри. Как правило, я сидел на вершине вкопанного в землю сухого ствола и обзревал окрестности круглым желтым оком.

Жили мы дружно и беззаботно: подначивали друг дружку, бегали, кувыркались, летали — насколько, конечно, позволяли ограда и закрепленная сверху металлическая сетка, — дурачились и развлекались как могли.

К примеру, Милена могла выхватить из чужой миски аппетитный салатный листик и убежать. В шутку, разумеется. Тогда обокраденная Гленда кричала в спину похитительнице: — Вот сейчас догоню и надаю тумачков!

Мы покатывались со смеху, ведь ни Милена не нуждалась в салатном листике, ни Гленда не смогла бы ее догнать, ускорься даже вдвое.

Потом я пикировал и выхватывал из пасти Милены украденное. Приземлялся на голову Гуго, который подползал к обиженной. Курц в это время притворно отпугивал острыми иглами Милену, которая притворно оскаливалась и рычала, якобы от негодования. А Эмма в это время летала вокруг нашей суматошной компании и истошно кричала.

Наконец, Гленда запихивала себе в рот возвращенный салатный листик, и мы придумывали новое развлечение.

Ах, как весело мы жили — и как ладили, понимая друг друга с полуслова!

С высоты наблюдательного пункта я первый замечал, когда приносили пищу. Тогда призывно хлопал крыльями, извещая товарищей о наступившем обеденном времени. И все спешили к кормушкам: каждый к своей, потому что у каждого в компании имелись собственные кулинарные предпочтения.

Но в тот день пищу не принесли.

Сначала мы терпеливо ждали, когда появятся служащие зоопарка, — но они почему-то не торопились.

Наступило утро нового дня, а нас еще не покормили.

— Я хочу есть, — прорычала Милена.

— Куда подевались люди? — клацнул челюстью Гуго.

Эти двое — самые крупные из нас — являлись и самыми нетерпеливыми.

— Вероятно, это связано с небесными вспышками и хлопками, — предположил я. — Они до сих пор продолжаются.

Весь вчерашний день на горизонте возникали странные красные всполохи, напоминающие заходящее солнце, и слышались оглушительные хлопки, от которых водоем покрывался мелкой рябью. И посетители зоопарка, обычно во множестве толпящиеся за оградой, отсутствовали. Сегодня с утра продолжалось то же самое — вот я и предположил, что отсутствие людей связано с продолжающимися вспышками и хлопками.

Гленда высунула лысую голову из-под панциря:

— Что бы это могло значить?

— Апокалипсис, — сумрачно предположил я.

Из-за повышенной чувствительности мне было немного не по себе.

— Не надо каркать! — возмутился Курц.

Он оттопырил по всей спине длинные иглы и выглядел решительно.

— Да уж, обойдемся без панических настроений, — рыкнула Милена и взволнованно заходила на упругих лапах туда-сюда.

И правда, какое нам дело до внешнего мира за оградой? Никакого. Если раньше служащие зоопарка не морили нас голодом, то и сейчас волноваться нечего — это же очевидно.

В этот момент — во внешнем мире, но достаточно близко, — ослепительно вспыхнуло, а следом оглушительно ухнуло. Напуганные, мы позабыли о голоде и разбежались по противоположным углам вольера.

В тот день люди так и не появились. Стало совсем тревожно — а голодно было уже до того, хотя каждому по-разному.

Больше остальных злились Милена и Гуго. Обычно служащие приносили Милене здоровенные куски мяса, а Гуго — крупную рыбу. Он проглатывал несколько штук зараз. И вот сейчас эти двое не получили привычных порций и, естественно, озлобились.

Из остальных более всего страдал, кажется, Курц. Его черты словно осунулись, а иголки потускнели. Что касается меня, я переносил голод относительно спокойно — хотя, понятное дело, не смог бы терпеть бесконечно. А Эмма — особа разговорчивая и безапелляционная — вообще заявила:

— Нужно учиться сами добывать пищу. Если мы остались одни, придется это сделать, иначе умрем с голоду.

— Где ты собираешься добывать пищу? — прорычала Милена.

— Да в пруду же, — простодушно закричала в ответ Эмма. — Если хорошенько поискать, в нем можно найти мелких букашек и червячков.

По природной наивности она полагала, что Милену тоже устроят букашки и червячки.

В подтверждение своего мнения проковыляла к водоему, плюхнулась на поверхность и быстро поплыла, перебирая невидимыми под водой лапками. Оказавшись посередине, сделала движение, чтобы занырнуть. Но в этот момент из воды высунулась огромная — усеянная зубами — пасть Гуго и тут же захлопнулась, проглотив незадачливую подружку. По поверхности поплыли растрепанные и помятые перья.

Никто из нас не ожидал подобного вероломства. Мыслимое ли дело, сожрать Эмму, с которой еще два дня назад находился в прекрасных отношениях: играл, придурился, доверительно беседовал?!

— Ты что творишь, Гуго? — возмутился я.

Но тот не отвечал, занятый, как можно догадаться, пожиранием. Лишь спустя некоторое время всплыл на поверхность — довольный, но еще с остаточным голодным блеском в глазах, — и пояснил:

— Она сама предложила добывать пищу в пруду. Я лишь последовал ее совету.

После чего погрузился в воду, выставив наружу бесстыдные непромокаемые глаза и зеленые ноздри.

Нас осталось пятеро — на одного меньше.

Виновник трагедии — Гуго — лежал на отмели и переваривал бедную Эмму. Хотя что ему тушка несчастной птички?! Очевидно, что чувство насыщения скоро пройдет, и что случится впоследствии, остается догадываться.

По площадке молодняка разлилось ощущение отчуждения, тревоги и опасности.

Мы не могли смотреть друг другу в глаза, однако же приходилось.

Понимая, что надлежит выработать отношение к произошедшему, я прокричал с вершины сухого дерева:

— Какие будут предложения?

— Предлагаю изловить и казнить каннибала, — зашипел, выражая общие потаенные мысли, Курц. — Он предал наше молодежное братство, пусть умрет.

Ну, ему — убежденному вегетарианцу — было хорошо говорить. В любом случае Курц ничего не терял.

— Казнить? — переспросила Милена. — А кто этим будет заниматься? Я, вероятно? А ваше участие в чем проявится?

Она была права. Гуго имел пасть, полную острых зубов. Одна Милена могла противопоставить ей отточенные когти. Остальным сражаться с предателем Гуго было несподручно.

Тут, на свое несчастье, Гленда поворочала длинной шеей и заявила:

— Вы решайте как хотите, а я сама по себе. Черепахи могут не питаться месяцами, так что мне голодная смерть грозит в последнюю очередь.

— Как скажешь! — рыкнула Милена. — Голосуем за предложение Гленды выживать самостоятельно, невзирая друг на друга, — и первой приподняла хвост, в знак одобрения.

Я тоже одобрительно каркнул, хотя в тот момент еще не предполагал, чем общее собрание закончится.

— Я против! — пискнул общественник Курц. — Каннибала нужно покарать, чтоб никому повадно не было.

Последней, голосуя за собственное предложение, подняла морщинистую лапу Гленда.

Гуго участие в голосовании, естественно, не принимал. Но его, надо думать, подобный расклад полностью устраивал.

— Предложение принято большинством голосов, — констатировал я с верхушки сухого дерева. — С этого момента каждый выживает как...

Не успел я завершить фразу, как Милена одним прыжком достигла Гленды, не успевшей засунуть лысую голову обратно в панцирь, подцепила когтем и рванула на себя. Черепашья голова с мягким хрустом оторвалась от шеи и шлепнулась оземь.

Вскрытие черепашьего панциря, даже в районе подбрюшья, потребовало незаурядных усилий, но в конце концов Милене это удалось. Она немедленно насытилась, оставив множество кровавых жил, которыми насытился уже я.

Голодным в результате остался вегетарианец Курц.

С того момента общих собраний мы не проводили. Наша некогда дружная и сплоченная компания окончательно распалась.

Теперь нас осталось четверо, и каждый выживал как мог, — или наоборот, не выживал, а охотился, подыскивая себе завтрак.

Гуго больше не вылезал из воды, поскольку на твердой поверхности был уязвим. Он подкарауливал у берега, в расчете на то, что кто-то из бывших товарищей захочет пить и приблизится к воде. Раньше вместе с пищей нам приносили и свежую воду, но теперь поилки опустели, а из водоема наблюдали внимательные глаза.

Нас спасало то, что Гуго был прекрасно виден в прозрачной воде. Желавший освежиться подходил к береговой кромке с другой стороны и утолял жажду там.

Тогда Гуго пошел на хитрость: мутил воду, поднимая со дна тину и глинистые отложения, — и становился почти невидим. Но мы терпеливо пережидали, пока муть уляжется, — в итоге Гуго за прошедшие сутки так и не удалось никого утащить под воду.

А на твердой поверхности хватало своих опасностей. Здесь расклад сил казался однозначным: Курц ничего не мог противопоставить Милене, да и не питался он мясом, поэтому вынужден был защищаться с помощью длинных и жестких игл. До поры до времени это удавалось.

Почти сутки дикобраз просидел во внутреннем помещении, оценившись иголками в проход. Но, совсем оголодав, вынужден был высунуться наружу... где караулила Милена.

Прыжок, могучий удар лапой — но на этот раз не повезло обоим. Шея Курца свернулась набок, но и Милена пострадала: глубоко в нос ей воткнулась пара иголок, которые жертва успела выставить.

Я обозревал происходящее с высокой приступочки под натянутой металлической сеткой. Сюда — памятуя о том, что Милена прекрасно лазает, — я перебрался с сухого дерева. Здесь имелась небольшая выпщерблина, где скапливалась дождевая вода и я мог утолять жажду. А подлетать к замутненному водоему, в котором плавал оголодавший Гуго, желание отсутствовало.

И вот я — сверху, с безопасного расстояния — наблюдал за тем, как Милена расправляется с Курцом, но при этом сама попадает в сложное положение. Обескураженная неудачей, она явно не знала, что предпринять: то ли утолить голод — что с иголками в носу было проблематично, — то ли попытаться сначала от них избавиться.

Голод потребовал своего, и неловко — как смогла — Милена перекусила бывшим приятелем. При этом каждое движение мордой доставляло ей неимоверную боль. Затем отобедавшая обратилась ко мне:

— Барри, мы ведь остаемся друзьями, не правда ли? Ты не мог бы вытащить иголки из моей морды? А я в качестве благодарности уступлю тебе часть добычи.

Под частью добычи она имела в виду растерзанные — и жесткие, вплоть до полной несъедобности, — останки Курца.

Я видел кошачью хитрость насквозь: съесть целиком колючую тушку Курца она не сможет, как и постоянно ее караулить. Следовательно, рано или поздно мне представится возможность спуститься с приступочки и поклевать останки.

Поэтому от предложения Милены я отказался. Было очевидно: после того, как иголки из носа будут вытащены, последует удар лапой — и моя жизнь прекратится. А мне этого чертовски не хотелось. Поэтому я каркнул:

— Извини, приятельница, но нет. Было бы странно поверить тебе после того, как ты сожрала Гленду, а теперь Курца.

Милена завывала от боли и огорчения.

Теперь нас осталось трое: сидящий на верхотуре я, доминирующая на земле Милена и не вылезающий из водоема Гуго.

Милена страдала больше других, потому что не только голодала, но и мучилась от торчащих из носа иголок. За последующие сутки проколы воспалились и загноились: бывшая приятельница таяла на глазах.

И вот уже, почуяв слабость противницы, оголодавший Гуго — впервые с начала апокалипсиса — вылез из водоема. Сразу к Милене не приблизился: та — даже раненная — представляла немалую опасность. Но принялся медленно оползать ее, сужая смертоносные круги.

Я предвидел, что вскоре мы останемся вдвоем: вот только не знал, в каком составе.

И вот наступил момент, когда Гуго, раскрыв пасть, бросился на Милену, в расчете ухватить обессилившую кошку за ногу и утянуть в водоем.

Именно в это мгновение судьба даровала мне шанс на спасение. Совсем поблизости вспыхнуло настолько сильно, что ослепило глаза. Страшно гроыхнуло, и сверху — то есть с внешней стороны — на металлическую сетку просыпались осколки породы. Один из них пробил сетку насквозь.

Внизу щелкал челюстями Гуго и яростно огрызалась Милена, но их драка внезапно утратила для меня интерес. Потому что путь к свободе открылся.

Не мешкая, я расправил черные крылья и подлетел к зияющей пробоине, за которой манило чистое небо. Пробоина оказалась узковатой, к тому же вовнутрь из нее торчала острая проволока от покореженной металлической сетки. Но я — несмотря на потерю пары хвостовых перьев — смог протиснуться сквозь нее и воспарить над обезлюдевшим зоопарком, а затем над всем городом.

Как жаль, что Эмма не дожидая до этого светлого мига — тогда бы мы улетели вместе. Хотя я не без грусти осознавал: рано или поздно наши пути неминуемо бы разошлись.

Я летел сам не ведая куда — лишь бы выбраться из разрушенных районов — и размышлял о том, что это вовсе не апокалипсис. Просто мы выросли и превратились в тех, в кого — согласно своей природе — и должны были превратиться: в самих себя.

Пути назад не было, а впереди — на полыхающем горизонте — маячила неизвестность.

Пыредсказательница

Возле ресторана я вышел из мерседеса и увидел цыганку. Пыредсказательницу. Она сидела на деревянном ящике, расстелив пыред собой пырсидский коврик. На нем лежали серебряный шар и колода не наших карт.

— Погадать, соколик? — с надеждой пыредложила цыганка.

Я замедлил шаг и остановился. Кивнул охране. Та обшманала пыредсказательницу на пыредмет оружия — я подошел.

— Все-все о твоей будущей судьбе поведаю, — обещала цыганка, — и о сердечной зазнобе, и о друзьях верных, о которых заботиться не перестаешь, и о ненавистниках-злопыхателях, что ножи на тебя точат. Дай ручку, соколик, все по ней увижу.

Я сунул пыредсказательнице левую руку.

— Ой, — изумилась цыганка, только взглянув на мою ладонь. — Аллах тебя любит, оттого даровал многое. Машину лучшую, черного цвета. Да нет, целый гараж лучших машин. И дом огромный, с пристройками. И не один, а несколько — в самых солнечных и безопасных местах Европы, где уважаемые люди столуются.

Я усмехнулся. Машина черная — вон он, мерседес, стоит. А об остальном догадаться несложно.

— А семья у тебя большая и дружная, — пыредоужала цыганка. — Шесть дочерей-красавиц и шесть сынов-батыров. Жена старая уже. Но женщины тебя обожают, как в молодости: сами на шею вешаются, как увидят. А на кого им еще вешаться, как не на солидного человека?! И ты никому не отказываешь, потому как сил в паху у тебя немеряно.

Наверняка по фоткам опознала, пырохиндейка. Но говорит пыравду: сил у меня немеряно. А о семье в пырессе пырочитать можно.

— А враги твои в министерстве никак не уймутся, потому как успеху завидуют. Затаились по кабинетам, но дашь слабину — налетят, как комары, и начнут кусать до крови, покуда всю не выпьют. Воли им не давай, соколик: дави беспощадной рукой, пока не устанешь.

Опять верно говорит: слабину перед министерскими давать нельзя.

— Позолоти ручку — расскажу, куда лучше инвестировать: так, чтобы впоследствии не заплакать горячими слезами.

Я вытащил из кармана пыриличную пачку купюр, и цыганка раскинула на персидском коврике засаленные карты.

— В последнее время, соколик, приглядываешься ты к Саудовской Аравии. Инвестируй туда: ничего не бойся. Накопления десятикратно приумножишь — при условии, что не поскупись и на родине налоги заплатишь. Позолоти ручку — поведаю номер бюджетного счета, на который деньги перечислять.

Едва я такое услышал, как пырипомнил...

Два месяца назад расплачивался я с одной пыроституткой, которую имел взад и вперед. Взяла она деньги, а взамен квитанцию об уплате налогов подсовывает. Инспекторшей налоговой оказалась, пырошмандовка! Вот я и подумал: а не из той ли пырезренной породы и эта бойкая пыредсказательница? Схватил ее за плечо и отогнул край цветной шали, в которую цыганка была завернута.

Под цыганской шалью скрывались погоны инспектора налоговой службы!

Р-развлечемся!

За стеклом книжной полки стоял скелет попугая. Жуткий: с изогнутым клювом, безглазым черепом, истонченными костями и широким килем.

Когда настала ночь, в окно заглянула луна. Желтый луч коснулся скелета и чудесным образом оживил его. Попугайский скелет захлопал крыльями, защелкал клювом и огляделся пустыми глазницами.

Хозяева отсутствовали — даже электрический свет не просачивался в дверную щель.

Убедившись, что в помещении никого, скелет прошелся по книжной полке, пробуя клювом стекло. Но оно оказалось слишком толстым для того, чтобы его пробить. Тогда попугайский скелет постарался отодвинуть стекло в сторону, но и здесь не добился успеха. Стекло имело специальные вырезы с внешней стороны, а с внутренней представляло собой гладкую поверхность, за которую невозможно уцепиться.

Поняв, что проникнуть в комнату не удастся, скелет заклекотал от огорчения.

Тогда он обратил внимание на книги. Кажется, увиденное понравилось, потому что скелет прогулялся на тонких лапках вдоль книжного ряда. Напротив одного из томов, с оранжевой обложкой, задержался и издал одобрительное кудахтанье. Широко разинул клюв и отчетливо произнес:

— Хор-рошо! Р-развлечемся!

После чего кости сложились в хаотичную кучу, вмиг потеряв сцепление между собой. Но тут же зашевелились и принялись восстанавливаться.словно живые, кости напозлали друг на друга, в одной им известной последовательности.

Когда реконструкция завершилась, на книжной полке красовался воссобранный скелет — только не прежнего попугая, а средневекового рыцаря.

Рыцарь был высок — для своего миниатюрного масштаба, конечно. А еще красив, насколько может быть красив не обросший плотью скелет. Птичий киль превратился в щит, а изогнутый клюв — в заостренный меч.

Для проверки рыцарь сунул острие меча между страниц оранжевого тома и тут же выдернул. Костяная основа заместилась холодным металлом — который по выдергивании заржавел и рассыпался. Премного довольный результатом, рыцарь отправил меч обратно в ножны, забрался на книгу и провалился в нее.

— Защищайтесь, милорд, — послышалось изнутри.

— К вашим услугам.

Ожесточенно зазвенели мечи, поодаль ахнула дама.

Битва продолжалась недолго, закончившись чьим-то хрипом — вроде бы предсмертным. Во всяком случае, второй голос больше не досаждал. Одновременно взвизгнула женщина — но, скорее, приличия ради, потому что в возгласе ощущалось больше кокетства и жеманства, нежели священного ужаса.

Потом звуки прекратились.

— Мадам, по праву победителя вы принадлежите мне, — послышался голос, очень похожий на попугайский.

— Ах! — выдохнула смущенная женщина.

Далее аханье пошло по нарастающей:

— Ах!.. Ах-ах-ах!.. Ах-ах-ах-ах-ах!.. Милорд, что вы делаете?!

Затем подбадривающее аханье сменилось обоудно сбитым дыханием, причмокиваниями и счастливыми женскими всхлипами.

...Ближе к утру из оранжевого тома вылез покачивающийся — немного не в себе — рыцарь. Оружие, с которыми он начал путешествие, отсутствовало, зато по лицу бродила блаженная улыбка.

Одежда и живая плоть на возвратившемся истлели, обнажив побелевшие кости. Которые, по своего обыкновению, распались в большую кучу, но затем восстановили начальный облик. Хотя пропажа оружия сказала: у воссобранного скелета отсутствовали клюв и киль, — но общие птичьи очертания угадывались.

Попугайский скелет занял законное место на книжной полке и замер.

Однако, ночь не закончилась — луна еще светила в окно. Возможно, по этой причине — а может, по какой иной — страницы поставленного на попа оранжевого тома зашевелились, и из них выбралась наружу прекрасная дама в бальном платье. Через мгновение бальное платье и дамская плоть также облетели на свежем воздухе, как осенние листья, оставив неприкрытый женский скелет... который не распался.

Новоприбывшая резво осмотрелась и — заметив застывшую поблизости скелетообразную форму — восторжествовала.

— Ах, вот ты где спрятался, будущий муженек! Под юбку благородной даме лазить горазд, а отвечать за поступки кишка тонка! Поглядите на хитреца: улепетнул из спальни, даже оружия не прихватив. Не на таковскую напал, однако!

С этими словами женский скелет ударил попугая по хребтине, отчего конструкция немедленно развалилась. Победительница сгребла рассыпанные кости в кучу и подтащила к оранжевой книге. Затем — с чувством выполненного долга и некоторым упоением даже — закидала внутрь литературного источника.

Когда первые солнечные лучи проникли в комнату и осветили книжную полку, попугайского скелета на ней уже не стояло. Хозяева — наутро обнаружив пропажу — ума не могли приложить, куда он делся.

Разум повсюду

Вместе с ежедневным блоком пива Олежек притащил коробку с оборудованием: продолговатую, пластиковую, нераспечатанную. Сейчас же нарвался на неодобрительный взгляд Космыча:

- Тестировать будешь, дурья башка?
- Согласно утвержденному графику.
- И охота тебе?

Олежек равнодушно пожал плечами. А что он мог сделать? Работа есть работа — даже в захолустном созвездии.

Они еще пособачились. Потом напарник уплыл в технический отсек, где сутками возился с механизмами, только не с теми, с которыми полагалось по работе, а с другими: с которыми интересно. Но, несмотря на сварливый характер, техником Космыч был прошаренным — за это и держали.

Рабочий день начинался как обычно и с чего обычно. Олежек пристегнулся к креслу, а пивной блок привязал за веревочку, чтобы не улетел. За банки он не беспокоился: они были с клапанами, специально предназначенными для употребления жидкости в невесомости. Затем уверенным жестом вытащил из блока первую емкость, вскрыл и отхлебнул пенный напиток.

За рабочую смену Олежек выпивал шесть банок — ровно один блок. И очень здорово, что в созвездии Рыб отсутствовали врачи и начальство: никто не донимал ни выговорами, ни ложной заботой о здоровье, разве что поджелудочная побаливала.

Но пора приступать.

Растягивая удовольствие, Олежек отставил недопитую банку в блок и сверился с графиком испытаний. 25 февраля 3083 года — тестирование прибора «Искатель-4». То же название значилось на упаковочном пластике. Все правильно.

После этого распаковал коробку с прибором, обнаружив внутри нечто вроде трубы. Посередине был прикреплен вращающийся экран. Из коробки выскользнула и полетела по воздуху бумажная инструкция по применению.

«Они бы еще на чугуне выбили, первобытные люди», — съехидничал Олежек, ловя невесомую брошюрку.

Ну и что там производители понаписали?.. Та-а-ак...

«Искатель-4» — полуавтоматический прибор, предназначенный для обнаружения разумных существ. Состоит из квантоскопа, принимающего сигналы из космоса, и вычислительного блока для их обработки. Преобразует сигналы в символы (латиница или кириллица, см. настройки) методом асинхронно-квазисемантической апперцепции. Требуется постоянного присутствия оператора. В процессе работы выдает набор символов, среди которых могут встретиться осмысленные словосочетания. Оператор интуитивно указывает на них, запуская алгоритм углубленного поиска. В случае успешной расшифровки становится возможным беседа с разумным существом в режиме реального времени (онлайн). «Искатель-4» уверенно принимает сигналы на расстоянии до 5 парсеков.

Понятно.

Олежек начал прикидывать, как бы половчей «Искатель-4» установить. На трубе имелись кронштейны — с их помощью удалось закрепить прибор на панели управления.

Затем Олежек развернул находящийся посередине квантоскопа сенсорный экранчик по направлению к себе. Прикоснулся пальцем — экран осветился. Пошла загрузка, быстро сме-

нившаяся сообщением о начале работы. И — по экрану поползли кириллические символы: как и ожидалось, в бессмысленной последовательности.

На этом рабочий день — если, конечно, не считать пяти оставшихся банок — можно было считать законченным. В акте о проведенных испытаниях будет записано:

«Прибор „Искатель-4“ испытывался в течение восьми часов. Направление квантоскопии — созвездие Персея. В преобразованных сигналах осмысленных символов не обнаружено, алгоритм углубленного поиска не запускался».

В это мгновение среди ползущей снизу вверх бессмыслицы мелькнуло нечто особенное. Указательный палец — сам собой практически — взметнулся к экранчику и остановил движение. Так и есть. Среди ничего не означающей словесной шелухи красовалось — с восклицательным знаком даже — словосочетание «памогите!». Да еще с грамматической ошибкой, что повышало вероятность неслучайного совпадения.

«Искатель-4» затормозил, ожидая команды на отработку или продолжение бессистемного поиска.

Олежек задумчиво провел ногтем по экрану, выделяя «памогите!», затем тыкнул на «Отработать».

В течение нескольких минут — за которые оператор успел несколько раз приложиться к пиву — прибор подбирал алгоритмы углубленного поиска, после чего выдал, уже без грамматической ошибки:

«Помогите!»

Не веря глазам своим, Олежек набил на виртуальной клавиатуре:

«Кому помочь?»

Ответ последовал незамедлительно:

«Мне».

На секунду Олежек усомнился, не Космыч ли стебается, но подобные шутки были не в характере пятидесятилетнего техника. Послать куда подальше он мог, но разыгрывать подобным способом постеснялся бы... Нет, розыгрыш со стороны напарника выглядел делом невероятным.

Отбросив вариант с розыгрышем, Олежек набрал:

«Кто ты?»

«Я живая».

Теперь не оставалось сомнений: с ним — из немыслимой глубины космического пространства — общается живое существо. Пока за контакт не взялись профессионалы из Института Неземных Цивилизаций, следовало выяснить, что инопланетянин собой представляет. Человек, вышедший на контакт с внеземной цивилизацией, мог рассчитывать на разнообразные предпочтения, и не только финансовые.

Пока Олежек размышлял на приятную тему повышения социального рейтинга, гуманоид задал встречный вопрос:

«А кто ты?»

Олежек затруднился. Он не был уполномочен выступать от имени человечества, но так случилось, что на контакт вышел именно он. Поэтому — на случай, если открытая им цивилизация окажется агрессивной, — решил действовать с оглядкой, предоставив максимально расплывчатую информацию о Земле.

Набрал на виртуальной клавиатуре:

«Мы теплокровные и миролюбивые гуманоиды. Нас около 25 миллиардов. Мы проживаем на одной из планет в системе Млечный путь, но в настоящее время активно исследуем космическое пространство».

«Сколько вас???»

В интонации вопрошающего, подчеркнутой на экранчике тремя вопросительными знаками, послышалось изумление.

«Неужели они удивились тому, что землян слишком мало?» — подумал Олежек.

Он намеренно указал в качестве места обитания человечества Млечный путь, о котором — то есть о его земном названии — гуманоиды не могли иметь представления. Но с численностью населения, по всей видимости, промахнулся. Однако, исправлять оплошность было поздно — пришлось повторить цифру.

«Около 25 миллиардов. А вас сколько?»

«Я одна».

Олежек, хотя сидел пристегнутый в глубоком кресле, пошатнулся.

Кажется, он наткнулся не на космическую расу, как предполагал по умолчанию, а на одушевленную планету. Он слышал о подобном. Самоподдерживающаяся — по сути, вечная — система. Но, насколько ему было известно, ни одна одушевленная планета не была открыта — по крайней мере, до сего момента. Ее обнаружил Олежек. Да он настоящий первооткрыватель — как, впрочем, и изобретатели «Искателя-4», о которых не следовало забывать!

Ставки в игре резко повысились.

Если раньше мелькала мысль, не кликнуть ли Космыча, то теперь такое желание пропало. Разумеется, он позовет напарника — тот продолжал истово погромыхивать железными причиндалами в техническом отсеке и ни о чем не догадывался, — но позовет чуть позже. После того, как сделанное открытие засияет новыми красками.

Олежек торопливо набрал на экранчике:

«Ты знаешь других разумных?»

Ответ поразил в самое сердце:

«Они вокруг».

Не одна одушевленная планета, а несколько? Да где же такое чудо-юдо находится, не более чем в 5 парсеках от орбитальной станции — по современным меркам, поблизости? Согласно техническому описанию, на большем расстоянии уверенный прием сигнала отсутствовал: а сейчас прием был более чем уверенный, Олежек готов был в этом поклясться.

«Такие же как ты?» — спросил он, намекая на другие разумные планеты.

«Нет, все разные».

Ну разумеется, планеты разные! Одушевленная планетарная система, один из представителей которой запросто беседует с землянами.

Рабочий день выдался продолжительным и еще не закончился — можно сказать, только начался. Оставалось молиться, чтобы разумная планета не прервала связь. Впрочем, беседа записывалась, поэтому не могла потеряться ни при каких обстоятельствах.

Олежек откинулся в кресле, дрожащей от волнения рукой ухватил очередную банку и осушил. В боку — проклятая поджелудочная! — закололо, но он не обратил на нудящую боль внимания, потому что на экранчике «Искателя-4» загорелась:

«Помогите! Помогите!»

Прямо-таки инопланетная мольба!

«Что тебе угрожает?» — набрал Олежек.

«Неблагоприятная экология».

Ага, обычное дело. Обычно экологическую катастрофу провоцирует население, а не сами планеты, но много ли человечеству, только-только достигшему иных созвездий, известно о разумных планетарных системах? Возможно, планеты воюют между собой, и самая агрессивная из них устроила другой планете локальный экологический апокалипсис. Не иначе, ввиду политических неурядиц.

Желая уточнить этот момент, Олежек задал вопрос:

«Экология угрожает только тебе или всем, кто рядом?»

«Только мне», — был ответ.

Это подтверждало Олежекову версию. Но, немного погодя на экранчике квантоскопа отпечаталось опровергающее пояснение:

«Но, если я погибну, другие погибнут тоже».

Олежек и этому нисколько не удивился. Понятно же: взаимосвязанная планетарная система. Изъятие одного элемента приведет к обрушению других: небесные тела либо врежутся друг в друга и разлетятся на мелкие осколки, либо сойдут с орбит и устремятся в дальний космос, где превратятся в замороженные куски безжизненной плоти.

«Что конкретно ты понимаешь под экологической катастрофой?»

«Ядовитые приливы. Я не успеваю после них восстанавливаться».

Мыслящей субстанцией на разумной планете была почва! Жидкость, наоборот, имела либо нейтральные, либо отрицательные — ядовитые — характеристики. Но способность восстанавливаться сохраняла надежду на выживание.

Ох, если бы у Олега имелась возможность прекратить катастрофу! Перед землянами он уже отличился, вступив в контакт с одушевленной планетой, — оставалось оказать услугу самой планете. К сожалению, это было выше человеческих сил.

Планетарная цивилизация мучилась в экологических приступах, а Олежек ничего не мог с этим поделать. Лишь напряженно размышлял и отхлебывал пиво. А гибнущая планета — где-то там, в нескольких парсеках по направлению к созвездию Персея — в свою очередь захлебывалась от боли:

«Помогите! Помогите! Помогите!»

В конце концов Олежек содрогнулся от сострадания и решил:

«Пора вызывать напарника. Мужик технически подкованный — может, чего и посоветует».

Обернулся в кресле и крикнул в коридор:

— Космыч! Космыч! Вали быстрее сюда!

А сам набрал на экранчике:

«Держитесь. Мы приступили к консультациям по поводу вашего спасения».

Из технического отсека донеслось:

— Пошел на хер!

Космыч — человек увлеченный и технарь до мозга костей — не любил, когда его отвлекали.

Тогда Олежек — уже на повышенных тонах, долженствующих показать серьезность ситуации, — проорал:

— Это не шутки! Я вступил в контакт с негуманоидной цивилизацией планетарного типа! Она гибнет от ядовитых приливов, нужна консультация.

На это Космыч не мог не клонуть. Однако, когда всплыл в рубку управления, его лицо не выражало удовольствия от услышанного — скорее, наоборот. Напарник явился в рубку управления со словами укоризны и негодования:

— Я предупреждал, чтобы ты херней не занимался.

Олежек жизнерадостно проорал в ответ:

— Какая там херня? Вот, разговариваю с живой планетой.

— С кем? — сощурился Космыч.

— С разумной планетой.

Космыч подплыл к экранчику и, висая над пультом управления вниз головой, быстренько пролистал запечатленную в памяти «Искателя-4» беседу.

— Ну что, убедился? — торжествовал Олежек.

Он вскрыл новую банку пива и принялся отхлебывать. И одушевленная планета, словно почувствовав участие Космыча в своей незавидной судьбе, заверещала от боли — в письменном виде, конечно. По экранчику побежали знакомые уже строки:

«Помогите! Помогите!»

Олежек даже обрадовался этому крику, подумав:

«Очень хорошо, что начался ядовитый прилив. Пусть Космыч убедится, что я его не разыгрываю».

Между тем напарник — видимо, решив перехватить инициативу — набрал на экранчике:

«Сколько будет дважды два?»

Олежека кольнула зависть. Ну почему он не догадался провентилировать вопрос о математических способностях планеты? Теперь поздно. Ничего не остается, как тянуть пиво, наблюдая, как другой вовсю пользуется его промашками.

«Четыре», — ответила гибнущая планета.

Несмотря на правильный ответ, Космыч не стал тестировать планету дальше. Кажется, он лишь хотел ее проверить, и теперь — убедившись в адекватности — усиленно соображал. Через мгновение спикировал вниз, выхватив зажатую между коленей Олежека техническую инструкцию на «Искатель-4». Отлетел к потолку с принялся изучать.

Космыч изучал инструкцию, а по экранчику бежали строки:

«Помогите! Помогите, пожалуйста! Я больше так не могу».

Олежек веско — чтобы сказать что-то неоспоримое — произнес:

— Мы должны помочь! Человечество всего в пяти парсеках. Пару месяцев полета, ерунда какая.

Космыч не обратил внимания на его высокопарные слова, но вперился испытующим взором в «Искатель-4», внезапно просветлел и хлопнул себя по лбу, со словами:

— Кажется, начинаю понимать.

После этого набрал на экранчике:

«Ядовитые приливы продолжаются?»

«Да», — был ответ.

После этого Космыч выхватил банку с пивом из рук Олежека и отбросил в сторону, заодно вырвав из пивного блока две нескрытых банки. Те полетели по воздуху, ударяясь друг о друга и закручиваясь в спираль.

«А теперь?»

«Нет».

«Ядовитый прилив прекратился?»

«Да».

— Идиот! — взревел Космыч, ухватываясь за трубу «Искателя-4», привернутого к панели управления, и обращаясь уже к Олежеку. — Ты ее задом наперед закрепил.

Только сейчас, следуя взглядом за указательным пальцем напарника, Олежек заметил, что на трубе квантоскопа выдавлена стрелка. Очевидно, она указывала направление квантоскопии. Сейчас стрелка устремлялась к животу сидящего в кресле человека — самого Олежека. Таким образом, «Искатель-4» сканировал пространство именно в этом направлении, а не к созвездию Персея, как предполагалось по задумке.

— Но... — раскрыл рот Олежек.

Он хотел спросил, но с кем же тогда — если не с одушевленной планетой — он беседовал? Может, с другой планетой — не менее разумной, но расположенной не в созвездии Персея, а на противоположном краю Галактики?

Космыч опередил его вопрос.

— Я же говорил, все это тестирование ерунда. Пустышка. Ты общался с собственной поджелудочной железой, алкоголик несчастный.

Ребенок Петрова

Впервые он увидел младенца в роддоме, когда забирал Веру. Малыш — тогда еще непомеченный — лежал спеленатым с ног до головы, поэтому ничем не отличался от прочих. Обычный сморщенный новорожденный.

На мгновение почудилось, что Вера смущена. Но мало ли... Может, малыш сотню граммов до нормы недобрал или женские дела какие? Поэтому Петров не придавал значения мимоletному наблюдению.

Как и другому: в течение трех последующих дней жена надевала на малыша чепчик. Правильнее сказать, не снимала — под предлогом, что может надуть в ушки. Молодой отец не протестовал: женщине виднее. Но на четвертый, не вовремя зайдя в комнату, застукал малыша во время переодевания — и опешил. Уши новорожденного были неправильной формы: в верхней части заостренные.

— Что за хрень? — вырвалось у Петрова.

Раньше он такого не видел, хотя младенцев на своем веку повидал достаточно. Раз три или четыре, наверное.

В ответ Вера покраснела и принялась объяснять, что у маленьких все возможно — в смысле, небольшие физиологические и анатомические отклонения, — но позднее здоровье нормализуется. К восемнадцати станет как новенький, вот увидишь.

Петров не стал спорить. Мельком он слышал, что у новорожденных случаются опасные роднички, требующие осторожного обращения. А что это такое, понятия не имел. Наверное, остроухость являлась одной из особенностей детской анатомии. Пускай Вера разбирается, как роженице и положено.

Раздражение утихло, но ненадолго.

Через неделю взглянуть на внука приехала мать Петрова, тогда еще живая, — сразу все просекла и прямо заявила: остроухости у грудных детей не бывает, пусть невестка не болтает почем зря. То есть так она высказала сыну впоследствии, а Вере — на тот момент ласково — посоветовала сходить с ребенком к педиатру. Как будто педиатров в роддоме не хватало, ну в самом деле!

После ухода матери Петров поговорил с расстроенной женой уже на повышенных тонах. В результате младенца повезли к детскому врачу.

Тот, увидев уши новорожденного, удивился и долго рассматривал. Потом задал родителям вопрос: не встречались ли в родне остроухие? Это бы все объяснило. Однако, ни Вера, ни Петров ни о чем таком не слышали.

Тогда детский врач сообщил, что может дать направление в специальный медицинский институт, хотя необходимости в этом не видит. В целом, мальчик здоровый и соответствующий возрастным параметрам, а что касается ушей, это может быть только генетическим отклонением. Скажется ли в дальнейшем? В точности не известно, но можно надеяться, что нет. В конце концов, уши можно обрезать — в смысле, сделать косметическую операцию, — но не сейчас, конечно, а лет через десять или по достижению совершеннолетия. Возможно, к тому времени мальчик обвыкнется и не будет чувствовать себя ущербным. В какой-то мере иметь заостренные уши — это даже не отклонение, а довольно пикантно. Главное, совершенно безвредно. А известно ли вам, что у каждого человека строго индивидуальная форма ушной раковины, в этом отношении подобная отпечаткам пальцев?

От посещения специального института Вера и Петров отказались, настолько хорошо доктор все объяснил.

В доме воцарилось подобие мира. Лишь подобие — потому что Петрова не оставляло подозрение: если в родне ребенка должны быть остроухие, а у Петрова таких отродясь не водилось, кто отец?

Тут был тонкий вопрос, несомненно. Во-первых, остроухие могли найтись в родне Веры — только она знать не знала. С тем же успехом — в его родне. Во-вторых, Петров — сколько ни напрягался — не мог представить, что на протяжении их бурного романа подруга пошаливала на стороне. Да, он слышал, что женщины — воплощенное коварство, но что-то подсказывало: целью в этом случае являлось замужество, в конечном счете легко достигнутое. В-третьих, даже если допустить, что Вера пошаливала, то с кем? Родила она негра — наступила бы абсолютная ясность. А с кем нужно переспать, чтобы родить остроухого ребенка? Петров терялся в догадках.

В конце концов, он устал от бесплодных — не свойственных сварщику — размышлений и порешил: у ребенка редкий генетический дефект, как изначально и определил детский врач. Кому еще верить на этом свете, как не детским врачам?!

Жена, которая во время душевных колебаний Петрова чувствовала себя неуютно, на радостях пошла на уступки и согласилась назвать младенца Василием — в честь мужниного деда, отличившегося при переправе через Вислу. На том порешили.

В течение года все обстояло благополучно, а потом семейная жизнь дала первую трещину. Еще через год обветшала настолько, что Петров начал подумывать о разводе.

А что прикажете делать, если ребенок обзавелся шевелюрой вполне определенной расцветки: блондинистой? Ага, у матери-шатенки и отца-брюнета! Вера утверждала, что цвет волос у детей меняется на протяжении взросления неоднократно, — и мать Петрова, хотя с некоторым сомнением, подтверждала.

Но если бы только цвет волос — еще ведь и остроухость!

В общем, Петров не поверил и высказал предположение, что ребенка подменили в роддоме. На что жена, расплакавшись, сообщила, что такого родила: еще не блондина, но уже с заостренными ушками. И что клянется: до Петрова у нее никого не было.

Они все равно развелись, конечно.

Петров съехал от Веры и снял однокомнатную квартиру — он мог себе это позволить. Но бывшую семью не бросил, регулярно высылая алименты. С белой зарплатой, естественно. Сварщик высокой квалификации и по-белому неплохо зарабатывал, а что касается левых приработков, это его личное дело. Какое отношение к левым деньгам имеет Вера со своим генетически сомнительным отпрыском?

Несмотря на финансовые потери в виде алиментов, жизнь Петрова помаленьку наладилась. Он завел подругу, хотя жениться не спешил. Потом другую, но тоже не женился. Обжегшийся на молоке дует на воду, вы понимаете... В общем, алименты высылал, но с сыном не виделся — по причине того, что морально тяжело. Незачем травмировать ни себя, ни бывшую жену, ни остроухого ребенка.

Если честно, то младенца, испортившего ему жизнь, Петров по-тихому ненавидел. При этом понимал: тот не виноват, — но все равно продолжал ненавидеть... Если разобраться, Петров тоже ничего плохого не делал, не правда ли?

И вот через восемь лет — тогда сыну шел одиннадцатый год — возникла необходимость встретиться с Верой. По ее инициативе: потребовалось подписать срочные документы из ЖЭКа. Бывшая предложила пересечься на стадионе «Метеор». Ребенок занимался стрельбой из лука, там как раз проходили детские соревнования.

Почему нет? — так подумал Петров и согласился. Он в самом деле давненько не видел мальчика. Было любопытно взглянуть: приблизительно так, как пошевелить пальцем больной зуб, давно не дававший о себе знать. А вдруг Василий потемнел и остроухость сошла на нет? В этом случае...

Собственно, Петров никогда не отказывался от ребенка, хотя имел для того достаточно оснований. Регулярно перечислял алименты. Поэтому имел полное право... на что — он пока не решил, но имел же!

И вот они с Верой встретились. На стадионе «Метеор». Сидели рядышком, как в далеком безмятежном прошлом. Народу на трибунах собралось немного: в основном, родители, — а больше детскими соревнованиями по стрельбе из лука никто не интересовался.

На поле с расставленными в ряд мишенями пригласили несовершеннолетних участников.

Петров сразу увидел Василия: не узнать его было невозможно. Перекормленный мальчик с заостренными ушами и пепельными волосами, забранными головной повязкой красного цвета. Такую иногда носят женщины и южноамериканские индейцы.

Соревнования начались. Дети — под присмотром взрослых судей — посылали стрелы в мишени. Как правило, промахивались. Один Василий блистал, на зависть конкурентам и к полному восторгу трибун. Раз за разом посылал стрелы — ну, если не в яблочко, то близко к тому. Стрелял на славу и заслуженно победил.

По окончании соревнований, когда родители разбирали детей, к Петровым подошел тренер. Он находился в самом приподнятом, какое только можно представить для представителя этой малооплачиваемой профессии, настроении.

— Вы родители? — спросил первым делом.

Вопрос выглядел закономерным. Мальчик, неловко переминавшийся рядом с ноги на ногу, столь же мало походил на отца и мать, как корнишон, случайно закатившийся в ящик с помидорами. Впрочем, тренер лишь уточнил, а после подтверждения родительского статуса заговорил о том, какое у их сына блистательное спортивное будущее.

— Я не встречал столь феноменально одаренного ребенка, — добавил напоследок. — Настоящий Вильгельм Телль.

Вера улыбалась. Какой матери не приятно, когда хвалят чадо?!

Тренер еще повосторгался юным дарованием, а потом с видимой неохотой отошел к менее перспективным воспитанникам.

Вера промокнула глаза платком и всхлипнула:

— Познакомься, Васенька, это твой папа.

Петров ощутил укор совести — но ровно до того момента, пока Василий не ответил, с присущей ребенку прямоотой:

— Папа, я очень надеюсь, что стану тебя достоин, пускай не полностью, но хотя бы частично, и продолжу радовать уважаемую публику меткой стрельбой.

Отец, впервые услышавший сына — если, конечно, не считать сопенья в грудном возрасте и неразборчивого бормотания в двухлетнем, — поразился. Для угрюмого десятилетнего мальчишки речь была... Сам Петров, в бытность десятилетним пацаном, общался иначе. Более приземленно, что ли. И тем более не понял, что имелось в виду под «стану тебя достоин». Мечтает о профессии сварщика?

Нет, Василий точно не его сын.

В итоге Петров сунул конверт с деньгами — именно ребенку, пусть знает, кто на самом деле его содержит, — и ретировался.

Встреча с подростком оставила на душе тяжкий осадок. Но еще больший — фильм, вышедший несколько месяцев спустя. Этим фильмом был прогремевший в мировом прокате «Властелин колец».

Сама лента показалась прикольной. Но дело не в фильме, а в Орландо Блуме — актере, исполнявшем роль эльфа. Если не считать округлости щек, Василий очень походил на него лицом: просто один в один. А если добавить остроухость — которая, как теперь выяснилось, присуща всей эльфийской расе, — тут бы не только сварщик призадумался.

И лук — еще боевой лук, с которым, в его спортивном варианте, юный Василий управлялся не хуже!

Первым порывом Петрова было: вот с кем Вера согрешила! Однако, пораскинув мозгами, он откинул обидную мысль.

Во-первых, по сведениям из интернета, Орlando Блум не посещал России. И Вера за границу не выезжала — тут Петров был уверен на сто процентов. Во-вторых, актер оказался не блондином, а брюнетом: он перекрасился для съемок — или носил парик, что было уже несущественно. И имел не заостренные, а вполне себе обыкновенные человеческие уши — в спешке Петров упустил из виду. По всему выходило, Орlando Блум ни при чем. Вот если бы эльф Леголас не был мифическим существом — тогда, да: имелись основания строить предположения.

Наверное, Петров просто перенервничал. С другой стороны, он не знал другого мужика, на которого столь подозрительно походил Василий.

В результате Петров начал беспокойно спать. Чаще всего снилось, как эльф — неясно, каким чудесным образом, — проникает в нашу реальность и охмуряет Веру: убалтывает наглыми рассказами о Средиземье, потом овладевает. И это в период, когда сварщик, полагая девушку невинной, честно за ней ухаживал!

Петров просыпался, задыхаясь от обиды. Осознавал, что Средиземье — выдуманный мир, и на мгновение успокаивался. Но уже в следующее мгновение, припоминая острые уши Василия, отросшие вовсе не в параллельной реальности, скрипел зубами и изнемогал.

Нет, дальше так продолжаться не могло.

Прежде всего, Петров испугался записать, что с людьми его профессии случается. Профессиональное заболевание практически. Также не исключал опасность приобрести на почве «Властелина колец» психические отклонения. Весь мир сходил по голливудскому блокбастеру с ума, но Петров не желал. Он лишь хотел выяснить, чей Василий сын, — пускай правда окажется самой невероятной и унижительной.

В конце концов решился поговорить с Верой — то есть не просто поговорить, а кинуть ей в лицо обвинение, что она переспала с Леголасом. Петров считал, что изучил Веру достаточно для того, чтобы понять, когда она засмущается. Смущение следовало считать доказательством измены.

Набравшись решимости, Петров созвонился с бывшей и сказал, что хотел бы потолковать с Василием. Он же отец! Если мальчик будет не против, возможен вариант с папой по выходным — по крайней мере, раз в месяц. Или в полгода.

Вера не возражала. Договорились, что Петров к ней заедет — там и обсудят детали.

Он с горечью осознал, какой золотой женой могла стать бывшая. Идеальной. Особую горечь предстоящему разговору придавало то, что Петров разосрался с подругами и не испытывал желания еще раз попробовать. А с Верой — вполне возможно... если бы она не родила остроухого генетического блондина.

И вот — в назначенный день — Петров позвонил в дверь знакомой квартиры.

Открыла Вера, сразу разглядев и оценив настрой бывшего мужа, которого тоже хорошо изучила за пару совместно прожитых лет.

Но Петрова, грезившего наяву, было не остановить. Перед сварщиком витали живописные картины: как тогда еще незамужняя — с задранной кверху юбкой — Вера блаженно постанывает, а пристроившийся сзади Леголас сопит и хихикает. Не иначе, представляет, как через десять быстротекущих лет дурачина Петров замучается с определением отцовства.

И Петров шагнул за порог и открыл рот, чтобы высказать наболевшее по поводу того, чей остроухий Василий на самом деле сын. А растерявшаяся Вера ойкнула и отступила...

Революционно-космический паропанк

*По низколесью садит
Осенний хлесткий дождь.
А я сижу в засаде —
Врешь, контра, не уйдешь.
Б. Пастернак*

Семен — на рысях, потому что задание было срочным, — въехал в усадьбу с двумя товарищами: матросиком Лехой и еще одним красноармейцем. Случившиеся поблизости приказчик и девка в сарафане пораскрывали рты, да так и остались стоять столбами.

Спешившись, красноармейцы направились напрямик к парадному входу. Быстро прошлепали по мраморным ступеням и хотели уже зайти, как навстречу из тяжелых дверей вышел и преградил дорогу престарелый дворецкий.

— Вы к Ликсандру Игнатьичу? Как прикажете доложить?

Семен отстранил его властным движением — словно старик и не возникал на пути:

— Да никак. Сами доложимся.

Дворецкий задохнулся от обиды и задрожал губами, но незваные гости, никого не спрашивая, уже поднимались по мраморным ступеням на второй этаж, где располагались барские апартаменты.

Пришельцам повезло: они застали барское семейство за утренним чаепитием.

Во главе длинного обеденного стола сидел барин: румяный человек, с тщательно подобранными щеками и моноклем в глазу. По левую руку от него находилась дама, а по правую — миловидная девушка, вероятно, их дочка. Все они были одеты по-домашнему: в халаты или простые утренние платья. Еще в столовой находился прислуживавший за столом человек, но при виде вошедших он очень быстро исчез, словно испарился, поэтому в дальнейших событиях участия не принимал.

При виде вошедших все несказанно удивились: в частности, барин застыл с поднесенной к губам тарталеткой.

— Радонежский Александр Игнатьевич? — утвердительно промолвил Семен, не задерживаясь на пороге, а проходя к обеденному столу.

От такого вопроса барин, не успевший проглотить тарталетку, невольно поежился.

— Д-да... Извините, но чем обязан?

Семен сунул руку за пазуху и извлек оттуда помятую бумагу.

— Уполномоченный по уезду Семен Редискин. Приказом товарища Троцкого, Председателя Петросовета, ваша усадьба конфискована, а сами вы, вместе с семейством, препровождаетесь в Питер по железной дороге. А до восстановления железнодорожного сообщения временно задержаны.

— Как вы сказали? Редискин? — внезапно охрипнув, спросил барин.

— Уполномоченный по уезду.

— Саша! — испуганно и в то же время вопросительно вскрикнула супруга.

— То есть мы арестованы? — уточнил барин.

Румянец начал понемногу сходить с его лощеного лица.

— Задержаны до отправки в Питер.

Но барин, несмотря на промелькнувший на лице испуг, оказался настойчивым.

— Что значит задержаны, позвольте спросить?

Румянец снова возвратился на его щеки, только какой-то нездоровый, больше напоминающий апоплексический.

— Это значит, — уверенно отвечал Семен, — что вы не сможете выехать отсюда без согласия трудящегося народа. Мой боец останется в усадьбе — проследить, чтобы не вздумали сбежать. На следующей неделе должны пустить поезд — отправлю вас с сопровождающими. Приказано доставить живыми и невредимыми.

— Саша! — снова вскрикнула барыня, уже с более визгливой интонацией.

— Ничего, дорогая, ничего, — пробормотал Радонежский в утешение супруги, затем обратился к уполномоченному. — Только где же мне оставаться, если имение, по вашим словам, конфисковано?

Семен не успел ответить, потому что в разговор вмешался стоящий за спиной Леха.

— А ты как думал, дядя?! — радостно спросил он. — Мировая революция — это не мятные калачи жевать, это мировая революция, понимаешь. Пограбили, и будя — теперь все народное! Имение твое забираем в возмещение ущерба, за двести лет незаконной эксплуатации. И остальное заберем, что чужим горбом нажил. А баб обобществим ради пользы общественного дела. Пускай пролетарских детей рожают, а не каких-нибудь изнеженных эксплуататоров.

При этих словах пожилая барыня охнула и не нашлась с ответом, как бы задохнувшись от оскорбления, а молоденькая барынька покраснела и стыдливо опустила подведенные глазки.

Матросик еще много чего бы наговорил в классовом упоении, но Семен — человек более опытный и выдержанный — его одернул:

— Отставить! Революционная дисциплина.

При упоминании революционной дисциплины Леха сник, отступил за широкую начальственную спину в черной кожанке и пробормотал:

— Хорошо, дядя Сень.

Они были знакомы всего неделю — с момента назначения Семена в уезд, — но Леха уже называл начальника дядей, из уважения к его почтенному тридцатилетнему возрасту, и должности, конечно.

Семен задумался, над тем, где лучше содержать семейство Радонежских. Распоряжений на этот счет не поступало: ни из уезда, ни от Петросовета. С одной стороны, можно оставить в основном здании, но достойны ли эксплуататорские классы такой милости?

— Другие жилые здания, поскромнее, в усадьбе найдутся?

— Найдутся, — почему-то сверкнув глазами, произнес барин. — Летний домик, к примеру. Вы можете наблюдать его из окна. Мы с семьей заберем личные вещи, с вашего позволения. А центральное здание конфискованной усадьбы передаю товарищу Троцкому и возглавляемому им Петросовету, под их личную ответственность.

Семен выглянул в просторное, чисто вымытое окно. Летний домик — вдесятеро меньше основного здания — находился на территории усадьбы, причем на значительном удалении от ограды. Его расположение не могло создать серьезных проблем для охранника.

— Не возражаю. До отправки в Питер будете проживать там.

Пожилая барыня заерзала на стуле и в который раз, с покрасневшим лицом, обратилась к мужу:

— Саша! Но ведь в летнем доме неудобно, он такой маленький. Не лучше ли нам...

Барин вспыхнул лицом и хотел уже что-то сказать — явно резкое, — но его опередила дочурка. Она вскочила со стула, обняла мать за плечи и затараторила:

— Мапочка, ничего страшного! Мы прекрасно устроимся в летнем домике, там очень мило. Идем посмотрим. Ну же, мамочка...

— Хорошо, Лизанька, если ты настаиваешь... — только и смогла выговорить расстроенная мать. — Хотя мы собирались...

— Мамоchка! — протестующе крикнула девушка.

Семен обернулся к намеченному для охраны красноармейцу и утвердительно бросил:

— Пусть переезжают. С собой — только личные вещи: три-четыре саквояжа, не больше. За охраняемых отвечаешь головой. На следующей неделе восстановят железнодорожное сообщение, полагаю. Если не восстановят, пришлю смену. Не пьянствовать.

С этими словами Семен и Леха покинул барскую столовую. Красноармеец, с красным бантом на груди, остался — охранять.

Будучи человеком недоверчивым и основательным, Семен не сразу покинул усадьбу, а поначалу направился в летний домик, который тщательно осмотрел и, не обнаружив ничего запрещенного, сам себе удовлетворенно кивнул. Затем прогулялся по периметру усадьбы, то есть вдоль богатой литой ограды — вероятно, гордости не одного поколения Радонежских, — после чего счел задачу выполненной.

Все это время Леха неотступно за ним следовал.

Когда Семен с Лехой сажались на коней, то увидели, как оставленный красноармеец сопровождает переезжающую на меньшую жилплощадь семейку: барина, его жену и дочь, одетых уже как полагается — на выход. Несколько шедших следом дворовых несли дорожные чемоданы с личными вещами. Красноармеец к чемоданам равнодушно не притрагивался, а держался сбоку процессии.

Запрыгнув в седло, Семен еще раз оглядел усадьбу. В окнах нижнего этажа — там, где находились подсобные помещения, — мелькали лица любопытствующих девок.

Удовлетворившись видом, Семен приложил руку к нагрудному карману, в котором хранил приказ Председателя Петросовета товарища Троцкого, и пустил лошадь в галоп. Матросик последовал за начальником.

Когда конники удалились от усадьбы версты на две или две с половиной, за спинами что-то громыхнуло: не то гром небесный, не то рукотворное.

Семен, с неприятным ощущением под ложечкой, оглянулся — как раз вовремя, чтобы оценить происходящее. Несмотря на то, что, по обычаю, усадьба располагалась на пригорочке, летний домик — построенный со стороны отъезжавших — виднелся как на ладони. Поэтому Семен прекрасно разглядел, как с домика сорвало и подбросило кверху — можно сказать, отстрелило — черепитчатую крышу. Изнутри вырвались клубы черного дыма, затем наружу вылезло нечто округлое и серебристое.

— Твою ж мать! — выматерился Леха.

Семен не матерился, хотя уже понял. Сжав до синевы губы, молча наблюдал, как из расположенной под летним домиком шахты выползает небольшая, не более чем пятиместная, ракета и тяжело устремляется в небеса.

Ракеты была обычной, какими пользуются по хозяйственным надобностям помещики средней руки, и если Семен облажался, то только по той причине, что пусковая шахта была хорошо — с прицелом на будущее — замаскирована. Такого в барских усадьбах на его памяти не водилось.

— Дядя Сень! Дядя Сень! Да что ж такое делается?! Упустим же!

Понимая, что не «упустим же», а уже упустили, Семен вытащил из деревянной кобуры маузер и прицелился в уходящий в поднебесье аппарат. Стрелять не стал, разумеется — к чему попусту переводить патроны? — а вернул оружие в кобуру и скомандовал:

— За мной! Не отставать!

И поскакал по пыльной дороге, не оборачиваясь.

Светят с неба три звездочки яркие,

*Навевают унынье и грусть.
Я сегодня гуляю с дояркою —
Завтра я с трактористкой пройдусь.
С. Есенин*

Ракета у Семена отсутствовала. В городе — уездном Совете — аппарат имелся, но устаревший и вряд ли исправный. Им практически не пользовались. Однако, зная прижимистый мужицкий характер, уполномоченный не сомневался: порыскать по крестьянским амбарам — и ракета отыщется, нужно лишь постараться. Поэтому, не раздумывая, поскакал в ближайшую деревню.

Семен скакал по пыльной дороге, яростно нахлестывая коня и не оборачиваясь. Леха, как мог, поспешал следом.

Хворобино открылось через полчаса: сонная деревушка с облупившейся церковкой. Народа не видно: горбятятся на покосе, наверное, или от вековой крестьянской безнадёги подались на промыслы.

Конные въехали в деревню и проскакали до церковной площади. Никого — только возящийся в пыли ребенок. А ракета с Радонежскими в этот момент удаляется от Земли, а может, запутывая следы, перемещается в другую географическую точку. Где ее теперь искать — на Венере или в колумбийских джунглях, кто подскажет?! Тем не менее найти необходимо, ведь приказ дан самим товарищем Троцким, председателем Петросовета.

Рядом крутил головой Леха, в попытке сообразить, где может быть спрятана ракета. В овинах, что ли, пошарить?

— Лезь на церковь, — распорядился Семен. — Звони в колокола, собирай народ на революционную сходку.

— Это мы мигом, дядя Сень.

Леха соскочил с коня и припустил к церкви, только ленточки удалой бескозырки затрепетали по ветру.

Через несколько минут благолепную деревенскую тишину спугнули раскатистые колокольные звуки.

Понимая, что сейчас начнется, Семен прижался спиной к церковной стене, расстегнул маузерную кобуру. Рядом занял позицию спустившийся с колокольни Леха, решительный и воодушевленный.

Разбуженный колокольным призывом, начал собираться народ. Многие заявили с вилами — с покоса же, да и мало ли как обернется?! От хорошей жизни бить в колокола в неурочное время не начнут. Видя, что чужих всего двое, но с красными бантами и оружием, мужики окончательно помрачнели. Однако, молчали: ждали, когда подойдут остальные и, главное, что пришлое объявят. В толпе мелькали и бабы: простоволосые, с загорелыми шеями и обветренными лодыжками.

Народ собрался, и Семен вскинул упрямый подбородок.

— Мужики и бабы! Вам известно, что в Питере революция. Теперь по всей России устанавливаем Советскую власть — вашу, исконную. Но враг не уничтожен: он огрызается, как раненый зверь, и норовит ухватить за горло, а когда не может, пускается на подлости. Только что, согласно приказу товарища Троцкого, мы с товарищами задержали барина с семейством.

При упоминании Радонежских мужицкие ряды колыхнулись.

— Но белогвардейские выродки нас обхитрили, — продолжал Семен с истинно пролетарской искренностью. — Улетели на домашней ракете, такая промашка получилась, извините покорно. Надо бы отправиться вдогонку, но пока до уезда доберемся, пока аппарат отремонтируем, время потеряем. Улетит барин с семейством — как есть, улетит. Поэтому, мужики, у меня — то есть у Советской власти, которую я нынче представляю, — нижайшая просьба.

Одолжите Советской власти летательный аппарат, коли не жалко. Взамен выдам официальную расписку, честь по чести. Вы же желаете, чтобы я Радонежских догнал?

Толпа проигнорировала последнюю фразу, зато предложение о выдаче ракеты вызвало бурю возмущения. Раздались одиночные возгласы:

— Какая ракета?!

— Откуда она в Хворобине?!

— Нетути!

Кричавшие вытягивали в направлении пришлых руки, в которых сверкали наточенными остриями вилы, серпы и топоры. Видя такое и приготавливаясь к любым неожиданностям, Семен как бы ненароком положил правую ладонь на кобуру и призывно крикнул в толпу:

— А если поискать? Советская власть для вас же старается, а вы к ней задницей оборачиваетесь?!

Его призыв не нашел ответа — крестьяне еще больше озлобились. Один из парней — в порванной рубаше и с застарелым фингалом под глазом — выбежал вперед и, уже недвусмысленно, наставил на красногвардейцев вилы.

— Ступайте отсюда, покамест целы.

— Отдайте ракету, добром прошу. Советская власть очень в ней нуждается.

— Нету!

Церковная площадь как-то внезапно опустела. Красногвардейцы остались на ней в совершенном одиночестве, и даже ребенок не копался в пыли, как до собранной сходки. То ли мать забрала, то ли сам наигрался и уполз в хату.

— Поехали, Леха.

— Как же без ракеты, дядя Сень?..

— А что с ними, несознательными, сделаешь? Не ставить же к стенке?! Мы ради него, трудящегося народа, и воюем.

Тронулись в обратный путь. Семен с печалью думал о том, как придется возвращаться в город. Нет, не ответственности перед старшими товарищами по партии боялся уездный уполномоченный — из-за того сильно досадовал, что не смог выполнить приказа товарища Троцкого.

У околицы из-за плетня послышался детский голосок:

— Дяденьки! Дяденьки, остановитесь, пожалуйста. У меня до вас важное дело.

— А ну, Леха, тормозни.

Всадники остановились, сделав вид, что поправляют подпруги.

— Что за дело? — спросил Семен в сторону говорящего плетня.

Голосок сообщил:

— Вы же искали ракету, дяденьки? Она в кузне. То есть ракета в пусковой шахте, а вход в шахту из кузни. Дерюжку-то в углу отодвиньте и увидите...

Над плетнем приподнялась русая головенка.

Семен улыбнулся неиссякаемому детскому любопытству и произнес:

— Тикай, паренек, до дому, пока родичи не спохватились. А за подсказку спасибо.

Красноармейцы развернули лошадей и поскакали на деревенскую кузню, совсем в другом настроении. Теперь, когда забрезжила надежда, Семен пребывал в абсолютной уверенности, что догонит и вернет Радонежских в имение, тем самым исполнит распоряжение председателя Петросовета товарища Троцкого.

Кузня располагалась на другом краю деревни, у оврага.

Семен с Лехой доскакали и у самых ворот лихо осадили. Вошли, ведя лошадей, спокойные, но готовые к сопротивлению — с оружием наготове. Вряд ли в кузне обрадуются пришедшим, особенно если там находится вход в пусковую шахту. При виде красноармейцев кузнец должен был волей-неволей насторожиться.

Так оно и случилось.

Едва красногвардейцы приблизились к порогу, из кузни показался человек непомерного обхвата в плечах, с толстыми, как корабельные узлы, кулаками. В одном из кулаков он зажимал рукоять неподъемного на вид молота.

— Чего надо? — мрачно проговорил хворобинский кузнец.

Молот в его руке легко, словно пушинка на ветру, покачивался.

— Коней перековать, — беззаботно, насколько мог, улыбнулся Семен.

Он рассудил: коли ракета обнаружится, то кони уже не понадобятся, а коли не обнаружится, то и волноваться не о чем — перековать никогда не помешает.

Кузнец с подозрением глянул на красные революционные банты и Лехину тельняшку, но натура пересилила: тут же прошел к лошадям и принялся их осматривать.

Семен подал знак Лехе: не суетись, мол, придет время и начнем действовать, — и уселся на случившийся поблизости березовый пенек. Матросик предпочел ожидать на приличном удалении от кузнеца, с винтарем на плече.

Кузнец занялся лошадьми и рассредоточил внимание, чем не замедлил воспользоваться Семен. Как бы нехотя поднялся с пенька и потянулся, разминая кости, затем начал прогуливаться взад-вперед. Улучив момент, когда хозяин расковывал вторую лошадь, моргнул Лехе, и красногвардейцы проникли в кузню.

Дерюжку, о которой толковал пионер, увидели сразу: в углу, вроде небрежно кинутая, но тщательно по краям подоткнутая и, главное, плотная. С чего бы такую хорошую дерюжку кидать в угол? Подозрительно это: опытного человека наводит на размышления.

Семен сорвал дерюжку, под которой и в самом деле оголился металлический люк.

В этот момент кузнец, увидевший, что пусковая шахта обнаружена, издал громоподобный рык. Молот в его руках поднялся в замахе и если не полетел в сторону красногвардейцев, то исключительно по той причине, что в грудь кузнеца уставились дула не менее страшных, но куда более скорострельных винтаря и маузера.

— Лезь, я прикрою, — бросил Семен.

Леха откинул толстую свинцовую крышку и полез внутрь.

Убедившись, что с матросиком порядок, Семен прицелился. Застывший на месте кузнец в ответ оскалился, но на мгновение дрогнул. Этого мгновения Семену хватило для того, чтобы произвести выстрел над головой кузнеца, затем занырнуть в металлический колодец и наглухо задраить за собой крышку люка.

Сейчас же снаружи послышалась ругань и страшные удары кузнецким молотом. Но красноармейцы уже спускались по деревянным ступеням в ракетную шахту.

Хворобинские мужики строили основательно, но за годы царизма изрядно обнищали — только этим можно объяснить отсутствие столь необходимого в пусковой шахте ремонта. Дубовые ступени частично прогнили, а металлические поручни проржавели. Видя такое, Семен покачал головой, но пути назад не предвиделось: догнать улизнувших Радонежских мыслимо только на ракете. А вот и она, кстати! Некрашенная и выглядит незамысловато — крестьянская поделка все-таки. Дырок в корпусе не заметно, люк открыт — значит, вскрывать не придется. На борту надпись белой краской: «Градъ» — наверное, для маскировки. Чтобы при встрече с худым человеком задурить голову.

«Куда они на этой колыхаге летали? — подумалось Семену. — Колымить в соседний уезд или в Бразилию за контрабандными бананами? А, какая разница?!»

Однако, следовало поторопиться. Сверху раздавались непрекращающиеся удары молота о свинцовую крышку. Было ясно, долго она не выдержит: силушкой местного кузнеца Бог не обделил.

Красноармейцы заскочили в ракетный люк и завернули его на болты.

— Леха, ты разводи пары, — на ходу скомандовал Семен, — а я в рубку.

Рубка находилась в верхней части ракеты, и Семен кинулся наверх по металлическим ступеням — по счастью, не таким проржавевшим, как в шахте, — тогда как Леха рванул в нижние отсеки, где располагалась котельная.

Семену и раньше доводилось управлять ракетами, в том числе старинными — еще петровских времен, — поэтому он ни секунды не сомневался. Движения его были скупы и отмерены. Первым делом поставить котел на разогрев, затем проверить аппаратуру. Та, слава Карлу Марксу, функционировала — даже на той малой тяге, которую давали паровые аккумуляторы.

Оставалось поднять крышку пусковой шахты. Но с этим возникли проблемы: рычаг переключения отсутствовал. Неужели он находится в шахте? Почему Семен не подумал об этом раньше?

Сверху раздался грохот, напоминающий сход горной лавины — это под ударами кузнечного молота отвалился и запрыгал по ступеням сорванный с петель свинцовый люк. И сейчас же по дубовым ступеням загрохотали тяжелые шаги.

— Поддай пару, Леха! Взлетаем! — только и успел крикнуть Семен.

Оставаться в шахте было нельзя, разумеется. Если спустившийся кузнец и пощадит ракету — не станет ее разламывать на части, — то разделается с красноармейцами, когда они выйдут, проголодавшись. Поэтому таран шахтовой крышки представлялся разумным вариантом — хотя рискованным, конечно. Но Семен столько в своей многотрудной жизни рисковал, что не склонен был обращать на новую перипетию внимания.

Он до отказа выжал стартовую педаль, ощущая, как пол под ногами заходил ходуном, а перегородки задрожали. После чего поддал парку. Ракету повело вверх, в результате чего тело ощутимо вдавило в табуретку.

Ракета «Градъ» взлетела, и сейчас же находящиеся внутри ощутили два толчка: сверху и снизу. Удар сверху означал, что ракета ткнулась заостренным носом в крышку пусковой шахты. Вероятно, крышка была деревянной — скорее всего, замаскированной под колодец, — поэтому ракета попросту расщепила и ее отбросила со своего пути. А удар снизу, сопровождаемый яростным воплем, объяснялся тем, что хворобинский кузнец запустил в набирающий высоту аппарат кузнечным молотом.

То ли набранная высота, то ли возрастающее ускорение сыграли спасительную роль, но метателю не удалось поразить ракету. Вскоре она зависла над Хворобинным, и красноармейцы имели возможность наблюдать, как находящиеся далеко внизу крошечные фигурки бегают между заборов и смешно грозят кулаками.

— Куда летим, дядя Сень? — спросил Леха.

Это был вопрос, требующий осмысления. Серебристая ракета скрылась из виду около трех часов назад и за это время могла преодолеть значительное расстояние. Где ее теперь искать?

Чутким пролетарским нутром Семен предвидел, куда Радонежские могли скрыться. Вряд ли на Землю — мировая революция на носу, долго не побегаешь. Значит, в открытый космос: там, где легко затеряться в россыпи неисчислимых небесных тел, следовало искать беглых хворобинских помещиков. Потому, нимало не раздумывая, Семен определил:

— Сначала на орбиту. Поддай пару!

Он установил автопилот и, на ходу стаскивая гимнастерку, спустился в котельную, где присоединился к Лехе, закидывающему лопаты угля в топку. Несмотря на возраст, «Градъ» был оборудован системой искусственной гравитации, поэтому проблем с невесомостью не возникало. Мелькали полотна лопат, лоснились от пота мускулистые тела, на которых оседала черная угольная пыль, ревели в топке яростное революционное пламя.

Сотрясаясь от сдерживаемой мощи, «Градъ» прибавил ходу и вскоре вышел на стационарную орбиту.

Перед красноармейцами открылся незабываемый вид: вогнутая земная чаша, с океанами, горами, пустынями и застилающими все это великолепие облаками. Солнечная сторона Земли бликовала, зато на ночной стороне четко проступали освещенные электричеством города. В основном, конечно, буржуазные, европейские.

«Ничего, пускай пока с жиру побесятся, — думал Семен. — Скоро и мы, при помощи электрификации, выйдем из вековой тьмы. Вот с беляками покончим — и обязательно выйдем».

— Дядя Сень, а теперь что? Куда лететь-то?

Семен знал. На красноармейское счастье, скорость космического ветра в этот летний полдень была невысока, не больше балла. Дымные следы от взлетевших с Земли ракет надолго сохранялись в космическом пространстве, медленно дрейфуя по течению. По этим следам — если, конечно, быть уверенным в том, что след оставила нужная ракета — прекрасно отслеживалось направление. Семен предполагал, что испуганные и торопящиеся скрыться Радонежские не станут путать следы, а сразу устремятся к выбранному месту назначения. Вот, совсем недалеко от места выхода «Града» из стратосферы тянется и удаляется от Земли дымная полоса. Ракета пролетела недавно — наверное, та самая, серебристая, на которой удрали Радонежские. Выбирать в любом случае не приходилось.

Семен указал на дымный шлейф в иллюминаторе.

— Следуем по этому курсу. Поддерживай давление.

— Так точно, дядя Сень!

Матросик, с бесшабашностью молодости, вновь взялся за лопату и принялся закидывать уголь в бушующую ракетную топку.

*На Вятку,
Рязань,
на Выборг,
революционный
шагает
киборг!
В. Маяковский*

Поначалу Семен решил, что беглые помещики попытаются скрыться на Луне, но, когда ее испещренная кратерами желтая поверхность осталась за спиной, понял, что ошибся. По всему выходило, Радонежские направляются на Марс. Во всяком случае, дымный шлейф из ракетной топки указывал это направление.

И вскоре — когда крохотная серебристая точка на звездном небе стала видна — получил тому подтверждение. Это были Радонежские, и они направлялись на Марс.

— Придется тебе лечь в анабиозную ванну, Леха, — произнес Семен раздумчиво.

— Зачем, дядя Сень?

Голос матросика отчего-то дрогнул.

— Затем, что знаешь, сколько до Маркса лететь? И на сколько у нас воздуха хватит? Ты что, никогда не слышал, как до Марса летают?

Путь до Марса занимал несколько месяцев, воздуха на такой период катастрофически не доставало — даже для одного члена экипажа. Поэтому на ракете, следующей на красную планету, включался автопилот, а экипаж отправлялся в анабиозные ванны — так называемые морозилки. Разморозка экипажа наступала автоматически, на орбите Марса.

— А если контрики выйдут из анабиоза и поменяют курс? А, дядя Сень?

Лехины опасения были разумны. Дабы запутать следы, барин мог имитировать направление на Марс, но в заморозку не лечь, затем резко сменить курс, возвратившись на Землю или ту же Луну. В этом случае преследователи, вышедшие из состояния анабиоза на орбите Марса, обнаружили бы, что их бессовестно надули.

— Не поменяют, — уверил Семен. — А если поменяют, поменяем и мы.

— Но как же...

— Я останусь за пилота.

— Но ведь...

Принятое Семеном решение означало, что до Марса воздуха не хватит, поэтому Лехино недоумение выглядело более чем закономерно.

— Я умею задерживать дыхание, — сообщил Семен. — В германскую был ранен в легкое, его ампутировали. У тебя два легких, а у меня одно — теперь понял?

Матросик понял. Однако, что-то иное — помимо беспокойства за начальника — угнетало его. Парень мялся и чуть не бледнел.

— Эй, моряк, скидывай шмотки и залезай в морозильню. Сейчас запущу агрегат, — прикрикнул Семен. —

— Да я... — начал Леха.

— Ты что, заморозки боишься?

— Угу, — смутился Леха.

— Это потому что никакой ты не матрос, — буркнул Семен.

Он давно этот факт подметил. Никак его младший товарищ не тянул на матроса, не только вследствие молодости, но и специфических моряцких ухваток, которых у Лехи явно не доставало. Что Семен, революционных матросов в госпитале не повидал, что ли?! Зато сознательностью и пролетарской хваткой парень не обделен, поэтому Семен прощал ему мелкую ложь, как теперь простил и юношескую трусость.

Липовый матросик покраснел.

— Откуда узнали, дядя Сень?

— Оттуда.

— Я форму у старшего брата умыкнул, — прошептал Леха. — Чтобы, значит, на службу революционному делу скорее приняли. У брата второй комплект, ему без надобности. Понимаете, дядя Сень...

— Хватит болтать. Быстро в морозильню, пока воздух не закончился!

— Может, я ракету поведу, а вы в морозильню? Я, знаете, как дыхание задерживать умею?!

— Живо!

Они прошли в морозильню — которой, на их счастье, «Градъ» был оборудован. Хворобинские мужики внутренними полетами не ограничивались, а выбирались в открытый космос. Или оборудовали морозилку на случай крайней надобности.

Липовый матросик принялся скидывать с себя ворованное обмундирование и вскоре остался нагишом.

— Не паникуй! — приказал Семен. — Залезай в ванну и ложись.

Леха залез в ванну и принял горизонтальное положение, тогда как Семен вскрыл стоящий в помещении холодильник и принялся ведрами вычерпывать из него ледяные кубики, заполняя ими ванну. Вскоре обнаженное и покрывшееся пупырышками Лехино тело оказалось завалено льдом.

После этого Семен заполнил оставшееся пространство водой из шланга. Когда уровень воды дошел до лица, успокоил:

— Не бойся, Леха, все будет хорошо. Мировая революция победит.

После чего включил двигатель на полную заморозку. Вода немедленно подернулась первым ледком, принявшимся развиваться в глубину. Леха и силился что-то ответить, да не мог разжать скованные льдом челюсти.

Когда все закончилось — матросик замер в заполненной прозрачным льдом ванне, лишь ворованные шмотки остались небрежно сваленными на полу, — Семен бережно затворил дверь анабиозной камеры и проследовал в рубку управления. Там, судя по доносившимся звукам, надрывался зуммер связи.

Так оно и было. Когда Семен надавил пальцем на зеленую кнопку ответа, из раструба раздался раздраженный голос:

— Зачем вы преследуете меня?

Семен и не сомневался в том, кто это мог быть: Александр Игнатьевич Радонежский, собственной персоной. Серебристая точка заметно приблизилась: только от нее — и ниоткуда больше — мог поступать сигнал.

— Затем преследую, что таков приказ председателя Петросовета товарища Троцкого, — твердо ответствовал уездный уполномоченный.

— Вы не понимаете... — прохрипел раструб.

— Что именно? Что вы должны лечь в заморозку, иначе у вас закончится воздух и вы не долетите до Марса? Прекрасно понимаю, именно поэтому и преследую.

— Считаете, у вас не закончится?!

— Расходуется понемногу. Но мы, пролетарии, люди бережливые — не то что бары. Вдыхаем помаленьку и почти весь выдыхаем. Нечему расходовать.

— Свинья, — выдохнули на том конце связи.

Семен достал из кобуры маузер и принялся протирать его масляной тряпочкой, специально припасенной для этой цели.

— Ругайтесь, не ругайтесь, а до вашей ракеты немного остается: несколько часов, наверное. Скорость-то у меня поболе. А вам, Александр Игнатьевич, в заморозку пора. Если не ляжете, воздуха совсем не останется — верно я говорю? Поэтому ложитесь в анабиозную ванну спокойно. Когда проснетесь, очутитесь уже на Земле, в своей бывшей усадьбе. А там, если Карл Маркс сподобит, и железнодорожное сообщение с Питером восстановим. И отправитесь вы, Александр Игнатьевич, в распоряжение Петросовета, согласно приказу товарища Троцкого.

Говоря это, Семен чувствовал, что в барской ракете мало воздуха. Женщины давно в заморозке, вестимо, а барин не лег, потому что заметил преследование и решил отследить обстановку. Не тут-то был — Семен не таких контрреволюционеров обламывал! Сейчас Радонежский в душевном раздразе. Знает, помещичья шельма: ляжет в заморозку — Семен вскоре нагонит, состыкует летательные аппараты, и барское семейство окажется в его власти. А не ляжет, попытается оторваться от преследования — один хрен: воздух закончится, тогда погибнут все, в том числе замороженные. Или после автоматического размораживания окажутся в безвоздушном пространстве.

На том конце связи происходила напряженная душевная борьба. Затем голос Александра Игнатьевича Радонежского выплюнул:

— Я не должен был вам этого говорить, но вынужден, так как нахожусь в безвыходной ситуации.

— Внимательно слушаю, — улыбнулся Семен.

Закончив с чисткой маузера и вернув его в кобуру, он любовался на приближающуюся серебристую точку в иллюминатор. Ракета, оставляя за собой тянущийся дымный след, увеличивалась на глазах. Еще несколько дней, максимум неделя, и «Градъ» ее нагонит. Тогда-то и потолкуем по-настоящему, белогвардейская гнида.

— Как вы считаете, зачем я понадобился Троцкому?

— К стенке поставить, — пожал плечами Семен.

На самом деле он так не думал, а просто желал позлить беглого барина.

— Не говорите ерунды, — взорвался Радонежский. — Поставить к стенке могли в хворобинском имении, ничто не мешало. Я понадобился в Питере, со всеми домочадцами, потому что революция во мне нуждается. Я всю жизнь занимался конструированием искусственного интеллекта. На однеровском заводе. Производство на нем арифмометров было прикрытием: на самом деле на заводе производили киборгов. Первое время — из-за сложности и неординарности задачи — модели были несовершенными. Но мы с коллегами работали не покладая рук. Модели совершенствовались. Однако, помешала германская война. Нам урезали финансирование, несколько ведущих специалистов ушли на фронт. К тому же от конструкторов требовали предоставить боевой продукт для фронта, но мы не были готовы. А потом эти революции... Еще до них я принял решение — вы представить не можете, как мучительно оно далось, — уволиться с однеровского завода. Начал опасаться, что киборги попадут в плохие руки. Так оно и произошло, в конечном счете.

— У кого плохие руки, у большевиков? — спросил Семен. — Говорите да не заговаривайтесь! Я слушаю ваши контрреволюционные сказки только со скуки, потому как заняться нечем.

— Верьте чему угодно, но факты примите.

— Какие факты?

— А такие, — взволнованно произнесли на том конце волновой связи. — Если мои подозрения верны... Да о чем я говорю: конечно, верны! Вот скажите, вы назначены уездным уполномоченным совсем недавно, несколько недель назад?

— Так и есть.

Семен не считал нужным лгать всякой белогвардейской мрази, тем более что пока не понимал, в чем Радонежский собирается его убедить.

— А до этого чем занимались? — взволнованно спросил Радонежский.

— Воевал на германской. Был тяжел ранен, потерял память, несколько лет лечится в специализированном лечебном учреждении.

— Да, так я и думал, все сходится! После моего увольнения они запустили опытную партию. Поместили в специализированное учреждение и принялись обучать. А потом, после революции, новые хозяева решили использовать в своих целях. Видимо, старые не успели воспитательное учреждение эвакуировать — не до того было.

— Ничего не понимаю, — поморщился Семен. — Вам не пора на заморозку, Александр Игнатьевич? Еще не задыхаетесь? Оставьте воздуха домашним.

— А вы не задыхаетесь?

— Я вам объяснял: пролетарии вдыхают мало, особенно одним легким...

— Что за ерунда, Господи! Скажите, товарищ уполномоченный, у вас как с аппетитом?

— Не страдаю, — хмуро сообщил Семен.

На германской его ранило также в желудок: хирургам стоило огромного труда ампутировать покалеченный орган. С тех пор Семен мог не употреблять пищи, что в условиях военной разрухи являлось бесспорным преимуществом. Хотя остаточные явления донимали. Иногда чертовски хотелось разрезать надвое кусок ливерной колбасы, положить на ржаную краюху, намазать сверху ядерной горчицей...

— Как же вы живете, не принимая пищи?

— Вот так и живу. На пособие уполномоченного.

— Соответственно, дефекация у вас тоже отсутствует?

— Чего?

— Срать временами не приходится?

— Так у меня желудок ампутирован, зачем же мне срать?! — поразился Семен. — Глупые вопросы задаете, Александр Игнатьевич. Сам бы вас к стенке поставил, да не имею права: приказ председателя Петросовета на руках.

— А откуда у вас фамилия такая странная — Редискин? Не задумывались?

— Обыкновенная фамилия. Ничуть не страннее Радонежского.

— Не скажите. А вам известно, что red означает «красный», а искин расшифровывается как искусственный интеллект? То есть Редискин — красный искусственный интеллект. Это именно то, чем я занимался на однеровском заводе. Теперь понимаете?

— Ни хрена, — констатировал Семен.

— Вы являетесь киборгом. Произведены на однеровском заводе, затем обучались в специализированном учреждении, замаскированном под клинику. Произошла революция — и вас в срочном порядке перевоспитали...

Хоть одно слово в потоке контрреволюционной лжи оказалось правдой. Семен действительно не сразу принял революцию. Но после нескольких оздоровительных процедур его здоровье улучшилось, а глаза раскрылись: и на великое учение Маркса-Энгельса, и на Интернационал, и на партию РКП (б), в которую он немедленно и по примеру своих товарищей вступил, благо в специализированной клинике образовалась первичная ячейка. Но что касается остального...

— ...и вас решили использовать, — продолжал Радонежский. — В интересах новой власти, то есть революции. Назначили в уезд уполномоченным. Причем не в простой уезд, а именно в тот, в котором проживал я, один из фактических ваших создателей. Конструктор всех искинов. У ваших хозяев специфический — истинно пролетарский — юмор: именно вам поручено доставить меня в Питер. Вероятно, господин Троцкий намерен возобновить работы по совершенствованию киборгов: мировая революция требует новых солдат. Вот только квалифицированные работники разбежались. Какой же я был дурак, что задержался в имении! Думал, через недельку в Париже гулянуть. Да что теперь...

— Это все? — спросил Семен.

— Вы мне не верите? — в отчаянии воскликнул барин. — Ну примените логику — в вас, в конце концов, логический модуль вставлен. Вы не принимаете пищи, у вас отсутствует дефекация, вдобавок превосходно себя чувствуете в атмосфере, в которой нормальный человек давно бы начал задыхаться. Это доказывает правдивость моих слов. Вы никакой не уполномоченный, а самый настоящий революционный киборг!

— Положим, уполномоченный, — заметил Семен, ощупывая карман, в котором, помимо приказа товарища Троцкого, лежал мандат о назначении.

— Хорошо, пусть будет уполномоченный киборг.

— А про революцию не надо. Не смейте касаться ее своими изнеженными эксплуататорскими пальцами.

— О, Господи!

Больше Радонежский на связь не выходил.

Семен попробовал связаться с ним через пару суток, но напрасно нажимал кнопки: с той стороны не отвечали. Из чего уполномоченный заключил, что Александр Игнатьевич не выдержал недостатка кислорода и залег в анабиозную ванну.

Семен улыбнулся своим мыслям и принялся сосредоточенно наблюдать за тем, как «Градъ» взрезает космическое пространство, следуя за дымным шлейфом находящейся совсем уже рядом серебристой ракеты.

*Столкнетесь с дамой в negligje,
Что ощутите, что поймете
В своей истерзанной душе?
А. Блок*

Еще через день, поддав пару, «Градъ» нагнал помещичью ракету и поравнялся с ней.

Серебристый аппарат не подавал признаков жизни, то есть не изменял курса и не открывал пальбы, хотя автоматически отворяемые заслонки имелись. Нет, Семен не опасался: навряд ли помещичья ракета оборудована чем-то более серьезным, чем заурядной ракетной мортирой. Но одна расположенная по борту мортира серьезного ущерба не нанесет, тем более что — в случае, если Радонежский не лег в заморозку, — стрелять придется в условиях недостатка воздуха. А что делать победителю потом? Верная смерть в любом случае.

Из этих соображений, и чтобы времени не терять, Семен не стал размораживать липового матросика, а решил управиться сам.

Выворняв курсы и скорости, уполномоченный облачился в нашедшийся у хворобинских крестьян скафандр. Кобуру с маузером нацепил поверх скафандра, конечно. Затем заволок тяжелый буксировочный трос в переходный шлюз и включил откачку.

Зашипел откачиваемый воздух. Дождавшись завершения, Семен отвинтил наружную крышку и увидел прямо перед собой серебристый бок помещичьей ракеты, а за ним — будоражащие разум мириады звездных миров. Но сейчас уездному уполномоченному было не до них.

Стыковочная автоматика на хворобинской ракете отсутствовала — пришлось прыгать, причем с привязанным за ногу буксировочным тросом.

Прыжок вышел удачным: с первой же попытки Семену удалось ухватиться за выступающие скобы. Остальное: развязать узел на ноге, продеть буксировочный трос в ушко скобы, затянуть тугим двойным узлом — оказалось делом техники. В итоге ракеты — «Градъ» и серебристая помещичья — крепко между собой стянулись. Теперь, даже не находясь Радонежский в заморозке, все равно не смог бы изменить курс и увести свой летательный аппарат в сторону, не утянув за собой преследователя.

Оставалось вскрыть люк. Это грозило превратиться в проблему, не окажись на борту крестовой отвертки. По счастью, отвертка нашлась.

Семен возился с люком не меньше часа, что в условиях открытого космоса показалось практически вечностью. Наконец, болты были аккуратно откручены и сложены в специальный кармашек на скафандре. Входной люк повис на одном запоре, отщелкнулся и чуть не ускользнул в открытый космос — но был вовремя подхвачен.

Следующий час Семен провел за завертыванием болтов, теперь при открытом запоре. Закончив, влетел в шлюз помещичьей ракеты и затворил за собой наружный люк.

Вход с наружной стороны оказался не заблокирован. Возможно, барин побаивался, что, не попав внутрь, Семен со зла уничтожит помещичью ракету вместе с находящимися в ней людьми. Кажется, героической смерти Александр Игнатьевич предпочитал спокойное возвращение на Землю, даже в революционный Питер.

Оказавшись внутри, Семен первым делом стянул с себя скафандр и перехватил в освободившуюся руку верный маузер. Пружинистой походкой проследовал в рубку управления, оказавшуюся, как и следовало ожидать, пустой. Установленный на автопилоте метроном громкоglasно отсчитывал секунды.

Осмотрев рубку управления, Семен прогулялся по коридорам, заглядывая в каждое помещение. Он желал убедиться, что на незнакомой ракете не осталось незамороженных: мало ли, вдруг Радонежские захватили с собой пару дворовых, которые теперь караулят в укромном месте с топорами наперевес?!

Лишь убедившись, что ракета обезлюдела, уполномоченный прошел в анабиозную камеру, в которой и обнаружил три заполненных ванны. Семейство Радонежских, в целях экономии кислорода, лежало в заморозке — включенная автоматика должна была начать разморозку на орбите Марса.

Автоматику Семен немедленно отключил, разумеется. Сам разморозит контрреволюционное племя, когда придет время.

Пора было разворачивать ракеты к Земле, но, сам не зная зачем, Семен подошел к одной из ванн и взглянул на закованное в лед тело молодой барыньки. Как ее? — Лизанька, кажется. Тело было худеньким, тоненьким — совсем не таким, как мясистые и полногрудые тела уездных баб, с которыми уполномоченный успел познакомиться. Соски трогательно темнели, а золотистый пушок на девичьем лобке выглядел таким привлекательным, таким мягким, таким незрелым...

Неожиданно для себя самого Семен включил барыньку на разморозку. Он мог бы разморозить Леху — все помощь в котельной, — но выбрал почему-то барыньку.

Лед в ванной начал идти промоинами и таять, стекая по трубам в цистерну охлаждения. Тело девушки принялось освобождаться ото льда и вскоре полностью освободилось. Лизанька затрепетала ресницами и очнулась. Приподняв из ванны голову, улыбнулась и произнесла:

— Папа? Мы прилетели? Все в поряд... — и тут увидела склонившегося над ней Семена.

— Вы? — взвизгнула девушка, прикрываясь ладошками.

— Я, — признался Семен.

— А где папан и маман?

— Вон все ваши, — кивнул Семен на соседние ванны, в которых Александр Игнатьевич Радонежский с супругой Ираидой мирно покоились в заморозке.

— Киньте мне одежду и отвернитесь.

Семен передал девушке аккуратно сложенное на полу платье и что-то еще, кружевное и невесомое, и послушно отвернулся, предупредив однако:

— Не вздумайте своевольничать: разморозку своим включить или еще чего. Пристрелю.

— Для чего же вы меня разморозили?

— Так, — сказал Семен, сам не зная.

— А я вам скажу, — зашебетала девушка у него за спиной. — Я вам понравилась. Да, вот именно, понравилась, поэтому вы меня и разморозили. Вы намерены мной воспользоваться. Что же, я в вашей полной власти. Но если желаете взаимности — я слышала, что любовь без взаимности быстро надоедает, — то должны освободить моих родителей. Порвите приказ своего ужасного Троцкого. Кто он, председатель Петросовета? Вот и порвите, пожалуйста. И дайте честное слово, что отпустите моих восвосяси. И тогда можете пользоваться моим телом, как хотите: я навек ваша, стану вам верной женой. Что же вы молчите? Так согласны?

Семен повернулся.

Девушка, уже одетая, призывно протягивала к нему руки. И Семен дрогнул, приблизился к Лизаньке и заключил ее в объятия, испытывая при этом то, что не испытывал ни на одном коммунистическом митинге: небывалый подъем душевного состояния и всех пролетарских членов.

Заключенная в крепкие объятия Лизанька содрогнулась, забилась, как испуганная птичка, но внезапно толкнула Семена в грудь и отскочила. В ее руках блеснул маузер, коварно похищенный из деревянной кобуры.

— Оставьте нас, Христом богом прошу.

Семен замер от неожиданности.

— Христом богом... — повторила Лизанька.

Семен двинулся вперед. Тут же прозвучал оглушительный выстрел, а вслед за ним — характерный звон, с которым пуля ударяется о металлическую поверхность.

Уполномоченный покачнулся, и на его гимнастерке образовалась окровавленная дыра. Затем в удивлении просунул в дыру палец, даже два — указательный и средний — и оттянул кожу. Внутри пробитого революционного тела блеснула закаленная сталь.

— Киборг! — задохнулась от бессильного возмущения Лизанька. — Проклятый киборг, папенька правильно догадался!

— Всего лишь металлическая заплата. Картечью мне выбило легкое и желудок, врачам пришлось постараться. Латали наскоро, поэтому вместо перебитой грудины поставили стальной лист. Так делают, неужто не слышали?

— Как же, как же, стальной лист! Папенька сказывал, у вас шрам на шее должен быть, снизу наверх.

— Есть такой, — согласился Семен. — Германским осколком чуть голову не срезало. Ничего, зашили.

— А вы раздерите этот шрам, да и стяните с черепа кожу — вот тогда и посмотрите, кто вы на самом деле!

— Мне это ни к чему, — нахмурился Семен.

Он приблизился к девушке и резким движением вырвал из ее маленьких ладошек маузер. Сунул в кобуру и запер на защелку. Девушка — видимо, истощившая запасы нервной энергии — и не думала сопротивляться: наоборот, закрыла лицо освободившимися руками и зарыдала.

— Пощадите родителей, умоляю, — повторяла она сквозь слезы. — Я вам отдамся, только отпустите. Несмотря на то, что вы киборг.

— Ах, киборг?! — вскипел Семен. — До чего сволочной вы народ, помещики! На все готовы, лишь бы спасти свои презренные жизни. Отдаться киборгу, любому классовому врагу — да без проблем, лишь бы обещание выторговать. Верно про вас товарищ Троцкий отзывался: никогда вы, эксплуататорский класс, не перевоспитаетесь. Сколько волка не корми, все равно в лес смотрит.

— Перевоспитаюсь, дайте шанс только! — всхлипнула девушка.

— Шанс? Сейчас ты его получишь!

Придя в совершенное бешенство, Семен ухватил барыньку за волосы и поволок из анабиозной.

Все время, пока Лизаньку волокли к выходному шлюзу, она тихонько подвывала. Прекратила, когда Семен отпустил ее и заставил облачиться в скафандр. Затем залез скафандр сам и вместе с Лизой перебрался по буксировочным тросам на «Град».

Оставив скафандры, двое — Семен в окровавленной гимнастерке и Лизанька в шелковом платье — прошли в анабиозную, где покоился замороженный Леха.

— Вот, гляди, он перевоспитает тебя на коммунистический лад... Человек будущего. Тот, кому жить в коммунистическом обществе.

И Семен указал на лежащее в ледяном гробу обнаженное мужское тело.

Лизанька посмотрела и содрогнулась — однако, Семен внутренней интуицией отметил, что не так судорожно, как в момент, когда он, воспаленный секундным порывом, собирался овладеть девушкой. Это было более умеренное, даже в чем-то сладострастное вздрагивание и содрогание.

Семен забрал винтарь, валявшийся рядом с ванной, — так, на всякий случай. Дворянам, тем более юным девицам, он отныне не доверял ни на грош. Потом включил разморозку, и Лехино тело принялось потихоньку оттаивать.

Вскоре лед полностью растаял, и матросик приподнялся в ванне. Увидев Лизаньку, раскрыл рот. Автоматически выбрался из ванны и замер, не зная, что сказать и что тут вообще происходит — только смотрел и смотрел на бледное девичье личико. Потом спохватился и прикрыл ладонями срам.

— Правом, данным мне уездным Советом, — начал Семен, — объявляю вас мужем и женой. Лизавета, согласна ли ты взять в жены раба мировой революции Алексея?

Для порядка — чтобы понимала, что с пролетарским огнем играть не следует, — положил руку на возвращенный маузер.

— Согласна, — затрепетав, прошептала Лизанька.

— А ты, Алексей, согласен ли взять в жены помещичье отродье Лизавету?

— Согласен, дядя Сень, — закивал обалдевший, а может, еще не окончательно размозвившийся, лже-матросик.

— Объявляю вас мужем и женой. С этого момента снимаю с себя обязанности уездного уполномоченного и передаю тебе, Леха. Отныне ты несешь революционную ответственность за перевоспитание своей жены, также за исполнение наказа товарища Троцкого о доставке ее семейства в Петроград. Сам решай, как с Радонежскими поступить и куда направляться — в Питер ли, на Марс или другое место Галактики. Мое дело отныне сторона. Вы забирайте серебристую ракету, с родителями невесты, а я оставлю себе «Градъ».

С этими словами Семен передал голому Лехе приказ товарища Троцкого и мандат о назначении уездным уполномоченным: передал, словно от груди оторвал.

— Но почему? Почему, дядя Сень?

— Потому... — протянул Семен.

После случившегося он начал подозревать, что на самом деле произведен на заводе Однера, а воспитан — точнее сказать, запрограммирован — уже новой, победившей, властью. И если бы не революционное перепрограммирование, одному Карлу Марксу известно, каких политических взглядов Семен в настоящий момент придерживался. Возможно, числился монархистом или чего похуже. А значит... Но сначала следовало проверить, верны ли предпосылки этой истории.

Не договорив, Семен проследовал в каюту, где прильнул к зеркалу — вернее, его припиленному к стене осколку. Другого зеркала на «Граде» и не было, вероятно.

Из сохранившегося осколка смотрело лицо: волевое и пролетарское.

Насмотревшись, Семен поднес руки к затылку и нащупал стародавний шрам. Узкая полоса тянулась от макушки до плеч, прямо по позвоночнику. Сжав зубы, чтобы не закричать, Семен разодрал сросшийся шрам и спустил кожу с черепа. Окружающий световой мир вспыхнул красным, но, когда кровавая слизь сошла, из зеркала на Семена глянула металлическая личина киборга — такая же волевая и пролетарская, как до этого, только не загорелая, а ворошенная, нисколько на прежнего Семена не похожая, разумеется.

Александр Игнатьевич Радонежский не наврал: бывший уездный уполномоченный Редискин являлся запрограммированным на осуществление мировой революции киборгом.

И началась для Семена новая — более сложная, но от этого не менее нравственная и захватывающая — жизнь.

Рефейский галоцефалёз

— Доктор, я жена астронавта такого-то. Сколько его продержат на карантине?

— Ну... — отвечаю заученно. — Адаптационный период у рефейского галоцефалёза — восемьдесят лет. Но столько никого не держим, конечно. Нет смысла. Если кожа приняла естественную окраску, тогда выписываем.

Тут они немного пугаются.

— Что значит: естественную окраску?

Приходится пояснять — разжевывая, как детям малым:

— Потому что естественный цвет человеческой кожи — розовый. А если ярко-зеленый — это неестественно, согласитесь.

После моих слов жена астронавта, как правило, бледнеет.

— Как ярко-зеленый?

— Что вы так волнуетесь, женщина? — говорю ей. — Нашли из-за чего! Эка невидаль — зеленая кожа! Вот когда у зараженного ложноножка вырастает, это гораздо хуже. Тут даже хирургическое вмешательство бессильно.

Тут жены пугаются по-настоящему. Но некоторые еще держатся — спрашивают дребезжащим голосом:

— Это что же, у моего мужа теперь три ноги, из них одна ложная?

— Почему обязательно три? При рефейском галоцефалёзе вырастает от одной до пяти ложноножек. Если случай не запущенный, конечно.

Тут и самые стойкие не выдерживают — начинают рыдать в голос.

— А как же... ему... ходить?..

Дилетанты! Ничего-то они про космические заболевания не знают!

— При чем здесь ходьба? Ложноножки не всегда прорастают из таза. Могут из спины или из живота. Лишь бы не из головы.

— П-почему н-не из г-головы? — спрашивают.

Смотрю с укоризной:

— А сами не догадываетесь? Потому что в этом случае рефейский галоцефалёз дает осложнение на голову. Споры от ложноножек проникают в мозг и там прорастают. Иначе говоря, пускают корешки. В результате половина мозга остается человеческой, а вторая половина становится рефейской.

Если дама попадаетея грамотная, то подавленно бормочет:

— То есть мой муж — космический шизофреник?

— Вот уж нет! — успокаиваю ее. — Это так не работает. При шизофрении в одной голове сосуществуют две личности, а при галоцефалёзе личность одна. Только по четным дням она имеет человеческую психологию, а по нечетным — рефейскую.

Сквозь всхлипывания, причитания и высмаркивания доносится:

— Это как?

Продолжаю терпеливо просвещать:

— Имеет чужую личность — значит, практикует соответствующие привычки. Ну, там: обмен позавчерашними соплями, как на Рефее принято. Это у них сексуально-тантрическая практика такая. Или что другое: к примеру, отламывание от себя верхних конечностей — с тем, чтобы новые быстрее отрастали.

На звуки ее уже не хватает — угадываю вопрос по губам.

— Это точно?

— Да нет же, женщина! В медицине ничего точного: все предположительное. Иногда происходит ровно наоборот: человеческая психология активна по нечетным дням, а рефейская — по четным.

Аут: жена астронавта в отключке.

Зато сколько радости, когда обнаруживает в карантинном боксе мужа, окрашенного в естественный розовый цвет, — даже без дополнительных ложноножек!

И хоть бы кто доктору спасибо сказал, что все закончилось на светлой и оптимистической ноте, что супружеские отношения закалились и окрепли. Хоть бы один человек...

Русская нация — самая смертоустойчивая

Сегодня день здоровья. У каждого русского личный день здоровья, у меня он приходится на 10 июля, поэтому я направляюсь в районную поликлинику №124 для принятия праздничных процедур.

Жарко и влажно. Сверху печет июльское солнце, газоны полны разросшейся зеленью — траве никакая стрижка не помеха, — и настроение у москвичей превосходное. Кого ни встречу, каждый норовит подставить щеки припекающим солнечным лучам и улыбнуться.

Некоторые из прохожих улыбаются лично мне. Отчего не улыбнуться пожилому человеку — можно сказать, старику?! 49 лет — не шутка, спасибо Великому Рандому, но в первую очередь дням здоровья, вырабатывающим у человека истинное презрение к смерти.

В гордости за прожитое, захожу в калитку районной поликлиники №124, поднимаюсь по выщербленным ступеням — таджики, небось, ремонтировали — и прохожу сквозь рамку металлоискателя, контролируемого медсестрой в сливающемся с побелкой маскхалате.

Доказав, что в складках моей кожи не прячутся колющие и режущие предметы, прохожу в вестибюль. Посещать регистратуру не нужно — я по предварительной записи. Поэтому не дожидаясь лифта, возле которого толпится очередь, а сразу направляюсь на третий этаж, целиком отданный под процедурные кабинеты.

На лестнице, совмещенной со служебным выходом, сталкиваюсь с грузовой тележкой, на которой установлен цинковый гроб. Тележку транспортируют двое плотных парней в голубых спецовках. Судя наклепленной на крышку официальной этикетке и тому, что везут сверху вниз, цинковый гроб заполнен.

Хорошая примета: чем больше не вписавшихся в Великий Рандом в день твоего здоровья, тем меньше вероятность, что окажешься следующим. Медицина не всесильна: она не может сделать человека бессмертным, но прививает здоровое презрение к смерти — для того, собственно, и предназначена.

Поднимаюсь на третий этаж, нахожу указанный в электронном квитке кабинет №32 и усаживаюсь на дерматиновую скамейку. Очередь небольшая — пять человек. Все молодые, от четырнадцати до тридцати, одна мамаша с ребенком дошкольного возраста. Процедура длится минут семь-десять, так что ждать не менее получаса.

И вот я сижу в коридоре поликлиники, а остальные посетители с интересом на меня поглядывают: удивляются, как дожил до преклонного возраста, на висках уже седина проступает! Сам своему возрасту удивляюсь — не госчиновник, поди, на которого стохастическая флуктуация распространяется.

Стохастическую флуктуацию, действующую в отношении государственных служащих, блистательно доказал академик Проценко, получивший недавно Нобелевскую премию. Математических доказательств не перескажу, — проценковские формулы понимает меньшее количество ученых, чем эйнштейновские, — но правоту нобелевского лауреата вижу по жизни. Несмотря на регулярные дни здоровья, госслужащие в самом деле живут дольше обычного, лет на десять-двадцать. Прав академик, стопроцентно прав — не зря его портрет красуется на стенде напротив моей скамеечки.

Проценко глядит на посетителей районной поликлиники не столько маленькими заплывшими глазками, сколько выпирающей вперед волосатой челюстью, намекая на необходимость срочно пройти процедуру.

Левее академика, на соседнем стенде, расположился легендарный комдив Семен Михайлович Буденный — непосредственный изобретатель процедуры. С ее помощью во времена Гражданской войны комдив вырабатывал у красноармейцев стойкое презрение к смерти.

Находятся отщепенцы, утверждающие, что подобное практиковалось в русских войсках до Буденного, во времена царизма... Полнейшая чушь, конечно! Достаточно заглянуть в Википедию, чтобы убедиться: Семен Михайлович Буденный лично данную процедуру изобрел и внедрил во вверенных ему кавалерийских войсках.

Продолжил славное дело Буденного, уже во времена Великой Отечественной, маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Стараниями видного военачальника, советские воины — невзирая на непрекращающийся снайперский огонь, пулеметные очереди и воздушные атаки люфтваффе — покидали обжитые окопы и душили врагов голыми руками. Благодаря невиданному презрению к смерти, советским войскам удалось сломить хребет фашистской гадине, одержав в Великой Отечественной войне историческую победу.

Потребовалось почти столетие, чтобы презрение к смерти настолько укрепилось в русском народе, что смогло перерости в государственную доктрину. Теперь каждый россиянин, от мала до велика, обязан раз в год проходить изобретенную Семеном Михайловичем Буденным револьверную процедуру.

Моя процедура юбилейная — 49-я по счету. Согласно теории вероятности, она должна завершиться плачевно, ведь статистические флуктуации распространяются только на государственных служащих... к которым я, к сожалению, не отношусь. Наверное, из-за этого нервничаю: несмотря на приобретенное за прожитые годы стойкое презрение к смерти.

Из кабинета выходит последняя передо мной пациентка — мамаша с ребенком.

Ребенок лет пяти: не понимает еще, какой опасности избежал, и ведет себя естественно. Мамаша, напротив, совершенно счастлива оттого, что все успешно закончилось. Кому от перенесенной процедуры прибавилось иммунитета, ребенку или матери, вопрос спорный, но регламент есть регламент. Врачам виднее.

— Сорок первый! — звучит электронный голос.

Сорок первый — это я.

Суетливо поднимаюсь с дерматиновой скамеечки, толкаю дверь кабинета №32 и оказываюсь перед доктором, чрезвычайно напоминающим рядового имперского бойца из «Звездных войн». Аналогия полная — за счет того, что броневая защита, включая шлем, ослепительно белого цвета. Такая же броневая защита у находящейся в кабинете медсестры, но у нее модификация иная, что дает возможность отличать врачей от медсестер.

— Присаживайтесь! — произносит доктор через вмонтированный в шлем голосовой усилитель.

Почему они с медсестрой не снимают шлемы, понятия не имею, — процедура еще не началась. Вероятно, затем, чтобы не терять времени даром: день здоровья не у меня одного сегодня — еще у многих-многих людей, чье презрение к смерти требует регулярного медицинского закрепления.

Присаживаюсь.

Доктор изучает оздоровительный лист — вроде бы заинтересовывается, при этом как-то нехорошо вздергивает и приопускает подбородок. После чего протягивает ознакомительный текст, со стандартными, знакомыми с детства формулировками — под роспись.

«Уважаемый пациент!

Прохождение револьверной процедуры, также известной под названием русская рулетка, является почетной конституционной обязанностью граждан Российской Федерации. Презрение к смерти — то, что всегда отличало русского человека от иноземца. Названное качество можно выработать единственным способом: периодически подвергая себя смертельной опасности, для чего и служит револьверная процедура, которой вы сейчас подвергнетесь. В барабан револьвера вместо семи патронов вставляется один, из семи патронов только один боевой. Таким образом,

вероятность летального исхода минимальна: она составляет 1 шанс из 49, или чуть более 2 процентов. Министерство здравоохранения Российской Федерации выражает твердую уверенность, что именно вам повезет. Если же нет, ваша смерть усилит коллективный иммунитет к смерти, тем самым послужит пользе последующих поколений.

Пожалуйста, распишитесь в том, что ознакомлены с сутью револьверной процедуры, проходите ее добровольно и принимаете на себя ответственность за возможные последствия. Спасибо за понимание».

— Здесь.

Я послушно расписываюсь.

— С пользовательским регламентом знакомы или пояснить?

— Знаком.

— Не сомневаюсь, — ревет голосовой усилитель, с явным намеком.

От заунывного тембра становится дурно. Странно, на прошлых процедурах я прекрасно себя чувствовал — вот что значит юбилей. Как бы юбилейная 49-я процедура не оказалась заключительной.

Сопровождаемый медсестрой, направляюсь в процедурную.

— Ботинки снимите! — рявкает за спиной громкоговоритель.

Стаскиваю кроссовки и захожу в процедурную, представляющую собой обитый свинцом кабинет, с тремя креслами различных размеров: для взрослого человека, подростка и совсем младенца — нечто вроде свинцовой люльки. В углу установлены на попа три цинковых гроба разных размеров. Имеется еще медицинский столик с наваленным на него оборудованием и металлический шкаф — насколько понимаю, оружейный.

— Садитесь, пожалуйста, — приглашает медсестра.

Рев ее голосового усилителя не такой раздражающий, как у доктора.

Присаживаюсь в свинцовое кресло и глубоко вздыхаю, как всегда перед револьверной процедурой. Привычка. Единственное отличие от прошлых посещений в том, что нынешнее — юбилейное: на этот раз терпение Великого Рандома может иссякнуть. С другой стороны, ничто не мешает продлить удачную серию. Я презираю смерть и 48 раз доказывал это без колебаний, но теперь меня бьет озноб и кружится голова. Чтобы не выдать волнение, заработав замечание в оздоровительный лист, стискиваю побелевшими пальцами свинцовые поручни.

В процедурную заходит доктор и, бросив на меня оценивающий взгляд, отпирает металлический шкаф, в котором сложены медицинские револьверы. Каждый ствол запечатан: если доверить зарядку оружия медикам, неминуемы ошибки и злоупотребления — куда надежнее запечатывать оружие на фабрике, под строгим государственным контролем.

Голова продолжает кружиться. Это не мешает заметить, что доктор не достает револьвер с оружейной полки, где револьверов множество, а вскрывает внутренний сейф, откуда и вытаскивает предназначенный для меня ствол. Чем его не устроили револьверы, лежащие в общей стопке, интересно? Впрочем, времени на рассуждения нет, доктор опасливо приближается, держа оружие в опущенной руке, отклоненной в противоположную от себя сторону.

— Напоминаю, что револьверная процедура подлежит видеофиксации. Мы наблюдаем за вами по монитору. Крутите барабан, пациент.

Доктор выдает привычные фразы, протягивая револьвер.

Я принимаю оружие в холодные руки и, как полагается, верчу барабан — тот проворачивается с некоторыми усилиями. Проверять наличие патрона не принято: подобное недоверие считается дурным тоном и подвергается публичному осмеянию. Если сведения сольют в сеть, неминуемы обвинения в трусости — сетевая репутация непоправимо пострадает.

Доктор желает благоволения Великого Рандома и сейчас же удаляется вслед за медсестрой, бронебойной каблучок которой мелькает уже за дверью. Свинцовая дверь затворяется, я оста-

юсь в совершенном одиночестве — не считая того, что доктор с медсестрой наблюдают за моими действиями по монитору.

Медицинский револьвер тяжелый и гладкий, выкрашенный в белый цвет: как-никак медицина. На рукоятке лакированная наклейка: «Городская поликлиника №124. Департамент здравоохранения г. Москвы».

Надо бы приставить дуло к виску и нажать на спусковой крючок — сделать то, что проделывал с десятилетнего возраста, аккуратно 38 раз. До десяти лет процедуру выполняла мама — отец, несмотря на уговоры и приятельские насмешки, категорически отказывался. Не мог стрелять в собственного ребенка, и все тут.

Не мне осуждать отца. В настоящее время я сам являюсь отцом, хотя мой единственный ребенок проживает отдельно со своей матерью — соответственно, обязательные по Конституции процедуры выполняет бывшая половина. Пока, слава Великому Рандому, успешно.

Нет, я все понимаю, но жутко неудобно перед людьми, ожидающими в очереди. Они-то чем провинились?! Наверняка думают, что я не вписался в рандом — не исключено, сочувствуют даже, — но каким будет общественное презрение при виде меня, выходящего из кабинета живым и здоровым! Я неоднократно презирал трусов и хорошо представляю подобную психологию, которую теперь придется испытать на себе. Для чего, понятное дело, потребуется выжить.

Осознавая, что совсем расклеился и через минуту-другую наблюдающий доктор расценит мое поведение как отказное — со всеми вытекающими последствиями, — я подношу револьвер к виску и нажимаю спусковой крючок... но перед этим отклоняю дуло немного в сторону. Да, я знаю, это будет замечено и расценено как ошибочная траектория. С меня автоматически спишут пару социальных баллов и заставят повторить процедуру. Тогда, в юбилейный 49-й раз, я сделаю все как нужно — только не сейчас, а минут через пять или десять, когда приду в себя и соберусь духом.

Спусковой крючок поддается, и — к вящему моему изумлению — над ухом оглушительно грохочет. Я бы подумал, что попался холостой заряд, тем более, что в прошлые разы — когда я нарывался на холостые заряды — происходило именно так. Первый раз подобное случилось в двенадцатилетнем возрасте, насколько помню. Мне обожгло висок, но brave медики залили ожог антисептиком и заклеили пластырем, я не успел даже испугаться. В этот раз происходит иначе: я слышу — буквально ощущаю, — как из дула вырывается пуля и, ошалев от свободы, несколько раз шарахается по стенам процедурной, пока не замирает, шмякнувшись на свинцовый пол.

Замираю в кресле ни живой, ни мертвый. Предчувствие не обмануло: я находился на волосок от Великого Рандома и все-таки спасся! Отныне рулетка судьбы начнет раскручиваться со стартовой позиции: несмотря на пожилой возраст, у меня равные шансы с другими пациентами, даже с младенцами. Можно сказать, заново родился!

Тут на меня нападает истерика. Я заливисто хохочу, дергаясь в свинцовом кресле в истерических приступах, — таким меня и застает вбежавший в процедурную доктор.

— Извините, — говорю вбежавшему имперскому воину, не в силах остановить вышедший из-под контроля смех. — Я немного промахнулся. Понимаете, нажал на крючок, а рука дернулась. А он возьми и выстрели. Пух!

Показываю, направляя револьвер в сторону доктора, как дернулась рука, когда я давил на спусковой крючок, и как действительно надавил на спусковой крючок. В момент, когда произношу «пух!», ничего уже не соображая, машинально давлю на спусковой крючок находящегося в моих руках разряженного — ведь в нем всего один патрон! — револьвера. Раздается совершенно такой же, как предыдущий, оглушительный выстрел.

Истерика и заикания мигом прекращаются. С ужасом наблюдаю, как узкая щель между шлемом и нагрудной бронезащитой моего доктора окрашивается густым и красным. Доктор

хрипит, хватается за горло и падает как подкошенный, прямо под ноги появившейся следом медсестры.

Медсестра дико визжит — на этот раз ее голосовой усилитель кажется мне гораздо более громогласным, чем докторский, — затем разворачивается и выбегает из процедурной. Судя по тому, как хлопает дверь, из кабинета тоже.

В некотором ошеломлении переламываю ствол медицинского револьвера, обнаруживая заполненный барабан. Пять оставшихся патронов — все, за исключением двух использованных, — выжидающе покоятся в ячейках: судя по тому, что два патрона оказались боевыми, остальные не холостые тоже.

Чего-то я не понимаю в этом мире — вернее, перестаю понимать. Как такое возможно? Револьверы заряжаются и опечатываются на фабрике — в Туле или где там еще?! Я сам видел, как покойный доктор — перед тем, как протянуть револьвер мне, — сорвал с него пломбу. В револьвере должен находиться единственный патрон — никак не полный комплект. Неужели я нарвался на заводской брак?!

Наклоняюсь, чтобы вынуть из кармана мертвого доктора ключи.

Вскрываю оружейный шкаф. Забираю с полки случайный револьвер, распечатываю и заглядываю в барабан: в нем единственный патрон. Это в общей стопке, а что во внутреннем ящике? Подбираю ключ для внутреннего ящика, отпираю ящик, достаю первый попавшийся револьвер. Барабан полон. В следующем револьвере — то же самое. Машинально сую пару заряженных револьверов в карман и выхожу из опустевшего кабинета №32.

— Следующий? — с надеждой спрашивает мужчина, занимавший очередь следом за мной.

— Медсестра отошла. Вернется — пригласит, — равнодушно информирую я, направляясь к выходу и только сейчас осознавая, что позабыл в кабинете кроссовки.

— Стоять на месте, отказник! — вопят мне в спину через голосовые усилители.

Это медсестра привела подмогу — со служебной лестницы, находящейся в противоположном конце больничного коридора.

Имперские воины — в белом облачении и с калашами белого цвета, — продвигаются по коридору. Стрелять опасаются из-за находящихся в коридоре пациентов. Те, наученные горьким опытом, при виде вооруженных людей забегают в открытые двери. Пациенты, которым не повезло с открытыми дверями, залегают под дерматиновыми скамеечками, складывая руки на затылках, во избежание. Вспоминаю, как сам, во время одного из предыдущих дней здоровья, наблюдал подобное и подобным образом действовал, но в те далекие времена я выступал в качестве свидетеля, а сейчас являюсь непосредственным участником происшествия.

Что мне терять, в моем-то преклонном возрасте?! В течение полувека во мне вырабатывали показательное презрение к смерти — вот и выработали, на свою глупую башку.

— Аааа! — кричу я, разворачиваясь и выхватывая из карманов полностью снаряженные медицинские револьверы. — Вы не представляете, с кем связались, уроды! Мое имя де Ниро, я охотник на оленей.

«Охотник на оленей» — абсолютно запрещенный в Российской Федерации фильм, а исполнивший в нем главную роль де Ниро — абсолютно запрещенный американский актер, благодаря сцене с русской рулеткой, в которой он уничтожает вьетнамских офицеров. Де Ниро настолько запрещен, что, услышав его страшное имя, имперские воины на мгновение останавливаются и приседают.

Воспользовавшись моментом, открываю по закованным в броню санитарам прицельный огонь — с обеих рук, между прочим. Я крутой амбидекстр, и терять мне совершенно нечего. День здоровья, так День здоровья — получите и распишитесь, медицинские крысы!

Единственное, что смущает, это отсутствие кроссовок. Если бы, паля из револьверов, я продвигался в направлении медицинских омовцев не в носках, а кроссовках, картина выглядела не в пример убедительнее. Все равно уже...

Да пребудет с русскими людьми, самыми смертоустойчивыми в мире, Великий Рандом!

Рыжая

Оборотни безусловно существуют — об этом писали древние авторы: Овидий, Гомер, Апулей и многие другие.

Их многочисленные последователи вроде Брема Стокера свели вопрос к литературному штампу: якобы оборотни превращаются исключительно в зверей с дурной репутацией — волков или летучих мышей. Но это неправда: оборотни способны превращаться и во вполне милых домашних животных — например, в кошек. Для подобных людей придуман даже специальный термин: элурантроп.

Когда я с этим столкнулся, то поверил не сразу — однако, доказательства были настолько очевидными, что поневоле пришлось.

В тот памятный год я работал на удаленке. Утром провожал жену на работу — в офисное здание на нашей же улице, — затем садился за компьютер и колотил по клавиатуре, попутно глядя в окно.

На газоне частенько резвилась кошка — рыжая и пушистая. Она либо забавлялась с мячиком, величиной с теннисный, либо залезала на березу и заглядывала в комнату. Не знаю, чем я ей приглянулся, но рыжая выделяла из проживающих в подъезде именно меня. Я полагал: по той причине, что окно моей комнаты располагалось как раз напротив березы.

Я любил смотреть на эту кошку: рыжей мастью и бойким характером она напоминала мне жену.

И вот однажды... в общем, я попытался привести домой другую женщину. Но не вполне удачно.

Когда мы заходили в подъезд, разъяренная рыжая бестия вцепилась потенциальной возлюбленной в чулки. Естественно, после этого инцидента стало не до любви. Пришлось посадить поцарапанную женщину в такси и отправить домой, потому как — не в метро же ей в разорванных чулках добираться?!

Когда я возвратился к подъезду, кошка катала по газону потрепанный мячик как ни в чем ни бывало.

— Ты мне заплатишь, — пообещал я.

Кошка повернула ко мне милую мордочку и обещающе зевнула, обнажив заточенные резцы. Потом принялась вычесывать шерсть.

В этот момент я начал кое о чем догадываться.

Действительно, кошка выходила на газон исключительно днем, во время обеденного перерыва, и отсутствовала по вечерам, когда жена возвращалась. И по выходным тоже отсутствовала, что для кошачьих совсем не характерно. Иными словами, я ни разу не видел кошку одновременно со своей женой.

Принимая во внимание, что жена обедала на работе — под предлогом, что там хороший буфет и с подругами потрепаться можно, — тут бы любой на моем месте сделал выводы.

Поначалу — не поверив в то, что напрашивалось, — я намеренно высматривал рыжую кошку, в то время, когда жена находилась дома. Фигушки! Можно было просидеть целое воскресенье, но рыжая на газоне не появлялась, и ее потрепанный мячик валялся без применения. Но стоило жене отправиться на работу, а затем наступить обеденному перерыву, как кошка неспешно шествовала к мячику или забиралась на березу, чтобы наблюдать за мной, позевывая. Чтобы, как по часам, через сорок-пятьдесят минут исчезнуть из виду.

Все указывало на то, что моя жена — элурантроп.

Когда я обо всем окончательно догадался, то изрядно рассердился. А как бы вы поступили на моем месте?! Если женщина оборачивается в животное — пускай не дикое, но домашнее, — разве она не обязана предупредить об этом жениха перед свадьбой?! А моя жена —

тогда еще невеста — словом не обмолвилась. И разве честно, оборачиваясь невинной кошечкой, ежедневно следить за мужем?! А с неистовым воплем бросаться на мужнюю любовницу и рвать на ней чулки, с риском микробного заражения?!

С моей точки зрения, жена вела себя не вполне этично. В отместку, я решил заняться воспитательной работой — так сказать, во укрепление семейной дисциплины.

В один из обеденных перерывов вышел во двор и приблизился к благоверной, по своему обыкновению находившейся на газоне. Кошка обернулась и приветственно замяукала. Я погладил рыжую за ушком и почесал спинку, что неоднократно проделывал и раньше. Благоверная не возражала.

Тут-то и настал час расплаты!

Я поднял зарвавшееся животное за шкурку и сунул в спортивную сумку, которую сейчас же застегнул на молнию. Кошка внутри забилась и замяукала, на этот раз возмущенно, но я бросил в сумку валявшийся на газоне мячик, и внутри моментально затихло.

Сумку отнес в ближайший подъезд, в ремонт обуви.

— Слышь, Ахмет, — сказал я знакомому таджику, доставая сторублевку. — Ты во сколько закрываешься?

— В восемь, камандыр.

— Пусть сумка у тебя постоит. Там ничего, только кошка. Ровно в восемь кошку выпустишь, а сумку я заберу завтра. Лады?

— Сделаю, камандыр.

— А, чуть не забыл...

Желая наказать провинившуюся, я вытащил из сумки мячик и забрал с собой. Кошка внутри продолжала жалобно мяукать, но я остался безучастен.

— Ровно в восемь, Ахмет.

Мячик я выбросил в урну. А нечего на невинных женщин когти распускать и чулки на них рвать!

Вернувшись домой во взвинченном состоянии, с нетерпением принялся ожидать восьми часов. Я намеренно попросил Ахмета выпустить рыжую в восемь, так как жена возвращалась с работы около семи. Опоздание послужит еще одним подтверждением того — уже непреложного в моей голове — факта, что я женился на элурантропе.

Работалось плохо: в ожидании жены, я сидел и изнывал от безделья. Хотя на сердце — в предвкушении предстоящего разговора, не исключено, даже небольшой ругани — было радостно.

Я гордился тем, что разгадал хитроумную комбинацию и смогу теперь быть на равных с женой. В том смысле, что оба провинились: я — тем, что пытался завести любовницу, она — тем, что своевременно не призналась в своей, если так можно выразиться, оригинальной физиологии. Взаимная вина нивелирует друг друга. Мы оба должны начать новую жизнь: заново друг к другу притереться и приспособиться. Хотя — если честно — я не видел проблемы в том, чтобы взять рыжую кошку в дом, поставить в прихожей лоток и время от времени покупать корм. Чего не сделаешь для любимой женщины! Лишь бы она отвечала взаимностью.

Как я и ожидал, жена пришла с работы в восемь, хотя обычно возвращалась в семь. Ее рыжие волосы металась из стороны в сторону, в глазах стояли невыплаканные слезы. Несладко ей пришлось в тесной спортивной сумке, да еще без любимого мячика!

Я спросил строго, ощущая то, что ощущает исследователь перед дверью в непознанный, но удивительный мир:

— Почему задержалась?

— Полюбила другого человека и ухожу к нему, — ни к селу, ни к городу сообщила жена. — Сегодня поняла, что жить без него не могу. Извини.

Я ожидал чего угодно, но только не такого странного признания, потому обомлел от неожиданности.

— Что? Ты связалась с Ахметом из ремонта обуви?! — и добавил с максимальным презрением. — Как же низко ты пала!

Жена вытаращила глаза:

— С каким еще Ахметом? С чего ты взял?! Если хочешь знать, я уйду к Мячикову, нашему замдиректора по сбыту.

Рябчики астероидов

Из-за камня вспорхнул рябс — рябчик астероидов — и полетел, отчаянно виляя на фоне ослепительного звездного неба.

Вспыхнул выстрел, и полет прервался. Птица захлопала крыльями — вернее, стабилизаторами, отдаленно напоминающими крылья, — и рухнула вниз.

Старик неспешно подковылял к месту падения и поднял рябса. Крупный экземпляр: килограмма на полтора. Еще трепещет и пытается перебирать лапками. Живучий! Другой бы давно загнулся, а у этого все будто приспособлено для выживания в безвоздушном пространстве: дыхание отсутствует, энергия возобновляется за счет усвоения силикатов. И передвигается на реактивной тяге — за счет тех же силикатов, неусвоенные остатки которых под давлением выбрасываются из организма.

Охотник прицепил рябса на пояс скафандра и поковылял домой. Им со старухой за глаза хватит.

Доковыляв до жилого модуля, зашел в него через разболтанный основной шлюз — чинить пора, не дай Бог что случится, — и высвободился из скафандра. Ныла культя. Хотя она ныла постоянно: еще с демобилизации.

Ах, какие времена были!

Старик воевал в Первую Галактическую. Юпитерианцы — юпы, если сокращенно, — сопротивлялись. Своевольные были ребята, и говорить нечего, — но земляне задали жару: на Эде, Каллисто, Валетудо. В одной из вылазок старику — в те времена бравому сержанту — задело бедро. Вроде вскользячку, но неудачно. Когда врач — с сочувствующей, оттого не менее паскудной интонацией — сообщил, что регенерировать ногу невозможно, на сержанта накатил черный гнев. С ним такое бывало. В общем, он оскорбился и — прямо с больничной койки — полез драться. Но вкололи укол, и очнулся сержант одноногим. Делать нечего, пришлось отправляться на пенсию. Самое обидное, что до окончания войны оставались считанные дни. Земляне — убедившись, что потери велики, а сломить сопротивление не удастся, — тупо взорвали Юпитер. Мы победили.

Инвалидных выплат хватило на приобретение астероида, которых за Марсом бессчетное множество кружилось: и старых, и новых — юпитерианских осколков. Оформляли в собственность задаром практически.

Так они со старухой и обосновались на астероиде. Никого поблизости, скука, зато и не досаждают. Из занятий — охота на рябсов, составляющих основу однообразного рациона, и сельскохозяйственные работы в теплице.

— На, приготовь, — сказал старик, кидая тушку на стол.

Старуха не ответила. Она уставилась на видеозэкран, и плечи ее подозрительно вздрагивали.

— Ты чего? — не понял старик.

— Ничего... так... — пробормотала старуха, утирая слезинки кончиком шерстяной шали. — Неподалеку человек погибает, представляешь? Совсем рядом. Разнюнилась я чего-то... Ты погоди, Макарушка, я досмотрю и приготовлю твою птицу. Тебе запечь или как?

— Кто там еще погибает?

Старик, оставив костыль в сторону, тяжело плюхнулся на диван.

Судя по количеству просмотров, выводимому в нижнем углу экрана, ролик был вирусным. Десять миллионов подписчиков. На экране человек, одетый в скафандр с приметной алюминиевой заплатой на макушке говорил:

— Я Джонни Небраска, веду репортаж с неизвестного астероида. То есть известного лишь тем, что находится в Большом поясе астероидов, образовавшемся тридцать лет назад после

подрыва Юпитера. Моя ракета неисправна, идентификационная система отказала, электронное оборудование вышло из строя. Я здесь уже десять месяцев — одиннадцатый станет последним, потому что запасы продовольствия на исходе. Тем не менее не ропщу. И прошу не искать меня: это бессмысленно. Во-первых, все равно не найдете: засечь координаты я не могу, и вы тоже не сможете, потому что точка вхождения радиосигнала не известна. Во-вторых, я не желаю быть найденным. Этот астероид — лучшее место для упокоения, поэтому я просто прощаюсь с жизнью. Тяжело умирать в безвестности, поэтому я веду ежедневные репортажи о своей смерти. Когда-нибудь и вам придется с ней столкнуться — тогда вы меня поймете, подписчики. Очень на это надеюсь.

Джонни Небраска вел съемку при помощи палки для селфи. За стеклом гермошлема угадывались страдающие глаза, исхудавшее лицо и небритый подбородок.

Чем-то эта трансляция — строго говоря, не отличающаяся от прочих — задела старика. Со времен войны в нем развилась болезненная чувствительность на интонации, позволявшая с ходу угадывать фальшь. Так вот, в интонации Джонни Небраска фальшь отсутствовала — слышался подлинный душевный надрыв: нечто такое, что брало за сердце и заставляло сопереживать неудачнику.

— Почему продовольствие на исходе? — спросил старик у жены. — Рябсов, что ли, на астероиде не водится?

— Не водится, Макарушка. Он в прошлой передаче жаловался. Кабы водились, он бы еще репортажи поделал. А умрет от голода — некому будет. Неужели Джонни Небраска спасти нельзя, а, Макарушка?

— Сама не слышала? — буркнул старик.

Трансляция закончилась, и старуха пошла на кухню — ошипывать принесенного рябса. Старик продолжал сидеть на диване как сидел: глубоко задумавшись, словно впад в беспамятство — лишь изредка подергивая замотанной в штанину культей. Старуха уже принесла жаркое, источавшее аппетитный — с грубым силикатным оттенком — аромат, и выставила на стол, а старик все сидел в задумчивости.

— Ужинать будешь, Макарушка?

— А? — встрепенулся тот.

— Ужинать будешь, спрашиваю?

— Завтра улетаю, — сообщил старик ни к селу, ни к городу.

— Куда? — поразила старуха.

Путешествовать старик не любил, из-за клаустрофобии. С некоторых пор он чувствовал себя в замкнутых помещениях неуютно. Но приходилось терпеть: из-за рябсов, которые, дорвавшись до астероидных силикатов, размножались с невиданной скоростью.

Эти птички могли весь астероид переработать в песок. Старик видел такое: слезавшаяся пыль — без единой силикатной крупинки — вперемежку с птичьими костями. Чтобы уменьшить поголовье, приходилось раскидывать отраву. Да и подзаработать на продаже не мешало: рябсовое мясо пользовалось спросом в спортивном питании. Тогда, кряхтя и чертыхаясь, старик залезал в двухместную развалюху-ракетку и мотался до марсианской продуктовой базы и обратно. Хорошо, что ветерану Первой Галактической топливо отпускалось бесплатно — в ограниченных объемах, разумеется. Для редких вылетов хватало, а иные надобности выбираться в открытый космос отсутствовали.

Старик строго посмотрел на жену, ожидавшую ответа.

— Думаю поискать Джонни Небраска.

— Совсем рехнулся, дурень? — заголосила старуха. — Куда погрешься, одноногий, со своей клаустрофобией?

— Поищу только. Не найду — вернусь.

— А то, что в астероидном поясе юпы пошаливают, это ничего?

При взрыве Юпитера погибли не все юпитерианцы: находившиеся в космосе уцелели. Многие сдались в плен после капитуляции, но нашлись радикальные, не принявшие поражение и скрывавшиеся. Некоторые умудрялись проникать даже на Землю, но их планомерно отлавливали и уничтожали. С годами информация об уцелевших юпах появлялась все реже и реже. Считалось, что тридцать лет — максимальный срок их жизни вдали от погибшей планеты. Юпы были подвержены ностальгии, являвшейся для этой космической расы смертельным заболеванием. Так что на данный момент их можно было считать самостоятельно вымершими, без помощи победившего человечества.

Старик не стал объяснять эти нюансы жене — не ее бабское дело, — но подвинул к себе рухлядь. Так он любовно называл винтовку, которую зажил лил еще со времен воинской службы. Мог купить новую, и по деньгам выходило «то ж на то ж», но жаль было с проверенной расставаться.

— Видела? — сказал старик. — Пусть только сунутся, пожалеют. В Первую Галактическую не мазал и сейчас не промахнусь.

Старуха осела. Насколько она знала своего Макарушку, тот от принятого решения не отступался: а когда брался за оружие, то и по-давно. Военная косточка, одно слово. Поэтому не стала возражать, а жалобно спросила:

— Он просил не искать его, этот Джонни Небраска. В спокойствии умереть человек хочет, а ты мешаешь.

— Умереть хочет, оттого что жрать нечего, — парировал старик. — А если ракета прилетит, небось, не откажется на Землю возвратиться.

— До Земли-то ты не долетишь, — вздохнула старуха.

— Верно. До Земли не долечу, а до Марса запросто подброшу. Если найду, конечно.

Если честно, старик не верил в то, что отыщет потеряшку: слишком хорошо знал Большое астероидное кольцо. Оно и раньше являло собой месиво камней разной величины, от небольших булыжников до планет диаметром в сотни километров. А после блистательной — посредством взрыва Юпитера — победы землян в Первой Галактической увеличилось минимум вчетверо, в результате чего сделалось совершенно непроходимым. Старик специально не интересовался, но был уверен, что звездных карт не составлялось. У землян после разрушительной войны других забот доставало.

Вместе с тем, ветеран не мог не услышать в жалобах потеряшки отзвуки собственной биографии. Ядерные мины, пролетающие в сантиметрах от борта. Попадание, и адская боль в развороченной ноге. Старик понимал, каково это — не иметь шансов, и, будучи эмоционально отзывчивым человеком, растрогался, потому и отправился на поиски. Спасательная операция — вот как это называлось во времена его молодости.

На следующее утро — условное, разумеется, потому что давно отвык от нормальных земных времен суток, — старик запасся ракетным топливом и стартовал. Ввиду невыполнимости задачи, у него не имелось определенного плана: лишь надежда на счастливый случай и интуицию. На все про все старик отводил неделю. По истечении указанного срока тиски клаустрофобии на горле должны были сомкнуться — к тому времени следовало возвратиться домой, со щитом или на щите.

Миновали три безрезультатных дня.

Предпринимаемые стариком поиски сводились к плутанию между беспорядочно кружащимися небесными телами, с наведением на них бортового радара. Ничего похожего на потерпевший аварию космический корабль не попадалось, разумеется. А для облета всего Большого астероидного пояса требовалась сотня лет, наверное.

Начинала сказываться клаустрофобия, пока терпимо. Иногда становилось тяжело дышать. Насколько старик знал собственный организм, радикальное ухудшение должно было наступить через четверо суток. Помимо затрудненного дыхания — учащение пульса, конвуль-

сии и все такое, вплоть до потери сознания. К тому времени следовало вернуться домой — или высаживаться на первый попавшийся астероид и пару дней приходить в себя.

На четвертые сутки непрощенный спасатель едва не погиб. Глупая случайность: из-за астероида выскочил малогабаритный контейнеровоз и чудом не протаранил допотопную развалюху. Обычное в астероидном поясе дело. Разошлись, что называется, впритирку.

Минут пять старик просидел в кресле пилота, не в силах отдышаться. Жидковат от стал для таких потрясений. Раньше — во времена Первой Галактической — и ухом бы не повел, а сейчас прихватило.

Однако, что-то зацепило внимание: мелочь, но существенная.

Он привык доверять интуиции, поэтому пересмотрел кадры едва не случившегося столкновения и кое-что обнаружил. На боку контейнеровоза красовалась гигантская рекламная наклейка «Найти Джонни». Старик не был глупцом и предположил: встреченный корабль также занимается поисками потеряшки — иначе откуда совпадение? После чего живо развернул ракетку и последовал за «Найти Джонни».

Радар в Большом астероидном поясе не работал из-за значительного числа небесных объектов: пришлось догонять вслепую. По счастью, контейнеровоз не успел отдалиться и вскоре попал в зону видимости.

Тогда старик радировал по открытому каналу:

«Прошу сообщить, не занимаетесь ли вы поисками Джонни Небраска. Если да, мы можем согласовать дальнейшие действия».

На что пришел любезный ответ:

«Вы ищите Джонни Небраска? Если так, мы готовы доставить вас до места. Держитесь курса».

Старик озадачился. Следовало ли данный ответ понимать так, что Джонни найден — допустим, смог передать координаты, — и контейнеровоз летит забрать потеряшку с осточертевшего астероида? Или у ребят имеется верный план по спасению, а случайному попутчику предлагают присоединиться?

Он не стал добиваться подробностей, словно чувствовал: в странном совете содержится рациональная крупница.

На второй день полета контейнеровоз сбросил скорость и принялся выполнять маневры, свидетельствующие о намерении приземлиться на один из близлежащих астероидов. На какой — догадаться было несложно: вокруг этого астероида — по стационарной орбите — вращались несколько малых кораблей.

«Найти Джонни» зашел на посадку, а вместе с ним и старик на своей допотопной развалюхе.

Посадка прошла без происшествий: на астероиде — вообще говоря, утыканном сталагмитами и не пригодном для приземления, — имелось расчищенная площадка. Можно сказать, была оборудована миниатюрная взлетно-посадочная полоса.

Пока старик гасил двигатели и натягивал на укороченное тело скафандр, «Найти Джонни» отворил грузовые люки. Роботы принялись сгружать ящики. Управляли автоматическими грузчиками несколько членов экипажа: то ли корабельных экспедиторов, то ли представителей заказчика.

Со стороны расположенных на астероиде модулей подошли несколько человек и принялись, оживленно жестикулируя, объясняться с прилетевшими. Общались по радиосвязи на открытых частотах. Речь шла о выгрузке и установке оборудования. Местные просили пилотов поторопиться с разгрузкой.

Старик хотел подойти и осведомиться насчет Джонни Небраска — также насчет корабельной наклейки, — когда неожиданно увидел самого потеряшку, в гермошлеме, венчаю-

щемся незабываемой алюминиевой заплаткой. Не узнать гермошлем Джонни Небраска было невозможно. Пару раз за стеклом мелькнуло изможденное лицо, виденное в трансляции.

Опознав потеряшку, старик помрачнел. Что-то в душе переклинило — возможно, из-за того, что страдальца обнаружили без его участия.

Впору было возвращаться домой, но старик чувствовал недосказанность. Например, поодаль располагались несколько модулей, то ли жилых, то ли производственных. Ничего такого в трансляциях не было: потерянный Джонни Небраска жил в обломках разбитого космического корабля. Старик не понимал, зачем возводить модули, и желал разобраться.

Один из местных заметил его и подошел.

— Здравствуйте. Желаете поприсутствовать на съемке? С вас пятьдесят кредитов. И еще сотка за приземление.

За бронированным стеклом маячило вопросительное лицо. Голос был вежливым и равнодушным.

— За что? — удивился старик.

— Астероид — частная собственность. Присутствовать на съемках разрешается, но на платной основе.

Для семейного бюджета сумма была ощутимой, но старик не стал спорить и перевел деньги.

В дальнейшем он мог наблюдать следующее. В ящиках, доставленных на контейнеровозе, оказалось осветительное оборудование и декорации, изображающие небесное тело. Привезенное добро выгрузили и установили на специально оборудованной площадке, добавив к имеющемуся. Джонни Небраска — в скафандре с алюминиевой заплатой — распоряжался процессом: жестикулировал больше остальных и показывал, куда и как устанавливать декорации и осветительные приборы. Его слушались: было видно, кто здесь начальник.

Потом, на некоторое время, активность угасла: люди разбрелись.

Старик, устроившийся неподалеку, продолжал следить за происходящим. Он отдыхал от замкнутого пространства ракеты и физически чувствовал себя неплохо. Хотя на душе скребли кошки. Теперь-то он понимал, каким дураком предстал со своим человеколюбием и готовностью помочь там, где не просили.

Но бесило не это. Мало ли, кто и когда его обманывал?! Если вспомнить, то множество раз, начиная с военного училища, в которое парня отправили лживыми посулами, и заканчивая последним боем, когда — видимо, из-за экономии боезапасов, — отказали в огневой поддержке. Но эти обманы были привычными и предсказуемыми. Но как Джонни Небраска удалось подделать страдание настолько реалистично, что старик поверил? А ведь он различал фальшь с первого слова — еще до того, как лжец открывал рот.

Не в силах разобраться, он ощущал приближение гнева. В такие моменты старик становился непредсказуем и опасен. Он и на астероид — подальше от людей — перебрался в том числе из-за периодических гневливых вспышек. То, что приветствовалось в армии, для мирной жизни не годилось категорически.

Пока бывший солдат пытался сдержать гнев, активность на съемочной площадке возобновилась. Вернулись люди и заняли рабочие места. Появился, поглядывая на звездное небо, Джонни Небраска. Включились прожекторы, и пространство на съемочной площадке заполнилось полутьмой-полусветом, создавая иллюзию затерянности. Любому дураку-зрителю становилось ясно, что место действия находится вдалеке от проторенных маршрутов, в таких закоулках вселенной, в которые лучше не забираться. И если кто-то оказался здесь с поломанным двигателем, отказавшей электроникой и ограниченными запасами пищи, не стоит надеяться на спасение.

Приступили к съемкам, и в кадре появился Джонни Небраска.

Он еле волочил ноги, а перед собой держал штатив с укрепленной на ней камерой. Дополнительно потеряшку снимали с нескольких нависающих камер: наверное, для того, чтобы включить в трансляцию наиболее удачный ракурс. Впрочем, старик не разбирался в кинопроцессе: видел лишь, как потерянный в Большом астероидном поясе человек — отчаявшийся и изголодавшийся, фактически при смерти — бесцельно бредет вперед, что-то при этом вещая. О своей печальной судьбе, надо полагать.

Вот Джонни Небраска покачнулся, правая рука его задрожала вместе с камерой, а левой он прикрыл лицо, словно испытывая и одновременно скрывая отчаяние. Затем, пошатываясь — зрителям следовало догадаться, что от голода и усталости, — продолжил говорить.

Съемки завершились — но, видимо, не полностью: только натурные. Львиную долю трансляций составляла работа внутри разбитого космического корабля, где потеряшка демонстрировал испорченное оборудование и подходящие к концу запасы пищи. Теперь-то старик понимал, что никакого разбитого космического корабля не существовало, а все происходило в съемочном павильоне.

Осветительные приборы погасли. Киношники, подгоняемые выразительными жестами Джонни Небраска, проследовали в павильон. Кто-то тащил аппаратуру.

Интересно, как менялось поведение потеряшки в зависимости от обстоятельств. Во время съемок старик готов был поклясться, что Джонни Небраска при смерти: его движения были замедленными, выдающими нечеловеческую усталость. Но едва съемка закончилась, как образ космического изгнанника тускнел и расплывался: на площадке оставался другой человек — резкий и сосредоточенный.

«Кажется, это называется искусством перевоплощения», — припомнил старик.

Он разволновался и почувствовал в отношении Джонни Небраска еще большую злобу.

«Нельзя так цинично обманывать людей: это уже не актерская игра, а по-другому называется. Слово в душу наплевали».

Дел на частном астероиде не осталось, пора было возвращаться к ракете.

Там старика и скрутило, прихватив ребра железными тисками. Потолок надвинулся, грозя раздавить, а стены будто сжались. Проклятая клаустрофобия — видимо, он здорово расстроился. В неудачные дни болезнь усиливалась, и старик понял, что в ближайшие сутки не улететь: необходимо успокоиться.

Ночевать под звездами было не впервой: понадобился пуховик. Лежать на голых камнях, даже в скафандре, не очень удобно.

Еще старик захватил рухлядь. Теперь, после разоблачения Джонни Небраска, можно было рассчитывать пострелять на астероиде рябсов. В зависимости от химического состава силикатов, мясо разнилось на вкус: старик рассчитывал побаловать дражайшую половину.

Под звездами старика отпустило. Он отошел подальше от взлетно-посадочной полосы и съемочного павильона — в беспорядочное месиво сталагмитов, тянущих каменные острия в черное небо, — и расстелил пуховик.

Мысли все время возвращались к пресловутому Джонни Небраска, который так легко его — и миллионы других зрителей тоже — одурачил.

Старик отгонял мысли. Знал: если не подавить гнев, можно надеть глупостей. Прекрасно помнил славное прошлое: бросающихся в спонтанную атаку и нелепо погибающих — на Эде, Каллисто, Валетудо. Не нужно этого: он не поддастся эмоциям — переждет приступ клаустрофобии, а потом возвратится к старухе.

Бывший солдат закрыл глаза и постарался заснуть. В памяти возникла переправа на Фемисто: болото с ядовитыми тварями и шарящие между кочек лазерные целеуказатели.

Внезапно старик проснулся: что-то его разбудило. На фоне звездного неба мелькнула одинокая тень — мелькнула и пропала.

Солдатские рефлексy сработали машинально: старик перевернулся на живот и подтянул к себе рухлядь. Хорошо, что захватил винтовку с собой! Хотя сейчас не Первая Галактическая, и не спутник Юпитера. Все в прошлом: вражеской планеты не существует, а кровопролитие завершилось победой. Но любопытно, кому вздумалось бродить по нерасчищенной территории?

Старик по-пластунски пополз в сторону мелькнувшей тени и вскоре увидел.

Человек сидел, прислонившись к одному из сталагмитов, и смотрел на звезды — точнее, на обломки Юпитера, тридцать лет назад развалившегося под ударом земных бомб. Оpoznать человека было легко, благодаря характерной заплате на гермошлеме. Это был не кто иной, как Джонни Небраска, завершивший съемку и вышедший прогуляться. Находишь потеряшку на Земле, можно было сказать: выбравшийся на свежий воздух, — но воздух в скафандре не отличался от того, которым дышат в жилых модулях.

Удивительно, но в позе сидящего, его обращенности на скользящие над головой астероиды сквозила тоска. И сейчас — думая, что находится в одиночестве, — обманщик продолжал играть на публику. Поза намекала на неизбежное отчаяние, и оно было всамделишным — абсолютно натуральным, старик мог поклясться.

Черный гнев все-таки проник в душу старика и овладел ей. В такие минуты он сам себя не помнил, а действовал решительно и жестоко, как подобает солдату. Притянул к себе рухлядь и прицелился в шарлатана и обманщика, очертания которого отчетливо виднелись на фоне звездного неба.

Неожиданно Джонни Небраска произвел странное движение, а именно: взял обеими руками гермошлем и принялся отвинчивать. «Неужели хочет покончить с собой?» — подумал старик. Стоило труда не выстрелить — теперь бывший солдат со все возрастающим удивлением наблюдал за потеряшкой.

Джонни открутил гермошлем и сдернул с головы.

Вопреки ожиданиям, ничего не произошло, то есть оставшийся без защиты человек не схватился за горло в приступах удушья, а продолжал облокачиваться на сталагмит как ни в чем не бывало. Наверное, задержал дыхание.

Старик продолжал выжидать, но по-прежнему ничего не происходило: Джонни не только не умирал, но и не выказывал неудобства. Более того — теми же самыми движениями, которыми откручивал гермошлем, — взялся за голову и принялся поворачивать вокруг оси. Старик едва не вскрикнул от изумления от столь противоестественного зрелища, но — больше по инерции, чем сознательно — продолжал целиться. А Джонни Небраска, открутив голову, с трудом стащил ее, обнажив под ней вторую, омерзительную: светло-коричневую, вытянутую, с широкими ноздрями в пол-лица, стелющимися по макушке ушами и глазами навывкате. Обыкновенную рожу юпа, которую старик сразу опознал, разумеется. Такого во времена Первой Галактической он вдосталь насмотрелся.

И все стало ясно, как Божий день.

Ни невезучего потеряшки, ни наглого актера не существовало в природе: был юпитерианец, тридцать лет скрывавшийся под человеческой личиной. Сложно сказать, зачем ему понадобилось вести чаты от имени человека: возможно, назвавшийся Джонни Небраска искал сочувствия или просто оригинальничал. Но тоска по погибшей планете была натуральной — оттого у старика не возникло малейших сомнений в искренности.

Можно было и раньше догадаться. Зачем снимать кино в Большом астероидном поясе, если достаточно благоустроенного павильона? Интересно также, каким образом мнимый Джонни Небраска провернул авантюру? Старик не сомневался, что киношникам ничего не известно: за укрывательство юпа полагался тюремный срок. Следовательно, Джонни имел финансовую заначку на Земле — иначе не мог оплачивать киносъемку.

Неважно — теперь в любом случае все кончено.

Старик поймал юпа на мушку, но... не смог нажать на спусковой крючок, потому что черный гнев улетучился. Потеряшка не обманывал: он действительно тосковал — только не по Земле, а по расколовшемуся на части Юпитеру.

«В конце концов ты все равно умираешь, — прошептал старик, отползая. — Последний юп, скрывающийся в Большом астероидном поясе, надо же! Трижды тьфу на тебя».

Он отыскал местечко в противоположной стороне от взлетно-посадочной площадки, где смог отлежаться и выспаться. А когда проснулся, почувствовал, что клаустрофобия отступила: ему по силам справиться с болезнью.

Старик поплелся к ракете.

И тут из-за сталагмитов выпорхнул рябс. Астероид все-таки оказался заселен космическими птичками. Окажись Джонни Небраска человеком и действительно потерпи здесь кораблекрушение, голодная смерть ему не грозила — если только от увеличения рябсовой популяции, которые рано или поздно превратят астероид в пыль. Но это не скоро.

Рука сама собой вскинулась, и рухлядь разразилась огненной вспышкой. Подстреленный космический рябчик спикировал вниз. Старик — премного довольный тем, что не промахнулся, — захромал к месту падения.

Сайт-призрак

По небу, озаряемому молнийными вспышками, ползли черные тучи. Тяжелые струи дождя хлестали по крыше — но мне, спрятавшемуся за толстыми стенами и двойной рамой, было тепло и уютно.

Я гуглил второй том «Мертвых душ», желая освежить в памяти черновики, сохранившиеся после их сожжения обезумевшим Николаем Васильевичем. Открыл первую ссылку и принялся читать.

Кое-что показалось мне странным. Когда последний раз — правда, это было довольно давно — я просматривал текст, то сияющего совершенства гоголевского текста не замечал: черновики они черновики и есть. Вероятно, сказывалась новизна восприятия.

Так часто случается: при новом прочтении воспринимаешь давно знакомую — казалось, не могущую изменить к себе отношения — книгу иначе. Хотя здесь была не книга, а бессодержательные отрывки, с пропусками слов и стилистическими погрешностями. Тем не менее я не сильно удивился и продолжил приятное чтение... которое все не заканчивалось и не заканчивалось, хотя давно пора было.

Через некоторое время я догадался взглянуть на количество страниц в книге. Близко к тысяче... чего никак не могло быть, разумеется.

Я понял, что ненароком наткнулся на фанфик второго тома «Мертвых душ», дописанный ярым — и, надо заметить, небесталанным — поклонником писателя. Желая узнать, кто у нас такой умный и самонадеянный, я возвратился на первую страницу, но фамилии соавтора не обнаружил. Зато обнаружил корявую техническую информацию:

«Реализация: Гоголь Н. В. (частично)».

Вероятно, имелось в виду, что текст частично принадлежит Гоголю.

Походя я обратил внимание на необычный дизайн. Фон у литературного портала был молочный, беспрестанно меняющийся... облачный, что ли. Нет, больше напоминал не облачность, а поднимающийся ввысь туман. По счастью, дымные клубы на периферии зрения читать несколько не мешали.

Заинтересовавшись, я открыл главную страницу. Наползающие друг на друга туманные ключья заполонили пространство.

Посередке располагалась строка поиска, а по размытому периметру — более чем оригинальный интерфейс.

К сожалению, запомнились не все пункты. Могу назвать пункт «Подключиться» (вместо обычных «Войти» и «Зарегистрироваться»), также обычное для литературного портала «Жанры», непонятно к чему «Персонажи» и совсем уж загадочное «Сюжетные архетипы». Еще имелся обещающий раздел «Конструктор», который я отчего-то предположил платным. И большая кнопка «Все».

Я кликнул на «Все» и получил табличный перечень публикаций с выходными данными... хотя опять-таки неправильными. В них значилось не издательство и не год опубликования книги, а количество неких реализаций, в некоторых случаях нулевое. Нулевое количество реализаций — это как?

Книги в перечне показались мне... какими-то несовременными, что ли: сплошь историческими, да еще посвященными специальным темам. Вероятно, я попал на сайт полиграфических артефактов — возможно, от крупного музея. Что и объясняло вычурность интерфейса... Что с музейщиков взять, если они в компьютерном дизайне ни бум-бум?!

К примеру, кнопки с переходами по страницам завершались лемнискатой — знаком бесконечности. Следовало ли понимать так, что на сайте находилось бесконечное множество томов? Ну, не знаю...

Я кликнул на лемнискату, и страницы перечня начали быстро перелистываться... пока я не остановил их, утомленный ожиданием. Действительно, бесконечность.

Продолжив исследование, нажал на «Подобрать» — и вывалился в «Подключение». То есть подбор осуществлялся исключительно для залогиненных пользователей.

Регистрироваться я не собирался — еще чего! — но обратил внимание на нестандартную возможность, обозначенную мелким шрифтом. Предлагалось, ни больше ни меньше: «Автоматическое подключение через психоформу».

Что бы это значило?

Я выбрал психоформу, и надписи исчезли. По экрану вновь за клубился туман, оказавший на меня необычное воздействие. Слово по черепной коробке — причем не снаружи, а внутри — забегала божья коровка. Я ухватился за голову и принялся расчесывать волосы, в попытках заставить беспокойного жучка остановиться... но каким образом? Расчесывал я снаружи, а жучок находился внутри.

Чуть погодя щекотание изнутри черепа прекратилось, и в углу экрана проявился мой творческий псевдоним. Подключение состоялось. Интересно, как система установила логин? Из Яндекса, скорее всего: других предположений не имелось.

И начался подбор. Из стелящейся облачности выплывали и, задержавшись на секунду, пропадали мужские и женские лица — из них, очевидно, мне надлежало выбирать. Вот только кого и с какой целью? Я глубоко задумался и, как обычно поступал в таком состоянии, забарабанил пальцами по столу.

А это что такое?.. Я еще ничего не выбрал, но в папке выбранного что-то лежало. Оно было обозначено как «Черновик».

Я открыл черновик и перешел на текст, в котором узнал свою же незаконченную повесть. Ее можно было скачать с компьютера или Яндекс-диска, где я храню рукописи, — предварительно взломав профиль, разумеется. Но дело в том, что...

Парадоксально, но черновик оканчивался главой, обдуманной, но еще не записанной — существующей лишь в моих мыслях!

Я возвратился и принялся наугад кликать курсором в выплывающие из тумана лица. Это были персонажи из еще не написанных книг! После выбора персонаж раскрывался. Я начал понимать его, что называется, с ног до головы: все тонкие психологические побуждения, мотивы, эпизодические оттенки настроения. Заодно постигал своеобразную — ни на что другое не похожую — историю жизни. Точнее, все потенциальные истории: их у каждого персонажа имелось множество.

Информация поступала в мозг непосредственно — от той ерзающей божьей коровки в черепе, а ей в свою очередь поступала от...

Я начал догадываться, на какое сокровище наткнулся.

Каждому писателю известно, что выдумать ничего нельзя, но можно скачать из информационного поля, которое обычно называют астралом. Там хранятся все художественные произведения: когда-либо написанные и еще не написанные.

Сайт, который я случайным образом открыл, являлся, насколько можно судить, тем самым астралом. Бесконечный перечень книг, залитых на сайт. Подбор готовых персонажей — которых, как ни старайся, нельзя выдумать, но можно заимствовать из жизни. Текст, уже обдуманный, но не записанный. Божья коровка в черепе, напрямую соединенная с информационным небесным источником... Где еще такое возможно, как не в астрале?!

По всему выходило, я начинал читать не фанфик, написанный беспокойным поклонником Николая Васильевича, а подлинный — уничтоженный — вариант второго тома «Мертвых душ». И, представьте, не дочитал — бросил!

Меня словно пронизало электрическим током, от осознания того непостижимого, которое клубилось передо мной, манящее и готовое к употреблению.

И в этот момент...

Нет, но почему именно в этот?..

Всегда так...

Забыл предупредить: в тот день я слегка приболел и страдал чиханием, причем внезапным. Чих не оставлял даже мгновения на то, чтобы прикрыться. И вот я чихнул — вероятно, неловко дернул при этом рукой, потому что — когда прибежал от умывальника, приведя себя в порядок, — браузер оказался закрыт. Наверное, при чихании я задел не те клавиши. Рядовой несчастный случай.

Разумеется, я открыл браузер, запустил поисковое слово и принялся открывать сайты по имеющимся ссылкам. Но астрального среди них не нашлось. К несчастью, я не установил закладок. И в браузерных настройках не было указано: открывать при запуске ранее открытые вкладки. И, уж само собой, я не запомнил ни адреса, ни даже названия астрального сайта-призрака. Впрочем, не уверен, что они имелись. Скорее всего, подключение было случайным и произошло из-за грозы, продолжавшей сверкать молниями за окном, — так что свой счастливый шанс я упустил.

Больше ни с чем подобным я не сталкивался.

С тех пор я подключаюсь к астралу по старинке — усилием воли, подобно всякому обыкновенному писателю. А об удобном и интуитивно понятном интерфейсе, имевшемся на астральном сайте, пришлось навеки забыть.

Самки тоже люди

Он брел по ледяной корочке, начавшей уже подтаивать. А навстречу двигалась самочка, молодая и привлекательная.

Коля направил на нее средний палец, с тестером сексуальной совместимости, — статы замигали зелеными надписями:

«До совокупления: 0 часов.

До регул: 10 дней.

Совместимость уровней: допустимое.

Покрытие: возможно».

Это означало, что в настоящий момент Коля имеет право самку покрыть. Возможностью не следовало пренебрегать: время для медицинского секса подоспело.

Когда самка приблизилась, Коля выкрикнул повелительное:

— Стой!

Самка послушно остановилась. Коля, торопясь — хотя рядом не было другого мужчины, который мог его опередить, — навел на девушку безымянный палец с метчиком и забронировал совокупление.

— Идем.

Самка — видя, что ее забронировали, — спросила только:

— К тебе? Ко мне?

— Ко мне.

Не торопясь, зашли в метро и поехали к Коле. О том, чтобы сбежать, самка не помышляла. У них с этим строго: за отказ в обслуживании столько штрафных совокуплений начислят, мало не покажется.

Вышли из метро и вновь заскользили по ледку, в направлении дома.

Дворник — со скрюченными в трубочку ладонями, предназначенными для рукояти лопаты, — посыпал дорожку песком. Скользнув по паре равнодушным взглядом, отвернулся. Как человек с низким рейтингом мутации он мало на что мог претендовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.